АКАДЕМИЯ
НАУК СССР

Х. И. Кильберг

ВОССТАНИЕ АРАБИ-ПАШИ В ЕГИПТЕ

Издательство
Академии Наук СССР
Москва-Ленинград

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ · XXIII

Х. И. КИЛЬБЕРГ

ВОССТАНИЕ АРАБИ-ПАШИ В ЕГИПТЕ

(АНТИБРИТАНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕГИПТЕ В 1879—1882 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА ★ 1937 ★ ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Декабрь 1936 г.
Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

„У побежденных нет истории. Да будете вы обойдены молчанием, персы Саламина, рабы Спартака, галлы, арабы Пуатье, альбигойцы, ирландцы, индейцы обеих Америк и колониальные народы...!"

Р. Роллан. „Клерамбо"

Восстание Араби-паши — первое на Востоке национально-революционное движение нового типа, происходившее на стыке промышленного капитализма и империализма, естественно представляет значительный интерес.

Актуальность изучения движения, известного под названием восстания Араби-паши, как и более ранних эпох бесспорна и по тому огромному стимулирующему значению, какое имеет революционное прошлое того же Египта для современного развития его национально-освободительной и классовой борьбы.

В январе 1935 г. на массовом конгрессе Вафда лидер египетского национал-реформизма Нахас-паша в своей речи, частично посвященной истории „возрождения" Египта, не случайно постарался совершенно обойти такие яркие моменты борьбы египетского народа против вторжения английского империализма, как восстание Араби-паши и последующий этап в развитии национального движения, представленный Мустафой Камилем. Замалчивание этого движения, национал-реформистами дает нам еще более оснований заниматься им.

Имеющаяся литература по движению Араби-паши, существенно ничем не отличаясь от буржуазной историографической литературы вообще, служит верным орудием в руках буржуазии. О буржуазной историографии Ленин писал:

„Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-первых, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-вторых, прежние теории не охватывали как раз действий масс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса“ (Ленин. Маркс, Энгельс, марксизм. Партиздат, 1932, стр. 20).

Довольно обширная литература по восстанию Араби-паши не составляет исключения и страдает охарактеризованными Лениным общими для буржуазной историографии недостатками. Поэтому задача разработки этого конкретно-исторического вопроса требует последовательного применения марксистского метода.

Разумеется, что только лишь тогда, когда победоносная революция в Египте раскроет перед нами двери архивов, станет возможным исчерпывающее освещение этого движения.

Настоящая работа, для которой нами использована основная европейская литература по этому вопросу и материалы, недавно опубликованные в арабской прессе, ставит себе задачу дать классовый анализ этого национально-освободительного движения, дать оценку его на основе фактической картины движения.

Сжатая по изложению картина движения, пронизанная единством методологического стержня, естественно, потребовала отступления от простого описания, некоторого сокращения исторического материала в одной его части, и, наоборот, неизбежного его расширения в другой, иллюстрирующей внутренний смысл событий, массовый характер движения. Последнему

и послужили привлеченные нами арабские материалы, еще не фигурировавшие до сих пор в нашей и европейской литературе.

Первая глава настоящей работы ставит себе задачу охарактеризовать историческую обстановку накануне возникновения восстания, охарактеризовать последствия вторжения иностранного капитала, обусловившие роль крестьянства в движении в качестве основной движущей силы его.

Во второй главе сделана попытка дать сколько нибудь систематическое изложение событий в их последовательно-преемственной связи.

Третья же и последняя глава отведена собственно анализу расстановки классовых сил движения, перспектив и возможностей его.

В качестве приложения к работе дан перевод статей египетского публициста и историка Давуда Бараката, печатавшихся на протяжении 1931—1932 гг. в египетской газете „Аль-Ахрам" под заголовком: „Восстание Араби-паши, влияние его на Египет и его мировое значение". В приложении дан перевод не всей серии статей, а тех из них, которые имеют существенное значение для данной работы.

Нумерация очерков соответствует тому порядку, в каком материал печатался в „Аль-Ахраме". Считаю необходимым выразить глубокую благодарность академику Крачковскому И. Ю. и проф. Баранову Х. К., не оставлявшим меня своими указаниями.

Автор

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Литература по восстанию Араби-паши принадлежит главным образом перу европейских и арабских авторов, об антимарксистской сущности которых говорить, разумеется, не приходится. Единственная пока у нас по этому вопросу книга Ротштейна „Захват и закабаление Египта", несмотря на солидную эрудицию автора и собранный им богатый фактический материал, к сожалению, не может расцениваться как марксистски вполне выдержанная работа. На книге Ротштейна лежит неизгладимый отпечаток взглядов „либерального" консерватора Блэнта, автора очень ценной работы по восстанию Араби.

Несмотря на то, что книга Ротштейна прекрасно иллюстрирует методы империалистического проникновения и захвата Египта, аргументация ее не перестает быть аргументацией с либерально-буржуазных позиций, характерной для работы Блэнта.

Ротштейн в своей книге очень обстоятельно проследил развитие внешнеполитического хода событий, но не дал четкой социальной характеристики борьбы внутри страны.

К событиям Ротштейн не всегда подходит с точки зрения классовой борьбы, местами же просто создается впечатление, что Ротштейн ставит в зависимость от доброй или злой воли политических деятелей то или иное направление событий и даже возможность смягчения острых классовых противоречий.

Симпатия Ротштейна, как и Блэнта, целиком на стороне „мирной", „бескровной" революции. Поэтому с особым восторгом он пишет о сентябрьском выступлении армии у Абдинского дворца, которое он именует революцией. Он пишет: „Это была революция, происшедшая без пролития единой капли крови".

Блэнт был в это время в Египте, и его описания радостных сцен в Каире и других местах совпадают во всех деталях с тем,

что было в Турции после младотурецкого переворота. „Вся нация была внезапно освобождена смелым ударом армии и поставлена на широкий путь конституционных реформ“ (стр. 93).

Невольно напрашивается вывод, что и для Ротштейна, когда он писал эту работу, конституционализм представлялся конечной целью борьбы.

Нельзя также обойти молчанием излишнюю восторженность Ротштейна по отношению к Блэнту — „другу“ Египта. Мы, конечно, не касаемся общечеловеческих достоинств этого „честного тория“, но не можем не отметить некритического отношения Ротштейна к тем побуждениям, которые служили двигательными мотивами в поведении Блэнта по отношению к восстанию Араби. В предисловии к своей книжке Ротштейн пишет о Блэнте, как о редком человеке, „который, будучи аристократом и торием, всю жизнь воевал с английским империализмом на Востоке...“ И в конце 14-й главы своей работы, описывая энтузиазм палаты депутатов по поводу решения правительства о посылке военной экспедиции для захвата Египта, Ротштейн добавляет: „Только небольшая группа честных людей различных политических взглядов, как Блэнт, с одной стороны, и Фредерик Гарриссон, с другой, осмелились выступить против этого джингоистского духа, но, естественно, без результата“.

Для выяснения той роли, которую объективно играли Блэнт и прочие „друзья“ Египта из представителей господствующих классов Англии, необходимо эти заявления Ротштейна сопоставить с следующей заметкой, почерпнутой нами из арабских материалов: „Лондонское правительство дало сэру Малету директиву приобрести доверие ватанистской партии, и посредником в этом был друг Араби и его сторонников Вильфрид Блэнт... Совершенно необходимо сказать несколько слов о Вильфриде Блэнте, который играл важную роль в восстании Араби. Он был чиновником английской дипломатической службы, направившим свою деятельность в сторону Востока. Блэнт выражал уверенность в приближении эпохи возрождения ислама. Жена его была внучкой лорда Байрона, глашатая греческого возрождения. Блэнт, бывало, говорил, что он гордится тем, что он был первым, кто открыл национальный Египет, и первым, кто действовал в направлении создания его (национального Египта). Он был другом шейха Аль-Азхара и полностью окунулся во все перипетии борьбы повстанцев... Рядом с ним стоял

англичанин сэр Вильям Грегори, бывший депутатом от консерваторов. Он был назначен губернатором острова Цейлона, где он был предоставлен самому себе вместе со своими делами. После его смерти жена опубликовала его мемуары, в которых он говорит: «Я вошел в движение Араби из убеждения в том что интерес Англии требует этого, я вошел в движение для того чтобы покончить с двойственным контролем — французским и английским, я хотел положить предел соучастию Франции в делах Египта, и поэтому я поддерживал египетское офицерство и поощрял его, так как оно ненавидело Францию». Благодаря своей близости с издателем «Таймс», Грегори наводнял эту газету своими статьями и открыл эту же самую дорогу мистеру Блэнту. Оба они занимались восхвалением движения Араби и ратовали за высокие цели движения. Когда Малет убедился в влиянии Блэнта на офицерство и шейха Аль-Азхара, то постарался сохранить его, чтобы воспользоваться им (влиянием Блэнта) в палате депутатов при созыве ее, как он это говорил".[1]

Значительная арабская литература по восстанию Араби чаще всего отражает это движение как в кривом зеркале. Использованные нами материалы на арабском языке чаще доказывают то, что их авторы старательно отрицают. В освещении восстания Араби буржуазная историография современного Египта идет проторенными путями наиболее реакционных историков Запада.

Стало прочной традицией воспевать хвалу высоким целям борьбы за национальное освобождение, с тем, чтобы затем с „неумолимой логикой" показать, что „неблагородные", экстремистские методы борьбы неизбежно должны привести к поражению. „Неразумное" поведение низов не может не вызвать интервенции иностранных захватчиков, которые не прочь провоцировать экстремистские излишества со стороны масс.

Так в изображении буржуазных историков замыкается порочный круг национально-освободительной борьбы и, с претензией на неотразимую убедительность, рисуется безысходность этой борьбы.

Типичным представителем такой именно концепции выступает неоднократно цитируемый в нашей работе египетский

[1] Баракат. Революция Араби, ее влияние на Египет и ее мировое значение, очерк 6, „Аль-Ахрам" от 20 X 31 г.

публицист-историк Баракат, который посвятил движению Араби, в связи с 50-летием его, целую серию статей (50 очерков, значительная часть их — нами переведена на русский язык и прилагается в настоящей работе). Работа Бараката напечатана в египетской газете „Аль-Ахрам" за 1931 и 1932 гг. На работу Бараката мы обращаем особое внимание потому, что он является ярким представителем египетской публицистики и историографии.[1]

Будучи парламентским деятелем, Баракат был лично знаком со всеми выдающимися деятелями Египта последней четверти XIX в. и первой четверти XX в.: Шерифом, Риадом, Нубаром, и особенно тесно Баракат был связан с Мустафой Камилем, основателем „аль-Хизб-аль-Ватани". В деятельности этой партии он играл видную роль. Впоследствии Баракат примкнул к Вафду. По своему credo и пройденному им пути он не может не рассматриваться как один из типичнейших выразителей той политической эволюции, которую проделала египетская буржуазия. С другой стороны, работа Бараката представляет большой интерес еще и потому, что она в значительной своей части базируется на дотоле еще неиспользованных архивных документах.

Вполне уместно здесь проиллюстрировать данную нами общую характеристику концепции Бараката высказываниями самого автора, всем своим изложением утверждающего, что восстание Араби было на-руку Англии и таким образом служило интересам Великобританского империализма, который всячески провоцировал это движение. В его заключительной статье, интересной и для характеристики общеметодологических предпосылок Бараката, читаем:

„Если все согласны в том, что принципы египетской революции опирались на благороднейший высокий принцип «Египет для египтян», то вызывает удивление дальнейшее продолжение этой революции после того, как она достигла своих целей,

[1] Уроженец Ливана, Баракат, окончив в Бейруте юридический факультет, подобно многим своим соотечественникам эмигрировал в Египет, в связи с усилением в Сирии 80-х гг. Абдул-Хамидовского режима. В Египте Баракат сразу же начал сотрудничать в прессе: редактировал газету „Аль-Махруса" в Каире, затем основал ежедневную газету „Аль-Ахбар", занимавшую видное место в египетской прессе. В 1899 г. Баракат перешел в газету „Аль-Ахрам" и после смерти основателя этой газеты оставался главным редактором ее, вплоть до своей смерти (ноябрь 1933 г.).

после того, как она даровала стране одну из наиболее совершенных конституций ; вызывает удивление продолжение этой революции до тех пор, пока в конце концов не осталось лишь одно требование: «революция ради революции». Многочисленные факторы, более того, многообразные средства действовали для разрушения этого возвышенного сооружения (Египетской империи)".[1]

И прежде всего, конечно, „неблагоразумное" поведение масс. В другом месте Баракат с сокрушением замечает: „... нет сомнения в том, что каждый читатель-египтянин, после прочтения советов, данных повстанцам и народу покойным Башара Текла — основателем «Аль-Ахрама», советов о том, чтобы они не впадали в крайность и поддерживали министерство Шериф-паши, — по поводу их каждый египтянин скажет теперь: увы, если бы все последовали в то время этим драгоценным советам, то мы успешно спаслись бы от оккупации, сохранили бы нашу независимость, не пролили бы крови и укрепили бы основы Египетской империи от побережья Средиземного моря до побережья Индийского океана. И Египет под сенью этой независимости был бы великим государством среди великих держав".[2]

Баракат всячески укрепляет представление о движении Араби, как движении, вызванном лишь извне, спровоцированном: „Англичане выжидали таких обстоятельств, когда, как говорил Гладстон, «Египет стал бы яйцом, из которого вылупилась бы Африканская империя»".[3] И в другой связи Баракат пишет: „...такие как Малет, Блэнт и Грегори усиливали мощь повстанцев, которых они защищали в лондонской прессе, гордились их победами над Европой и ее политикой. Все эти подстрекательства поставили народ в положение повинующегося мановению руки вождей повстанцев; они расчистили для этого атмосферу в стране тем, что освободили ее от влияния таких умудренных опытом людей, как Нубар..., Риад...., и Шериф и прочих, которые сопровождали хедива в его бегстве из Каира в Александрию".[4] В этом именно Баракат усматривает главную причину, обусловившую срыв развития движения по излюблен-

---

[1] Очерк 50, „Аль-Ахрам" от 29 I 1932 г.
[2] Очерк 6, „Аль-Ахрам" от 20 X 1931 г.
[3] Очерк 2, „Аль-Ахрам" от 10 X 1931 г.
[4] Очерк 50, „Аль-Ахрам" от 29 I 1932 г.

ному им пути постепенного либерально-конституционного преобразования.

Основная движущая сила восстания для Бараката — это знать и омды (сельские старшины). С точки зрения Бараката это и не может быть иначе, — свидетельство тому он видит в их ведущей роли, какую они играли в восстании.

Различия целей, преследуемых в движении отдельными его компонентами, Баракат предпочитает не видеть; с его точки зрения, финансовое ограбление и закрепощение Египта иностранным капиталом в одинаковой степени затрагивает интересы всех социальных слоев, — „не оставалось ни одного социального слоя народа, который не подвергался бы страданиям и угнетению". Народ всегда „един" в своем негодовании, в своем протесте против господства иностранных захватчиков, и армия выступает в качестве выразительницы этого однородного негодования и масс и знати. Баракат предпочитает трактовать движение Араби, как общенародное движение, направленное только лишь против иностранного капитала даже и тогда, когда, обусловленный всем предшествующим развитием, в ходе революции должен был во всей своей остроте выступить аграрный вопрос, один из важнейших лейтмотивов движения, и, когда вследствие этого, с другой стороны, ясно обнаружились и заявили о себе генетические связи молодой тогда египетской национальной буржуазии, плотью и кровью связанной с феодальными отношениями, живущей и питающейся соками феодально-крепостнической эксплоатации.

В общем и целом, Баракат в своем изложении заботливо устраняет какую бы то ни было трактовку событий восстания с точки зрения классовой борьбы, в силу чего классовая целеустремленность и направленность самого автора выступает с предельной ясностью, как и назначение его исторического труда, долженствующего служить предостерегающим назиданием его соотечественникам.

По отношению к таким египетским историкам, как Баракат, особняком стоит историк уже несколько иной формации — Мохаммед Сабри. Свое образование он получил в Сорбонне, под непосредственным влиянием исторической школы Олара.

Перу М. Сабри принадлежит солидный труд „Египет под владычеством Мохаммеда-Али и восточный вопрос", затем труд посвященный эпохе Исмаила (на французском языке); он же

автор изданной на арабском языке книжки تاريخ و ادب, в которой довольно большая глава отведена восстанию Араби, ему же принадлежит также предисловие к мемуарам Араби, изданным на арабском языке в Каире.

Как же Сабри оценивает события 1879—1882 гг.? В предисловии к мемуарам Араби читаем: „Восстание Араби было первым народным движением, поднятым египтянами по истечении столь многовекового угнетения, что люди представляли себе египтян как бы созданными для угнетения, точно так же, как другие созданы для господства".

Последнее подчеркнутое нами замечание Сабри проливает, конечно, достаточно яркий свет на те методологические предпосылки, из которых он исходит.

Причины, породившие революцию, и объем поставленных ею задач, рисуются Сабри следующим образом: „Англичане были действительными хозяевами в стране. Хедив и египетские министры были орудием в их руках, которым они двигали так, как они того хотели. Египтяне прибегли к революции. Поднялась армия и во главе ее Араби-вождь народа с требованием учредить парламент, обеспечить египтянам свободу и улучшить положение в армии и управлении. Если основной целью революции, а она была чисто мирной революцией, было воспрепятствовать только военному захвату страны, то целью англичан было осуществление этого захвата под покровом революции".[1]

Сабри, подобно своему учителю Олару, сильно поправевшему под конец жизни, не желает видеть историческую правомерность в насильственных методах борьбы. Отрицать же их невозможно. Тогда остается объяснить их лишь провокацией извне, благо это к тому же может казаться попыткой разоблачения английского империализма. В другой работе Сабри читаем: „Возможно, что дела шли бы в полном порядке, если бы наши враги не подстерегали нас и не вели интриг то с теми, то с другими, подстрекая одних против других".[2]

Но чрезвычайно характерно звучат слова, которыми Сабри завершает свое предисловие к мемуарам Араби: „Кто прочтет эти мемуары, узнает приговор истории, а история — самый справедливый судья" (разрядка наша).

---

[1] Сабри, предисловие к мемуарам Араби, стр. 9—10.

[2] М. Сабри تاريخ و ادب, стр. 46—47.

Как же, действительно, не считать справедливым захват Египта, закабаление его? Помыслы о национально-освободительной борьбе после этого не могут не рассматриваться как кощунственное посягательство на приговор „самого справедливого судьи — истории".

Сопоставив высказывания этих двух авторов (Сабри и Баракаата), легко понять, что историки такого типа как Сабри и менее модернизированные как Баракат верой и правдой служат своему классу, предостерегая против „незаконных" „немирных" революций.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕГИПТА НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

Национально-революционная и классовая борьба в современном Египте своими истоками восходит к движению крестьянства, зарождающейся буржуазии и прогрессивной части либеральных помещиков в 80-х гг. — первому национально-революционному движению на грани промышленного капитализма и империализма.

Это восстание вспыхнуло в своеобразной исторической обстановке. Кабально ростовщические займы, как форма экспансии европейского капитала, поставили Египет к концу 70-х гг. в положение неоплатного „должника" по отношению к „кредиторам", главным образом, к англо-французскому капиталу.

Прогрессивно возраставшая дань с чрезвычайно доходного Египта, связанная с выкачиванием всех соков из египетского крестьянства, неизбежно должна была вызвать возмущение беспощадно обираемых „должников".

„Кредиторы" поспешили использовать это возмущение, как „законный" предлог для того, чтобы применить силу своего оружия и захватом Египта обеспечить реализацию своих ростовщических притязаний. К тому же захват Египта обеспечивал осуществление также и политических притязаний английского капитала, стремившегося овладеть как Суэцким каналом, соединяющим кратчайшим путем метрополию с Индией и Европу с Дальним Востоком, так и Египтом вообще как опорным пунктом для расширения экспансии английского капитализма в Африке (Судан) и Красноморском бассейне.

Захват Египта не мог не породить волны антиимпериалистического движения.

„Иностранный капитализм, насильственно привитый восточным народам, безусловно затормозил их общественное и хозяйственное развитие".

Этот ленинский тезис, принятый II Конгрессом Коминтерна, ярко подтверждается всем ходом исторического развития Египта на протяжении всего XIX в.

Европейский капитал, проникнув в Египет, затормозил начавшееся было развитие страны на пути к капитализму, захватив в свои руки экономические и политические командные высоты, и в лице Англии обеспечил себе в дальнейшем превращение Египта в аграрно-сырьевой придаток к метрополии, ценой уродливо искаженного одностороннего развития экономики Египта на основе упорной консервации феодальных и полуфеодальных отношений.

Начало эпохи 60—70 гг. характеризуется для Египта значительными успехами в области его экономического развития, дальнейшим ростом товарно-денежных отношений, окончательным включением страны в орбиту мирового хозяйства.

По словам александрийского корреспондента „Таймс“,[1] „в течение семидесяти лет Египет настолько продвинулся вперед, насколько другие страны подвинулись в пять столетий“. Достаточно указать хотя бы на то строительство, которое было развернуто на протяжении 1863—1875 гг., когда была осуществлена широкая программа развития путей сообщения и средств связи (увеличение железнодорожной сети с 275 до 1185 миль, сооружение 430 мостов, 15 маяков, постройка Александрийской гавани и доков в Суэце, проведение 500 миль телеграфа, сооружение Суэцкого канала, постройка 64 сахарных заводов и мн. др.).

Очень интенсивно шел процесс дальнейшего освоения земельных площадей. Площадь пахотной земли за этот же период увеличилась с 1 620 000 до 2 170 000 га. Вместе с тем было прорыто 112 ирригационных каналов длиной в 8400 миль. Достаточно далеко зашел и процесс товаризации отдельных отраслей сельского хозяйства. Резко вырос вывоз и ввоз (в 1863 г. вывоз составлял сумму в 4 454 000 ф. ст., а в 1875 г. он достиг 13 810 000 ф. ст., и соответственно поднялся ввоз с суммы 1 991 000 ф. ст. до 5 400 000 ф. ст.) Стоимость египетского урожая на протяжении 10 лет поднялась с 42 млн. фр. в 1861 г. до 187 млн. фр. в 1875 г. Соответственно возросло

---

[1] „Times“ от 6 I 1876 г., цит. по Ротштейну. Захват и закабаление Египта, 1925, стр. 27.

и население Египта, увеличившись за время с 1863 по 1875 г. с 4 833 000 до 5 518 000.

Задолго до описываемого периода начинается процесс накопления предпосылок капиталистического развития: при хедиве[1] Мохаммед-Саиде отменяется государственная монополия на земельную собственность, разрешается покупка и продажа земли, и на ряду с этим начинается интенсивное вторжение иностранного капитала, товарная интервенция которого ведет к усиленному разложению домашнего ремесла и форсированному развитию товарно-денежных отношений.

Английский эмиссар Блэнт, тесно связанный с египетскими националистами, охарактеризовал период 60-х гг. следующим образом:

„Правление хедива Исмаила началось в период полного экономического процветания Египта.

Его предшественник Саид, человек передовых взглядов, сумел поступить разумно, всячески поощряя крестьянство к развитию сельского хозяйства. Он отказался от претензий хедива считаться единственным землевладельцем на Ниле. Он признал права собственности сидящих на земле и установил низкие ставки налога в 40 пиастров с феддана. Все это привело к общему росту благосостояния населения, и крестьяне, освобожденные от уз рабского подчинения черкесским пашам, начали повсеместно накапливать богатства. К концу правления Саида Египет стал не только самой цветущей провинцией Оттоманской империи, но и наиболее прогрессивной в сельскохозяйственном отношении страной восточного мира".[2]

Эта характеристика верна лишь в том отношении, что свидетельствует о наметившейся, было, тенденции капиталистического развития. Но ни в какой мере не может быть принято всерьез утверждение о всеобщем и прогрессивно возраставшем благополучии основной массы крестьянства.

Начавшееся разложение феодальных устоев, разрушение рамок замкнутого натурального хозяйства, переход от продуктовой к денежной ренте означали вынужденную зависимость крестьянина от рынка, усиление его эксплоатации как со стороны помещика, владевшего основным земельным фондом и

---

[1] Хедив — правитель Египта.

[2] Blunt. A secret History of the British occupation of Egypt. London, 1898, p. 9.

системой орошения, так и со стороны ростовщика и торговца — этих носителей товарно-денежных отношений.

Не революционным путем уничтожения кабальных форм феодальной зависимости прокладывала себе дорогу тенденция капиталистического развития в Египте — она шла по пути, наиболее болезненному для основной массы крестьянства, — по пути „помещичьего" капитализма. Ленин писал: „Капитализм бывает разный: помещичий, полуфеодальный, с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционный и наиболее мучительный для массы, — а также капитализм свободных фермеров, наиболее демократический, менее мучительный для массы с наименьшими остатками привилегий".[1]

В Египте, начиная с 60-х гг. в качестве ведущей тенденции развития намечался не капитализм свободных фермеров, а капитализм „наиболее реакционный, наиболее мучительный для массы" — помещичий капитализм. Рост экономической жизни страны сопровождался как процессом раздробления мощных феодальных латифундий в связи с начавшейся концентрацией земельной собственности в руках торгового капитала, служилого сословия (крупное чиновничество, офицерство), так и процессом частичного расслоения и выделения (на ряду с разорением большинства крестьянства) небольшого слоя крепких хозяйств, в своем развитии наталкивающихся на рогатки феодально-крепостнического порядка.

Процесс концентрации земельной собственности шел очень интенсивно и осуществлялся самыми разнообразными мерами. Чрезвычайно показателен в этом отношении опыт самого Исмаила, сумевшего на протяжении нескольких лет сконцентрировать в своих руках до одной пятой всей культивируемой площади. По свидетельству Блэнта,[2] это достигалось целой системой притеснений, превращавшей для крестьян владение землей в тяжелое бремя.

Прогрессивный рост земельных налогов сыграл в этом деле решающую роль.

В течение немногих лет земельный налог с 40 пиастров за феддан был поднят до 160 пиастров. Широко практиковалось принудительное отчуждение земель путем скупки долговых

---

[1] Ленин. 3-е изд., т. XVI, стр. 620.

[2] Blunt, цит. соч., стр. 13.

обязательств крестьян у европейских кредиторов. Часто таким путем Исмаилом скупались целые села и районы, бывшие в долгу у европейцев.

Европейский капитал, все интенсивней проникающий в Египет, идет сюда исключительно в форме ростовщического и торгового капитала, т. е. в тех формах, по поводу которых Маркс писал: „Ростовщичество, как и торговля, эксплоатирует данный способ производства, не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится прямо его сохранять, чтобы иметь возможность эксплоатировать его снова и снова; оно консервативно и только разоряет существующий способ производства".[1]

По свидетельству египетского публициста и историка Бараката, „ростовщики высасывали остаток богатства потому, что правительство неотступно требовало уплаты налогов, и жители прибегали к ростовщикам, чтобы погашать их. Даже англичанин, член палаты депутатов, которому было поручено обследовать состояние лихоимства и деятельности ростовщиков, оценивал в то время ежегодный доход последних (ростовщиков) в сумме пять миллионов двести тысяч фунтов стерлингов, т. е. в сумме превышающей общую сумму налогов".[2]

Так ростовщичество способствовало обезземеливанию египетского крестьянства в эпоху Исмаила, переходу крестьянских земель в руки Исмаила, помещиков и представителей торгового капитала.

Частная собственность на землю, превращение продуктовой ренты в денежную, усиление налогового пресса и злоупотреблений системой принудительного труда, все возраставшая зависимость крестьянского хозяйства от очень непостоянного рынка, — все это выступало как предпосылка быстрого роста накоплений в руках непроизводительных слоев населения и иностранных ростовщиков в то время, как непосредственному производителю-крестьянину не обеспечивались необходимые условия для воспроизводства, а существование его низводилось к голодному уровню.

Но финансовой базой для строительства железных дорог, портов и т. п. служил не только грабеж основных масс крестьян-

[1] Капитал, т. III, стр. 359, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.

[2] Баракат. Революция Араби, ее влияние на Египет и ее мировое значение; очерк 2, напеч. в газ. „Аль-Ахрам" за 1931.

ства, но и иностранные займы, которые охотно предоставлялись Египту английскими и французскими банками на таких кабально-ростовщических условиях, которые в конечном счете еще более усилили грабеж крестьянства и привели сначала к общему финансовому банкротству Египта, а затем и к захвату его империалистами. Больше того, этими строительными мероприятиями были созданы условия, наиболее благоприятствующие и отвечающие нуждам империалистического хозяйничания англичан, благоприятствующие превращению Египта в аграрно-сырьевой придаток к Великобритании в дальнейшем (и Суэцкий канал, и дороги, и телеграф, и гавани и все прочее, сооруженное кровью и потом египетских феллахов, оказались как нельзя более на руку империалистическим интересам англичан). Чрезвычайно форсированные темпы строительства, разумеется, не соответствовали финансовым возможностям страны, но все же, взятые сами по себе финансовые затруднения не превратились бы в фактор экономической разрухи, как это случилось вследствие хищнического ограбления Египта иностранным капиталом на основе разорительных условий займов.[1] Результаты же вложений должны были сказаться много позже, когда фактически хозяином положения оказалась уже Англия. Так, тот же самый Суэцкий канал, который стоил огромного напряжения всех ресурсов страны, оказался впоследствии золотым дном для англи-

---

[1] Следует отметить господствующую в проимпериалистической литературе тенденцию, представляющую дело экономического и политического закабаления Египта как результат необдуманного поведения хедива Исмаила — легкомысленного, легковерного, падкого на всяческие новшества, на все показное.

Дело обычно представляется так, что Исмаил своими чересчур широко задуманными предприятиями довел Египет до необходимости заключения иностранных займов, расплата по которым оказалась непосильной для Египта.

Вследствие этого Египет volens-nolens должен был неизбежно попасть в руки кредиторов, по праву взыскивающих им причитающееся.

Вряд ли подобные построения вызывают необходимость в серьезных возражениях.

Только распространенность подобной концепции заставляет упомянуть хотя бы тот общеизвестный факт, что экономическое развитие целого ряда капиталистических стран не обходилось без заключения внешних займов, что, однако, не повлекло за собой лишения их экономической и политической независимости.

Только лишь потому, что Египет оказался объектом империалистических устремлений, хищнически разорительные, кабальные условия займов оказались причиной того тяжелого положения, в котором очутился Египет.

чан, так как египетские акции канала, благодаря финансовому нажиму кредиторов, были проданы в 1875 г. английскому правительству.

Кейв, английский чиновник, командированный в 1876 г. со специальной миссией установить финансовый контроль над Египтом, в своем докладе характеризует финансовый грабеж Египта следующим образом: „Египет к концу 1875 г. был обременен задолженностью, кроме вексельных обязательств, на сумму свыше 68 000 000 ф. ст., действительная же сумма, обозначаемая этой цифрой, т. е. чистая сумма, которая дошла до египетского казначейства, была меньше 44 000 000 ф. ст., а разница (24 000 000 ф. ст.) разошлась по карманам ростовщиков и их агентов в виде комиссионных премий и множества других фантастических вычетов. Вследствие этого сумма, которую казначейство должно было выплачивать ежегодно в виде процентов и отчислений в фонд погашений, достигала не 7 или 8%, которые номинально должны были выплачиваться по займам, а вдвое или втрое больше этой цифры".

И далее тот же Кейв передает чрезвычайно показательную историю заключения займа 1873 г.: „Заем 1873 г., имевший целью погасить вексельный долг (поднявшийся в то время до 28 000 000 ф. ст.), может быть самым типичным из всех. Он был номинально заключен на сумму 32 000 000 ф. ст. из 7% и 1% погашения. Синдикат банков дал Исмаилу, однако, только 20.7 млн. ф. ст., удержав разницу приблизительно в 12 млн. ф. ст. в виде «обеспечения» от риска. Не довольствуясь этим, они угрозами вынудили Исмаила принять в уплату на сумму 9 млн. ф. ст. боны его же собственного вексельного долга, по цене 93 за сто, хотя они котировались в это время и в действительности были приобретены синдикатом по цене 65". Так египетское казначейство вынуждалось платить бесконечные грабительские проценты за заем в 32 мл. ф. ст., получив фактически по этому займу на руки сумму в 11.7 мл. ф. ст.

И в том же самом своем докладе, Кейв, движимый отнюдь не гуманностью, вынужден был признать, что „Египет вполне способен нести целиком свою настоящую задолженность по разумным процентам; но он не может возобновлять до бесконечности обязательства по вексельному долгу из 25% и производить займы из 12 и 13% для оплаты этих новых долгов".[1]

[1] Цит. по Ротштейну. Захват и закабаление Египта, стр. 19.

О том, на каких неслыханно грабительских условиях заключались все эти займы, красноречиво свидетельствуют подсчеты одного английского автора, вывод которого мы приводим по использованным для настоящей работы арабским материалам. Этот исследователь[1] утверждает, что уже к 1882 г. Египет сполна уплатил свой действительный долг, т. е. суммы, действительно им занятые из расчета по 6%, а между тем официальное долговое бремя к этому времени исчислялось в 90 млн.ф. ст.

Обволакивая и закабаляя Египет займами, европейские ростовщики тут же ставят перед собой задачу политического подчинения страны, как верной гарантии прочности и постоянства их доходов.

В 1876 г. утверждается первый финансовый контроль. Управление страной переходит в руки иностранцев чиновников, назначение которых обеспечить своевременную оплату купонов. О „благодетельных" последствиях режима финансового контроля мы имеем многочисленные свидетельства. „Новый порядок, пишет Ротштейн, начал действовать с конца 1876 г., и быстрота, с которой был оплачен январский купон, сразу показала его значение, несмотря на полный застой на торговом и промышленном рынках (надо полагать, что Ротштейн говорит о влиянии общего аграрного кризиса 70-х гг. и резком падении цен на хлопок, в связи с окончанием войны в США. *Х. К.*); несмотря на бедственное положение земледельческого населения, сумма, необходимая для оплаты этого купона, была готова до истечения срока. Это чудо было совершено очень простыми средствами... Была задержана уплата жалованья большинству чиновников, а часть армии была распущена. Но так как даже этих источников оказалось недостаточно, то прибегли к традиционной плети, и феллахи должны были открыть свои клады".[2]

Александрийский корреспондент „Таймс" писал: „Налоги были взысканы со всей строгостью, и показания с мест дают основания думать, что при этом были вперед обложены доходы следующих лет".[3] Хозяйничание финансового контроля служит яркой иллюстрацией положения Маркса о том, что: „Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается

---

[1] Сеймурки, цитируемый М. Сабри в его предисловии к мемуарам Араби.

[2] Ротштейн, цит. соч., стр. 36.

[3] Цит. по Ротштейну, стр. 36.

к нему как паразит, и истощает его до полного упадка".[1] Фактом иностранных займов была вообще непомерно расширена база ростовщического капитала в стране, а это, естественно, стало фактором разрушения производительных сил. Для оплаты июльского купона 1877 г. среди других мероприятий было проведено стопроцентное увеличение таможенных пошлин в Александрии, настолько же был поднят железнодорожный тариф и т. д. Но „...тем не менее, когда пришел срок платежа по июльскому купону, несмотря на все меры, средств все-таки не хватило, так как ввоз в Александрию сильно уменьшился, и значительная часть товаров, которые раньше перевозились по железной дороге, теперь стали отправляться по Нилу. Вследствие этого урожай в провинциях, отведенных для уплаты, был отобран у крестьян за недоимки и продан английскому синдикату Уитвортов за 500 000 ф. ст.".[2]

Оплата майского и июльского купонов 1878 г. проводилась за счет вынужденной продажи крестьянами хлеба на корню по ценам вдвое ниже тех цен, которые им приходилось платить за хлеб для пропитания. Лишенные необходимых условий хозяйствования, разоренные крестьяне забрасывали землю и рассеивались по всей стране, пополняя ряды пауперов. За два года существования первого финансового контроля для уплаты долга было собрано с египетского народа 12 331 000 ф. ст. Крупная биржевая игра на Египте включала и такую видимость, как „улучшение управления", сводившееся к чрезвычайным мерам, которые должны были обеспечить своевременную оплату купонов, чтобы таким путем, как об этом позднее говорилось в парламенте, можно было „поднять курс египетских бумаг и дать возможность лицам, заинтересованным в этих бумагах, сплавить их публике".[3]

Первый финансовый контроль до поры до времени ревностно и с честью справлялся с этой задачей, ценой энергичного выколачивания налогов с разоряющегося крестьянства и систематической невыплаты жалования госслужащим, находившимся в крайне тяжелом состоянии. Вот как английский генеральный консул вынужден был расценить последствия деятельности чиновников финансового контроля: „Египет произвел платежи,

---

[1] Капитал, т. III, стр. 527, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.

[2] Ротштейн, цит. соч., стр. 36.

[3] Из заявления члена палаты депутатов Дж. Кемпбела.

достигшие круглым счетом 6 млн. ф. ст., в 8 месяцев. Все это в достаточной мере говорит в пользу нового контроля, но я боюсь, что результаты эти достигнуты ценой разорительных жертв со стороны крестьянского населения, вынужденного к продаже хлеба на корню и к уплате налогов вперед; кроме того, и интересы туземных служащих, своевременная выдача жалованья которым является существенным условием преобразованного управления,были принесены в жертву в виду необходимости оплачивать купоны, вследствие чего содержание выдается им с большим опозданием".[1] А на ряду с этим все возрастал импорт чиновников европейцев, монополизировавших лучшие посты с высокими окладами. Это был паразитизм худшего типа. Каирский корреспондент „Таймс" писал: „Из-за международного соперничества назначаются двое или даже трое и четверо человек там, где один был бы в состоянии справиться с работой... Эксперименты, производившиеся в области администрации, оставили в Египте дорогостоящих чиновников, которые ничего не делают, а только получают жалованье".

В марте 1882 г. штат европейских чиновников составлял 1326 человек, своевременно получавших свое годовое жалованье в 379 056 ф. ст.

„Если мы обратимся к вопросу о должностях и чиновниках, пишет Баракат, то найдем, что порядок двойственного контроля и правление двойственное: французское и английское — привели к замещению должностей в учреждениях европейскими чиновниками. Если назначался клерк француз, то непременно тут же назначался и клерк англичанин. Вместе с тем статистика указывает на то, что в 1882 г. жалованье, получаемое чиновниками иностранцами соответствовало 15% бюджета по содержанию госаппарата".[2]

100 000 европейцев, живших в то время в Египте, были совершенно свободны от каких бы то ни было налоговых тягот и, злоупотребляя капитуляциями, вели крупные спекулятивные и контрабандные дела, подрывая и без того расшатанные финансы и хозяйство страны. Ротштейн отмечает, что египтяне платили 430 000 ф. ст. городских налогов и тем самым значительно понижалась их конкурентоспособность по отношению

---

[1] Цит. по Ротштейну, стр. 37.

[2] Баракат الاهرام للثورة العرابية от 7 X 1931 г.

к европейцам, делающим крупные денежные и торговые дела и совершенно свободным от уплаты каких бы то ни было налогов.

Уже цитированный нами Баракат, автор очерков по восстанию Араби, также свидетельствует, что: „торговля и промышленность были в руках иностранцев, не плативших никаких сборов, а огромные прибыли, которые они собирали — пересылались ими на родину, и таким образом богатство уходило из рук египтян".[1]

Характеризуя результаты режима финансового контроля, нельзя обойти молчанием последствия, с которыми связано было для крестьянства введение в 1876 г. смешанных судов. Вот что писал по этому поводу лорд Дафферин: „В прежние времена кредитор не обладал правом отбирать у должника его владения и, согласно магометанским законам, он не мог добиться этого по суду в отсутствие должника, но совершенно так же, как и введение в Индии британского кодекса дало новые права кредиторам, так и в Египте смешанные суды, с одной стороны, стимулировали в феллахе стремление заключать займы, создав из его владений законное обеспечение для этих займов, с другой — вооружили кредиторов слишком уже обширными правами на продажу с молотка имущества несостоятельного должника".[2]

Об этом же пишет и Баракат:[3]

„Учреждение смешанных судов, которые установили систему отторжения собственности, чего раньше крестьянин не знал, усилило гнет крестьянина и вынудило его обращаться к ростовщикам".

Насколько эти смешанные суды расширили возможности ростовщической эксплоатации крестьянства, мы можем судить по данным о росте задолженности феллахов. Ротштейн, ссылаясь на авторитетные источники, пишет,[4] что уже в 1879 г. большинство феллахов не были больше собственниками земли, которую они обрабатывали, что девять десятых земли принадлежало другим классам. Это, может быть, было преувеличением, но мы имеем свидетельство лорда Дафферина, что между 1876 и

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 2, „Аль-Ахрам" от 7 X 1931 г.

[2] Цит. по Ротштейну, стр. 82.

[3] Баракат, цит. соч., „Аль-Ахрам" от 7 X 1931 г.

[4] Reyèr. Voyage agricole dans la vallée du Nil.

1882 гг. сумма зарегистрированной в банках задолженности увеличилась в круглых цифрах с 500 000 до 7 000 000 ф. ст., из которых на 5 000 000 ф. ст. значилось по задолженности феллахов. К этому надо еще прибавить задолженность у деревенских ростовщиков, которую лорд Дафферин исчисляет в 3—4 млн. ф. ст. Все это Дафферин писал в 1883 г., признавая, что „эта задолженность недавнего происхождения, и, как утверждают сами крестьяне, является последствием жестоких и неслыханных поборов, производившихся прежним правительством, для оплаты которых им приходилось занимать деньги".[1] А что „прежнее" правительство было лишь орудием в руках агентуры европейских кредиторов и о том, что политика его диктовалась единственными соображениями своевременной оплаты купонов,— об этом Дафферин благоразумно умалчивает. Последствия все возрастающей задолженности крестьянства не преминули сказаться, — начался переход земель в руки европейцев-представителей ростовщического капитала.

Каким бы долготерпением ни отличалось египетское крестьянство, как бы ни сказывалась сила привычки к подчинению, но с установлением режима финансового контроля гнет и ограбление крестьянского хозяйства зашли так далеко, что феллахи всем ходом вещей побуждались к выступлению, носившему сначала характер разрозненных вспышек. Процесс истощения основной производительной силы страны — крестьянства паразитической эксплоатацией ростовщического капитала зашел очень далеко. „Огромное ежегодное бремя в 7 млн. ф. ст. было возложено на египетский доход — сумма, которая могла быть взыскана с египетского крестьянства только принуждением их из-под кнута закладывать их земли грекам-ростовщикам, которые сопровождали сборщиков налогов по деревням во время собирания налогов. Последних два разлива Нила были очень недостаточными, и в стране царил голод. Многотысячное население мужчин, женщин и детей вымерло в эту зиму от голода. Ничего подобного не наблюдалось с начала этого столетия".[2]

И далее, характеризуя назревавший кризис, этот же автор писал: „Крестьяне в это время находились в ужасных тисках нищеты. ...Европейские кредиторы требовали оплаты их купо-

---

[1] Ротштейн, цит. соч., стр. 82—83.

[2] Blunt, цит. соч., стр. 9.

нов, и голод стучался в двери крестьян. Редко можно было увидеть в эти дни на полях мужчину с тюрбаном на голове или одетым больше, чем в рубаху, немногие из деревенских шейхов располагали верхней одеждой. Провинциальные города в базарные дни были переполнены женщинами, продававшими свою одежду и серебрянные украшения грекам-ростовщикам, так как в деревнях их ждали сборщики налогов с кнутами в руках. ...Мы тогда еще, как и сами крестьяне тем более, не понимали, что истинной причиной этого крайнего вымогательства было финансовое давление Европы".

Гнет европейского ростовщического капитала вызвал резкое недовольство народных масс Египта, своим острием направленное против ненавистного правительства Нубара-Вильсона, ставленников кредиторов. Это и понятно, если учесть, как это пишет Блэнт, что Нубар среди широкого мусульманского люда был известен, как авантюрист, обогативший себя как агент долговой кассы, а среди крестьянства он был прославлен как автор смешанных судов, предавших крестьянство в руки ростовщиков. Весь режим бесправия для крестьянина связывался с именем Нубара. Крестьянина, раз подписавшего долговое обязательство, уже неизбежно ждал смешанный суд с судопроизводством на непонятном языке, без единого шанса на защиту, если он был беден.

Часто в долговых обязательствах подставлялись другие цифры или самые обязательства подменивались с тем, чтобы лишить крестьянина его земли и имущества. Все это положение вещей связывалось с именем правительства Нубара и, как мы видели, с полным для этого основанием.

Вначале крестьянство пытается протестовать в обычных для первого этапа крестьянских движений — формах петиций по министерским подъездам. Это относится к началу 1879 г., когда бедственное положение крестьян достигает своего апогея.

По словам александрийского корреспондента „Таймс", писавшего в начале 1879 г.: „Лицами, живущими в дельте, установлено, что сейчас собирается третья четверть годового налога, при чем применяются старые приемы сборов. Это представляется очень странным, на ряду с известиями о том, что люди умирают на больших дорогах, что большие пространства земли остаются необработанными, благодаря тяжелым казенным взысканиям, что крестьяне распродали свой скот, женщины свои

наряды и что ростовщики засыпают закладные конторы своими квитанциями и наводняют суды своими взысканиями. В Каире сейчас буквально сотни шейхов из разных деревень, которые приехали с петициями об уменьшении налогов, и все они в один голос заявляют, что настоящие ставки не могут быть оставлены в силе. Они толпятся у министерских подъездов, поджидая министров, когда те входят или выходят, и их прошения валяются по полам присутственных мест".[1]

В 1880 г. был восстановлен двойственный англо-французский контроль над управлением Египта. Этот контроль провел мероприятия, предусматривающие новые налоги, дальнейшее сокращение расходов на неотложные государственные нужды, обложение налогами земель, бывших ранее пустырями и в свое время розданных на условиях полного освобождения от налогов. Были отменены также обязательства государства по закону „мукабала", согласно которому землевладельцы, внесшие земельный налог единовременно в шестикратном размере — в дальнейшем на все время освобождались от уплаты половины его. Так, в угоду лондонской и парижской биржам всячески развивалась и дальше система вымогательств внутри страны. По принятому в июне закону о ликвидации египетского государственного долга, на все многочисленные нужды государства (управление, ирригационное дело, народное образование и пр.) представлялось всего лишь 34% с общих доходов. Все остальное должно было итти на погашение долга и уплату процентов Согласно закону о ликвидации, все могущие быть излишки от суммы доходов (сознательно преуменьшенные и определенные в 8 576 000 ф. ст.) должны были употребляться исключительно на выкуп долговых бумаг.

Следовательно, от возможного роста доходной части бюджета должны были выигрывать лишь кредиторы — стране же оставалось и дальше итти по пути разрухи.

Все это, вместе взятое, привело Египет к закабалению его европейскими кредиторами, но вместе с тем эти же условия породили одновременно и мощную волну национально-революционного движения в стране.

Принимавшиеся европейскими капиталистами и туземными крепостниками меры по выколачиванию средств на выплату

---

[1] Цит. по Ротштейну. Захват и закабаление Египта, стр. 51—52,

иностранных долгов обострили и без того чудовищную эксплоатацию крестьянства и поставили его в отчаянное положение. Невероятное усиление налогового пресса, взыскание налогов за несколько лет вперед, продажа хлеба на корню за полцены, падение к тому же цен на хлопок в связи с аграрным кризисом 70-х гг. и окончанием Северо-Американской войны, неурожай 1878 г., злоупотребления, связанные с трудовой повинностью (corvée), широкое применение принудительного труда для личного обогащения знати, — все это привело к окончательному разорению крестьянства, обусловив тем самым его значение как основной движущей силы в национально-освободительном движении 1879—1882 гг.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ХОД ВОССТАНИЯ

К концу 70-х гг. Египет был поставлен под финансовый контроль кредиторов. Было создано правительство с участием европейских министров, так наз. европейское министерство Нубара-Вильсона, при котором фактически управление страной перешло в руки англо-французских контролеров, ставших во главе ответственнейших министерств (финансов, общественных работ).

Современный египетский историк Мохаммед Сабри, проникнутый традициями французской исторической школы, в своем предисловии к изданным в Египте мемуарам Араби квалифицирует это министерство как правительство, ответственное не перед египетским народом, а перед правительствами Англии и Франции.

Это правительство, как пишет Сабри, осуществляло политические и финансовые цели Англии, покончило с законной властью в стране и стало хозяином положения. „Наибольшей заботой его (европейского министерства) было выкачивание какими угодно средствами платежей для финансистов, которые подготовили дорогу для политических деятелей. Заботой европейского министерства также было наводнить египетские правительственные учреждения чиновниками иностранцами, оно (европейское министерство) лишило страну необходимых для управления и реформ средств".[1]

[1] М. Сабри, предисловие к мемуарам Араби (стр. 78):
كشف الستار عن سرّ الاسرار في النهضة المصرية المشهورة بالثورة العرابية.

Последствия этого режима с особой остротой сказались уже в 1879 г. Но несмотря на всю безысходность своего положения крестьянство дальше неорганизованных, отдельных вспышек не могло итти. Из-за своей распыленности и забитости оно не было способно к организованному выступлению по собственной инициативе. Толчок к такому выступлению должен был быть дан извне. Таким толчком послужили выступления армии, отражавшей глубочайшее недовольство крестьянства, составлявшего ее основу, чаяния мелких помещиков и кулачества, составлявших средний командный состав.

Будучи в то время в Египте единственной организованной силой, армия, естественно, должна была выступить в качестве носителя идеи национального освобождения. Но до этой своей роли армия доросла не сразу, а в процессе борьбы, направленной на защиту сначала своих собственных интересов.

В начале 1879 г. министерство Нубара-Вильсона решило уволить с военной службы 2500 офицеров, не получавших к тому же сколько-нибудь регулярно жалованья в течение двух и более лет. Офицерство ответило открытым выступлением против министерства Нубара-Вильсона (февраль 1879 г.). Это выступление встретило живейший отклик в стране и положило, начало широкой петиционной кампании нотаблей и шейхов, направленной против европейского министерства и за конституционные свободы.

Эти демонстрации в известной мере отвечали намерениям хедива Исмаила, стремившегося эмансипироваться от европейского министерства. Последнее было вынуждено уйти в отставку. Хедив созвал совет шейхов и нотаблей, преобразовав его в подобие парламента. Было создано конституционное министерство — все это с целью добиться некоторого снижения процентов по долгам. Так возникло последнее министерство Исмаила, возглавленное наиболее ярким представителем черкесской феодальной знати Шерифом-пашей, известным в то время своими конституционными взглядами.

Это была попытка сверху использовать силу национального движения, использовать то брожение, какое было в стране, чтобы оказать некоторое давление на неумолимых кредиторов-ростовщиков. В ответ Франция выдвинула требование совместной оккупации. Но так как совместная оккупация не была в интересах Англии, то политика последней на этом этапе при-

няла добродетельную видимость антиагрессии. Англия предпочла спровоцировать через Ротшильдов и Вильсона ультимативное вмешательство Германии и Австрии по поводу погашения вексельного долга (держателями которого были преимущественно австрийские и германские подданные), чтобы тем самым оказать на конституционное правительство контрдавление и заставить его аннулировать только-что принятый новый финансовый декрет.

Цель была достигнута, и 15 июня 1879 г. Шериф-паша известил державы о том, что вопрос о процентах по объединенному долгу будет передан на их разрешение.

Эта уступка, свидетельствующая о готовности Исмаила и министерства Шерифа прежде всего сторговаться с империалистами, а не опереться на национальное движение для борьбы с ними, эта уступка не спасла хедива. Англия добилась от султана низложения Исмаила с целью отмены конституции, мало удобной для европейских кредиторов. Такой же результат мог быть достигнут путем нажима и при Исмаиле, внезапный „конституционализм" которого стоил немногого, но тогда он представился бы тем, чем в действительности и был, т. е. результатом давления иностранной дипломатии. Чтобы отвести невыгодное для себя положение, кредиторы предпочли прибегнуть к смене хедива и представить отмену конституции как результат внутренней реакции, расколов тем самым фронт национального единения, создавшийся, было, для отпора иностранному вторжению.

К власти приходит сын Исмаила — Тевфик, с самого начала ставший верным и безвольным слугой английского консула. Ватанисты (националисты) делают попытку добиться от хедива конституции, но встречают резкую оппозицию со стороны консулов. Тевфик отказывается подписать проект конституции. Министерство Шериф-паши подает в отставку и сменяется министерством Риад-паши — представителем самой оголтелой реакции и преданным слугой иностранных консулов. Вслед за этим восстанавливается режим финансового контроля, так наз. „двойственного контроля", на этот раз со всеми прерогативами политической власти. Конституционный режим при тех условиях мало подходил для осуществления деспотизма европейских ростовщиков — они нуждались в сохранении номинально абсолютной власти хедива — отсюда оппозиция консулов даже тощему проекту конституции.

Министерство Риада верой и правдой служит задачам, поставленным двойственным контролем. 18 июня 1880 г. издается закон о ликвидации, долженствующий урегулировать вопрос египетской задолженности. Ежегодный платеж по объединенному долгу устанавливается в 5%, вместо прежних 7%, а на ряду с этим изыскиваются новые источники доходов, принимается проект Блиньера (французский контролер) о выкупе от трудовой повинности, который представлял новую форму вымогательства, отменяется, как уже было выше указано, закон о мукабале, оказавшийся невыгодным для кредиторов; обложение налогами распространяется на ранее необлагавшиеся земли „ушрие", выплачивавшие до того лишь десятину (ушр). Курбаш (наказание плетью), бесконтрольное хозяйничанье ростовщиков, усилившиеся в связи с введением проекта Блиньера, тяготы трудовой повинности ведут к дальнейшему разорению крестьянства, к всеобщему разложению и коррупции государственного аппарата. Недовольство в армии все возрастает из-за систематического выживания черкесско-турецкими элементами офицеров-египтян из-за невыплаты последним содержания, тогда как первым жалованье регулярно выдается (Блэнт).

Естественно, что армия, как единственно организованная сила, опять выступила как выразитель протеста. В мае 1880 г. несколько офицеров во главе с полковником Араби, ставшим с тех пор вождем национального движения,[1] обратилось с про-

---

[1] Полковник Ахмед Араби, именем которого названо движение за национальную независимость Египта, интересен как типичнейший представитель своего класса.

В его автобиографии читаем, что от своего отца — деревенского шейха — он унаследовал 8 федданов земли, т. е. обычную для Египта норму кулака.

Араби там же сообщает, что, поступив на военную службу, он чрезвычайно экономил, сберегая все, что только мог, для скупки земли. Когда после восстания суд конфисковал имение Араби, — последний был уже владельцем 570 федданов земли.

Таково социальное положение Араби — кулака, постепенно выбивающегося и выбившегося в помещики. Взятый при хедиве Саид-паше в армию, Араби стал очень быстро продвигаться по служебной лестнице, получив к двадцати годам чин подполковника. Но с воцарением после смерти Саид-паши хедива Исмаила положение в армии исконных египтян резко ухудшается. В своей автобиографии Араби с горечью отмечает, что с приходом к власти Исмаила, он в теченне 12 лет пробыл в чине подполковника, без какой бы то

тестом по поводу невыплаты жалованья и посылки солдат на принудительные работы. К этому же периоду относится попытка деревенских шейхов подать петицию протеста против налоговой политики. За это они были высланы на Белый Нил. В январе 1881 г. офицеры опять во главе с Араби обратились к премьеру Риаду с резким требованием отставки военного министра Рифки-паши и расследования порядка офицерских производств.

Премьер-министр попытался арестовать Араби, но последний был тут же освобожден солдатами дворцовой стражи. Мятежное офицерство выпустило прокламацию, требуя отставки Риад-паши, но последний пользовался поддержкой иностранных консулов, и дело свелось к смещению военного министра Рифки-паши, вместо которого был назначен Махмуд Сами, один из наиболее последовательных конституционалистов. Правительство, готовясь к расправе с крамолой, попыталось вывести в течение лета 1881 г. ненадежные войска из Каира.

По поводу дальнейшего хода событий в нашей и европейской литературе по этому вопросу господствует версия, по которой эти агрессивные намерения Риада вызвали демонстративный уход в отставку военного министра Махмуда Сами. Это отвечало тому, как вообще до сих пор трактовалась роль Махмуда Сами.

Материалы арабских авторов, использованные нами, говорят против этой традиции. Мохаммед Сабри, уже цитированный нами современный египетский историк, показывает, что к тому времени, к которому относится попытка вывести мятежные полки из столицы, Махмуд Сами уже был в отставке, которая была ему дана еще в июле 1881 г.[1]

ни было надежды на дальнейшее продвижение. Лишь участие в войне с Абиссинией принесло ему повышение, — он стал полковником.

К националистам Араби примкнул в 1876 г.

Путь приобщения Араби к политической жизни говорит об известном влиянии, оказанном на него идеологией французской революции, системой республиканских идей.

Любопытно, что первой книжкой, пробудившей в Араби интерес к политике, была книга о Наполеоне, как он рассказывает об этом в своей автобиографии. Эти приведенные нами краткие данные об Араби помогут уяснить его мировоззрение, его шатания и колебания, которые мы проследим в дальнейшем.

[1] Отец Мохаммеда Сабри — Исмаил Сабри, известный в Египте литератор, был ближайшим другом Махмуда Сами, подвизавшегося и на литератур-

Новый военный министр Давуд-паша отдал приказ об отправке полков Араби и других опасных офицеров в провинцию.

В ответ — военная демонстрация от 9 сентября 1881 г. у Абдинского дворца с требованиями: 1) отставить министерство Риада, 2) ввести конституцию и 3) увеличить армию до 18 000 человек. На этот раз, как мы видим, требования выходят далеко за пределы интересов одной лишь армии. Под давлением этой военной демонстрации, поддержанной массами каирского населения, хедив был вынужден капитулировать и принять все

ном поприще. Эта тесная связь с семьей Сами открыла М. Сабри широкий доступ, надо думать, к материалам, относящимся к деятельности М. Сами. В своей книжке ادب و تاريخ М. Сабри отвел большую главу описанию деятельности М. Сами, его роли в восстании Араби. Там же он приводит следующие подробности первой отставки М. Сами в июле 1881 г. Случилось, что солдат Суданского полка столкнулся с повозкой какого-то купца, в результате чего последний был убит. Доложили об этом хедиву, тот потребовал сурового наказания для солдата — ссылки в Судан. Командир Суданского полка Абд-аль-'Аль пожаловался Махмуду Сами, последний передал эту жалобу хедиву. Это показало хедиву, что Махмуд Сами связан с военной партией и действует в согласии с ней. Это побудило встревоженного хедива срочно созвать заседание совета министров и тут же дать М. Сами отставку.

Цитируемая тут же М. Сабри касыда (поэма) М. Сами, в которой он в элегических тонах жалуется на происки врагов, обративших против него гнев хедива — эта касыда и заставляет нас пересмотреть обычное до сих пор отношение к Махмуду-Сами.

Заслуживает внимания и следующий факт. Парламентские выборы в ноябре 1881 г. дали большинство националистам, в связи с чем Араби, находившийся тогда со своим полком в провинции Шаркия, поставил перед Махмудом Сами вопрос об образовании нового министерства, в соответствии с полученным парламентским большинством. В ответ на это требование Араби Махмуд Сами предложил подождать до начала парламентской сессии.

Больше того, в период так наз. национального министерства, во главе которого стоял Махмуд Сами, ряд проектов, разработанных с целью пересмотра некоторых концессионных и арендных договоров и наиболее скандальных подрядов, клались под сукно М. Сами, как прямо на это указывают арабские источники.

Все эти, вскользь упоминаемые здесь факты, дают нам основание для пересмотра широко распространенного до сих пор взгляда на Махмуда Сами. Последовательным радикалом Махмуд Сами выступает не с самого начала движения, а впоследствии, когда в ходе движения отступление стало уже невозможным. Тогда, будучи человеком решительным, он временами действует гораздо более последовательно, нежели сам Араби.

Это, однако, не может служить основанием для игнорирования образа действий Махмуда Сами на первом этапе движения и тех обстоятельств, которые привели его к иному поведению в дальнейшем.

три требования. Было образовано министерство Шериф-паши, слывшего сторонником конституции, и наступила кратковременная пора „свобод", создавших повод для конституционных иллюзий. Надежды на конституционное преобразование страны казались почти осуществленными. Так, по крайней мере, представляется дело Блэнту, а вслед за ним и Ротштейну. Но национальное объединение Египта, борьба его за освобождение от господства иностранных контролеров угрожали благополучию европейских кредиторов, мешали осуществить давно лелеемые политические планы. Для европейской дипломатии наступила полоса больших треволнений. Вначале великие державы (Англия и Франция) переживают период большой растерянности, особенно Англия, стремящаяся избежать какой угодно ценой совместной с Францией оккупации, чтобы выждать удобного случая для самостоятельного захвата Египта. Внимание же французской дипломатии сосредоточено на том, чтобы не допустить вмешательства в египетские дела султана — послушного орудия в руках англичан. При этих обстоятельствах оставалось рассчитывать на использование внутренних противоречий движения.

Уже в первые месяцы сентябрьского движения среди национального руководства обнаружилось преобладание „мирных" и „безвредных" тенденций, готовность ко всяческим сговорам и компромиссам. Программа националистов подчеркивает свою лойяльность к финансовому контролю, к обязательствам по кабально-ростовщическим займам и. т. д.

Нарастание противоречий в национальном лагере прекрасно характеризуется обстоятельствами, которыми сопровождалось образование министерства Шериф-паши в сентябре 1881 г. Обратимся для этого к уже цитированным очеркам Бараката, подробно описывающим эти события на основании архивных документов.

„11 сентября прибыл Шериф-паша и имел свидание с консулами держав. Он выразил им свое недовольство по поводу того, что ему приходится брать власть, потому что он не желает выступать представителем бунтующей армии. После всего случившегося он ожидает преувеличенных требований, которые невозможно будет принять. После настойчивого требования консулов, Шериф-паша согласился вести переговоры с командным составом, но переговоры не были удовлетворительными

до тех пор, пока 11 сентября не появилась мысль назначить Шериф-пашу диктатором.

Офицеры отвергли условия Шериф-паши и важнейшее из них — о выводе из столицы частей, командование которых было глубоко замешано в восстании и революции.

Положение оставалось обостренным до тех пор, пока английскому консулу не пришла в голову мысль потребовать от Порты присылки представителя, который восстановил бы порядок в армии.

Что же касается офицерства, то оно, стремясь к тому, чтобы запугать консулов, послало к итальянскому консулу передать по секрету, что офицеры договорились арестовать Тевфик-пашу и заключить его в крепость.

Араби к тому времени созвал на собрание в Каир знать, чтобы тем самым дать понять державам, что движение является отнюдь не движением исключительно военных элементов, но народным.

Знати, собравшейся для требования конституции и парламентской жизни, не нравился образ действий офицерства.

От Шериф-паши потребовали, чтобы он занялся положением дел в армии. Это не понравилось офицерам, которые ограничили свои притязания назначением Махмуд-паши военным министром. Знать договорилась с Шериф-пашой на том, что Шериф-паша созовет парламент и будет осуществлять порядок, намеченный военной комиссией, армия же вернется к подчинению и изменит расположение лагерей.

Что касается увеличения армии, то это могло осуществиться лишь после соглашения с иностранными контролерами и после того, как будут достаточные средства для этого.

На основании предшествующего, офицеры написали документ, в котором заявили, что они подчиняются Шериф-паше, а для знати написали другой документ в виде гарантии первого документа, но это не дало полного удовлетворения Шерифу, он хотел быть уверенным в поддержке его державами и, с другой стороны, хотел воспрепятствовать приходу турецких войск в Египет, как того требовал хедив. Уполномоченный Шериф-паши Борелли-бек, советник премьера, заведующий финансовым бюро, начал вести переговоры с английскими и французскими консулами.

Оба эти консула написали письмо Шериф-паше, обещая всяческую поддержку новому министерству и телеграфно потребовали из Парижа и Лондона возражения против посылки в Египет турецких солдат. После того, как все это закончилось, 15 сентября вышла официальная газета, в которой был опубликован состав министерства под председательством Шериф-паши который, сверх поста председателя совета министров, оставил за собой портфель министра внутренних дел, а Махмуд Сами эль-Баруди был назначен военным министром".[1]

Другой автор — М. Сабри точно также свидетельствует, что свое согласие образовать новое министерство Шериф обусловил обязательством военной партии подчиняться его воле, а омды страны (сельские старшины) дали ему гарантии в том.[2]

Составляя министерство, Шериф обратился к Махмуду Сами и предложил ему взять портфель военного министра; тот ответил, — как пишет Сабри, — „что он решил не брать на себя правительственной службы до тех пор, пока военным будет принадлежать власть, превышающая силу закона".[3]

Таким образом на этом первом этапе национального движения Махмуд Сами стоит рядом с Шерифом — „они были умеренными и действовали в интересах своей страны, всегда опасаясь дать связать свои руки возбужденной солдатчине или дать революции выйти за пределы законных рамок".[4]

В вопросе вывода из Каира беспокойных полков, возглавляемых Араби и Абд-ал-ʿАлем, М. Сами был солидарен с Шерифом.

Араби выразил готовность покинуть Каир и 6 октября уехал в провинцию, обусловив свой отъезд изданием указа о созыве палаты депутатов. Он оказался далеко не опасным элементом. Рост „государственной умудренности" среди определенных кругов движения находит свое отражение в проекте чрезвычайно куцой конституции, разработанной Шерифом-пашей. Этот проект изымал из ведения парламента одну половину бюджета целиком, а по отношению к другой отводил лишь право совещательного характера.

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 3, „Аль-Ахрам" от 11 X 1931 г.

[2] М. Сабри, تاريخ و ادب, стр. 45.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

26 декабря открылась сессия палаты депутатов, избранной на основе избирательного закона 1866 г.

В соответствии с этим законом депутаты избирались в провинциальных городах шейхами и омдами (сельские старшины), а в Каире, Александрии и Дамиэтте на собраниях знати и нотаблей, следовательно, крестьянство, и городские низы совершенно не были представлены. Назвать такой парламент подобием народного представительства, конечно, нельзя, но растущее обострение классовых противоречий зашло уже настолько далеко, что под нажимом масс даже в этом так наз. парламенте не могли не возникнуть разногласия, главным образом вокруг компетенции парламента в вопросе о бюджете.

Еще до созыва палаты, как только выяснились результаты выборов, давшие значительную победу ватанистам, благодаря поддержке их омдами и шейхами, Араби поставил вопрос об образовании нового министерства, отвечающего требованиям парламентского большинства, но вопрос был отложен до открытия сессии палаты.

Большинство палаты было недовольно проектом конституции Шерифа-паши и настаивало на полном контроле над той частью бюджета, которая не предназначалась для погашения государственного долга. Еще до этого Араби боролся с Шерифом-пашей за относительно более демократический избирательный закон и по вопросу увеличения армии, в связи с рассмотрением военной сметы. Араби уступил в обоих этих случаях под угрозой Шериф-паши подать в отставку. И в существенном вопросе о праве парламента на рассмотрение бюджета не исключалась возможность сговора и новых уступок со стороны Араби, если бы эта возможность не была сорвана фактом военно-морской демонстрации Англии и Франции, пославшей в Александрию два военных судна.

Эта демонстрация была подкреплена затем внушительной нотой держав от 8 января 1882 г., знаменовавшей рост агрессии со стороны держав. Косвенно в ноте требовался роспуск парламента и восстановление автократии. Это внесло резкую перемену в настроение ватанистов. Усилился процесс дифференциации, — одни, как, напр., Шериф-паша, окончательно сбрасывают личину конституционализма и спешат под крылышко английского генконсула, более же радикальное крыло, все время искавшее компромисса, получает стимул к консолидации своих

рядов и к усилению тенденции непримиримости. В массе растет сопротивление проекту „органического закона“ Шерифа в то время, как в руководящих верхах движения не прекращаются попытки найти почву для компромисса. Так, еще 25 января 1882 г. английский генконсул Малет запрашивал мининдела Великобритании лорда Гренвиля „может ли он обсудить предложения, сделанные ему неофициально председателем парламента (Султан-паша) с целью прийти к соглашению, которое дало бы делегации парламента право рассматривать и вотировать бюджет вместе с министрами“.

Кредиторы непоколебимы и отнюдь не готовы итти на уступки. Английские и французские консулы заявляют, что парламент не сможет вотировать бюджет. Шериф-паша, между тем, настаивает на своем проекте куцой конституции. Тогда парламент потребовал отставки Шериф-паши, министерство которого сменилось министерством Махмуда Сами с Араби в качестве военного министра.

Борьбе, развернувшейся вокруг проекта конституции, предшествовали многочисленные банкеты и собрания, на которых открыто заявлялось, что Шериф-паша уже утратил доверие народа.

Приход к власти правительства Махмуда Сами, обстоятельства, которыми сопровождалась эта смена министерства, ограничили финансовый контроль в роли фактического хозяина страны, в роли, которую он играл до этого. У Бараката мы читаем по этому поводу, что „эта победа над финансовым контролем усилила энтузиазм масс“.[1] На общее состояние революционного подъема в стране указывает и следующий факт интернациональной солидарности со стороны рабочих итальянцев: „В Александрии состоялось собрание итальянских рабочих, принявших резолюцию, в которой порицалась деятельность контролеров и финансистов и поддерживалась ватанистская партия. В резолюции содержался призыв к свободе и свержению рабства“.[2]

Массы решительно подымались на борьбу. Приход к власти национального правительства ознаменовался многолюдными митингами, и „печать, особенно газета Абд-аллах-Надима „Ат-

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 12, „Аль-Ахрам“ от 5 XII 1931 г.

[2] Ibid.

Таиф" всячески возбуждала энтузиазм масс и свой собственный. Появились требования уничтожения какого бы то ни было европейского господства и даже отмены смешанных судов.[1]

Наступил момент для решительных действий, но „гора родила мышь". Национальное правительство принимает проект конституции, выработанный палатой. По этой конституции, часть бюджета, предназначенная для погашения государственного долга, изымается из ведения парламента, а остальная его часть подлежит обсуждению и вотируется комитетом, состоящим из совета министров и депутатов, выделенных парламентом. Таким образом даже это „радикальное" министерство пошло на то, чтобы свести право контроля парламента к нулю.

Параллельно с новым проектом конституции министерство М. Сами намечает программу реформ и мероприятий, направленных только лишь против наиболее вопиющих злоупотреблений европейских чиновников и подрядчиков.

Но даже эти слабые потуги национального правительства лондонская печать использовала как основание для шумихи об „антиевропейском" характере правительства Махмуда Сами. На деле же само правительство мало давало тому оснований. В арабских материалах находим, что уже вскоре после образования „революционного министерства" „офицеры и ватанистская партия стали жаловаться и роптать на Махмуда Сами эль-Баруди, которого они избрали председателем министерства. Это потому, что он не смел одним ударом уничтожить господство европейцев. Свои надежды они связывали с Араби и стали открыто требовать отставки Махмуда Сами и замены его Араби".[2] Наиболее выдающийся стратег и военный руководитель восстания Махмуд Фахми в своей работе البحر الزاخر свидетельствует об этом же, когда пишет, что „Араби, ʿАли Фахми и Абд-аль-ʿАль не верили словам увещания Махмуда Сами, той возможности, что положение сложится в их пользу, и они (Араби и другие) начали созывать подпольные собрания и устраивать банкеты по ночам".[3]

В то время, как продолжалась длинная парламентская канитель по поводу бюджета, реакция вела усиленную подготовку

---

[1] Ibid.

[2] Баракат, цит. соч., оч. 13, „Аль-Ахрам" от 6 XII 1931 г.

[3] Цит. по работе М. Сабри ادب و تاريخ стр. 41—42.

к выступлению и занималась собиранием сил внутренней контрреволюции. Это нашло свое яркое проявление в черкесском заговоре.

Заговор высшего черкесско-турецкого командования (11 апреля 1882 г.) был использован державами как повод для свержения национального правительства.

Этот заговор был организован с целью убить Араби, популярность которого все возрастала по мере развертывания движения. Заговор был раскрыт одним из его участников, и военно-полевой суд приговорил участников заговора к разжалованию и высылке. Но заговорщики имели надежную защиту. Английский генеральный консул Малет предложил хедиву отказаться санкционировать приговор по делу о заговоре и требовать нового пересмотра. Это встретило резкий отпор со стороны ватанистов. Тогда хедив, по указанию того же Малета, смягчил приговор до простого изгнания организаторов мятежа, причем приговор был подписан хедивом при закрытых дверях, в присутствии лишь английского и французского генеральных консулов. Этот явно провокационный образ действий не мог не рассматриваться как нарушение автономии Египта. Национальное правительство Махмуда Сами, не рискуя своим авторитетом и поддержкой, оказанной ему широкими массами населения, не могло не реагировать.

Министерство решило созвать парламент, чтобы обсудить поведение хедива. Державы ответили объявлением совместной англо-французской интервенции: 15 мая в Александрию прибывают французские суда. Эти агрессивные действия держав внесли колебания в ряды ватанистов. Араби готов был итти на примирение. Дипломатия попыталась вынудить его покинуть Египет, обещая за это соответствующую мзду, но от этого Араби категорически отказался. Державы продолжали настаивать на отставке национального правительства.

Арабские материалы дают нам много интересного для освещения обстоятельств, какими сопровождалась отставка национального правительства. Эти материалы дают нам основание полагать, что кульминационного пункта движение достигает в мае-июле 1882 г., когда с особой остротой явно обнажились внутренние противоречия движения. Поэтому выступление армии у Абдинского дворца от 9 сентября 1881 г., мы полагаем, есть куда меньше оснований именовать революцией (Рот-

штейн),[1] нежели действительно широкие массовые выступления каирского населения и населения в ряде других пунктов в мае за восстановление национального правительства.

Этому широкому массовому выступлению пришлось преодолевать резкое сопротивление не только дворцовой клики и стоявших за ее спиной эмиссаров европейских ростовщиков кредиторов, но на этот раз уже со всей резкостью и далеко не мирными методами приходилось бороться с теми слоями знати, духовенства и чиновничества, которые до того, в целях социальной мимикрии, числились в ватанистских рядах. Уже здесь дают о себе знать и малодушие и половинчатость ватанистского руководства — его Ахиллесова пята, отчетливо сказавшаяся на всем дальнейшем.

События, связанные с отставкой правительства Махмуда Сами, развивались следующим образом:

На заседании совета министров, на котором было принято предложение Араби созвать палату депутатов для обсуждения поведения хедива, Араби произнес, как об этом читаем у Бараката, такую резкую речь, направленную против династии хедива, что даже после многочисленных исправлений оказалось невозможным довести ее до сведения хедива. Об этом заседании читаем: „так как по конституции право созыва палаты депутатов оставалось за хедивом, то часть умеренно настроенных министров проявила некоторое противодействие тому, чтобы

---

[1] Такая оценка событий от 9 сентября 1881 г. неверна с точки зрения ленинского критерия революции, сущность которой прежде всего в борьбе за власть. В сентябре 1881 г. правительство Риад-паши, представителя самой оголтелой реакции, сменилось министерством Шериф-паши, яркого представителя наиболее дальновидной части феодальной верхушки, стремившейся вначале стать во главе движения, чтобы предотвратить назревавшие революционные потрясения, чтобы удержать власть в руках господствовавшего класса феодалов.

Переход власти от одного класса к другому не имел места в сентябре 1881 г.

Слова и дела правительства Шерифа, возникшего в результате „революции“ от 9 сентября 1881 г., сами красноречиво говорят о его классовой природе. Здесь напомним лишь вскользь о выводе из Каира революционно настроенных полков Араби и Абд-аль-'Аля в октябре 1881 г.; о свирепом законе против свободы печати; о закрытии газеты „Аль-Хиджаз“ за ее „антиевропейскую“ ориентацию и т. д. и т. д.

События от 9 сентября 1881 г. нет никаких оснований трактовать как революцию, поскольку еще не был поставлен вопрос о борьбе за власть.

поступать незаконным путем, но крайние продиктовали свою волю, и другие им подчинились. Махмуд Фахми произнес пламенную речь, требуя в ней срочной рассылки телеграмм по провинциям для созыва в Каире палаты депутатов. Но, чтобы успокоить державы, министерство разослало и другие телеграммы по провинциям, возлагающие на губернаторов и генерал-губернаторов ответственность за поддержание общественной безопасности и порядка".[1]

Только собственные крайне скудные революционные потенции ватанистского руководства могли толкнуть его искать выхода из создавшегося острого положения в созыве палаты, состав которой не мог обещать ничего хорошего. Не долго им пришлось ждать, чтобы убедиться в этом: „Депутаты прибыли в Каир, Араби и Махмуд Сами стали обрабатывать мнение депутатов в желательном для них (Араби и Сами) направлении, но выяснилось, что депутаты не в их руках, как это им раньше казалось. В особенности это относилось к председателю палаты Султан-паше, который имел большое влияние на своих коллег-депутатов".[2]

Решимости действовать до конца у руководства не было; созвав вопреки воле хедива палату, они затем стремятся хотя бы задним числом добиться санкции на это хедива.

„Когда депутаты собрались у Махмуда Сами для обсуждения создавшегося положения вещей, то между ватанистами и Султаном-пашей произошел очень горячий спор, который закончился затем соглашением на том, что палата депутатов будет требовать от хедива санкционирования созыва парламента и затем установит твердый регламент, определяющий границы власти хедива и пределы компетенции совета министров. Араби добился добавления в это соглашение, предусматривающего, что, в случае упорной оппозиции Тевфик-паши, за парламентом сохраняется право низложения хедива.

„Утром 13 мая депутаты собрались в доме своего председателя (Султан-паши), где Махмуд Сами обратился к ним с перечислением жалоб на хедива. С горячей и сильной речью выступил Араби. Ссылаясь на выдержки из речи Фрейсинэ, главы французского министерства, произнесенной им перед палатой депу-

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 15, „Аль-Ахрам" от 10 XII 1931 г.

[2] Ibid.

татов, Араби говорил, что можно будет опереться на Францию, и заключил свое слово предложением назначить эмира Аббаса хедивом, с опекунским советом над ним парламента.

„После этого была избрана делегация для того, чтобы отправиться к хедиву с требованием санкционировать акт созыва палаты депутатов.

А в четвертом часу был созван совет министров в министерстве внутренних дел для заслушания результата посланной хедиву делегации. Делегация возвратилась, сообщив категорический отказ хедива санкционировать созыв парламента. Подобной решимости со стороны хедива не ожидали. У министров, не знающих, что предпринять, руки опустились. Они продолжали совещаться по этому поводу с советом палаты депутатов, а Султан-паша объявил, что миссия палаты депутатов закончена, а они не знали, что делать.

Первое, что пришло в голову некоторым из них, — это обратиться с просьбой о прощении, но малодушные делали предложения, подсказанные отчаянием и безнадежностью. Образ действий армии сдерживал их в осуществлении их намерений, и, кроме того, они не были единодушны. Араби приказал коменданту крепости направить жерла орудий на город, но комендант отказался подчиниться его приказу.

В тот же самый день Порта довела до сведения Тевфик-паши и министров о том, что она теперь занята проведением реформ в Анатолии, и поэтому хедив и министры обязаны сами притти к соглашению.

Все это заставило Махмуда Сами опустить руки, и он поручил Султану-паше передать хедиву его просьбу об отставке".[1]

Между тем, насколько благоприятно складывалась ситуация для революционного действия, можно судить по тому беспокойству и растерянности, которые охватили консулов в дни, последовавшие за решением правительства не подчиняться воле хедива и через его голову обратиться к парламенту.

Французский консул послал своему правительству телеграмму, говоря в ней: „Мы теперь имеем перед собой революционное правительство, и низложение хедива является делом несомненным". И в действительности, правительственные агенты

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 15, „Аль-Ахрам" от 10 XII 1931 г.

повсюду распространяли известие, что палата депутатов соберется 13 мая не иначе, как для того, чтобы низложить хедива. Даже сами министры высказывались в том же духе намеками или открыто.[1]

Однако как только телеграф принес известие о посылке в египетские воды английских и французских судов, — у ватанитских министров осталось немного решимости к сопротивлению, к дальнейшей оппозиции хедиву — этому послушному орудию в руках английского консула. Вот в каком свете выступает их поведение в день 15 мая:

„В этот же самый день во дворец к хедиву пришла делегация совета палаты депутатов, обратившаяся к нему с просьбой извинить министров. Эта делегация была встречена хедивом холодно и невнимательно. В обычае у хедива было прибегать за советом к консулам Англиии и Франции, т. е. к двойственному контролю, — он обратился к ним и на этот раз.

Вечером 16 мая Махмуд Сами вместе с своими коллегами-министрами отправился во дворец к хедиву, добиваясь от него прощения. Они даже сказали, что Араби целует руку хедива".[2]

Отставка Махмуда Сами 15 мая не была принята. Консулы решили, что с отставкой национального правительства следует подождать до прибытия в Александрию английского и французского флотов.

Атмосфера была слишком раскалена, чтобы решиться бросить вызов, не имея за собой „гарантии безопасности" европейцев — военных кораблей.

Флот прибыл в Александрию в двадцатых числах.

24-го мая правительства Франции и Англии дают директиву своим консулам принять меры к удалению Араби и его соратников из Каира и к назначению Шерифа-паши председателем совета министров.

К этому же времени председатель палаты — Султан-паша, один из крупнейших феодалов Верхнего Египта, уже срывает личину конституционалиста и начинает энергично действовать в указанном английским консулом направлении, неизменно выступая с тех пор в качестве верной креатуры последнего (английского консула). Об этом нам подробно рассказывает Баракат.

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 15 „Аль-Ахрам" от 10 XII 1931 г.

[2] Баракат, цит. соч., оч. 16 „Аль-Ахрам" от 11 XII 1931 г.

„А Султан-паша председатель палаты депутатов, уже за два дня до этого стремился добиться того же (удаления Араби и назначения Шерифа-паши. *Х. К.*) в целях умиротворения, но не имел в этом успеха из-за упорства военных кругов. Консулы заколебались в выполнении этой инструкции, чтобы избегнуть возможного отказа так как они не представляли себе, что последует за отказом.

Но слухи о получении консулами предостерегающих указаний для представления их министерству Махмуд Сами уже распространились, и офицеры начали пользоваться этими слухами в качестве средства для возбуждения умов в армии и флоте. Консулы считали необходимым для борьбы с их влиянием довести до сведения правительства то, что было получено ими, и 25 мая они передали министерству ноту, опираясь в ней на стремление Султан-паши удалить Араби на время, в соответствии с его чином и окладом содержания, а также удалить Али-Фахми и Али-ар-Руби внутрь страны с использованием ими прав, соответствующих их постам, и на стремление Султан-паши заставить министерство подать в отставку".[1]

Пользуясь отсутствием полной договоренности между обеими державами (Англией и Францией) и полагаясь на негласную поддержку Порты, национальное правительство пытается отвергнуть предъявленный консулами ультиматум.

„Министерство ответило меморандумом, в котором заявлялось, что, не зная стремлений, которые приписываются Султан-паше, министерство, исходя из факта признания державами Египта свободным в делах внутреннего управления, сожалеет поэтому, что не может принять представленные консулом требования обеих держав. Если же из-за политических соображений державы думают вмешаться, то им не остается ничего другого, как передать дело Турции, которой принадлежит суверенитет над Египтом".

„Махмуд-Сами и Махмуд-Фахми 26 мая понесли этот ответ хедиву, который ответил им, что он отвергает этот меморандум и принимает ультиматум держав".[2]

Революционная опасность стала уже настолько грозной, что и в самом составе национального правительства верх берут

---

[1] Баракат, очерки по восстанию Араби, оч. 17, „Аль-Ахрам" от 12 XII 1931 г.

[2] Баракат الثورة العرابية „Аль-Ахрам" от 12 XII 1931 г.

„умеренные", и кабинет во главе с Махмудом-Сами 26 мая подает в отставку, безропотно подчинившись ультимативному требованию держав.

Совсем по другому ответили на этот ультиматум массы. 27 и 28 мая Каир, Александрия и ряд других провинциальных центров были в сильнейшем возбуждении. Гарнизон Александрии послал хедиву и Султан-паше телеграмму, в которой заявлялось, что гарнизон не примирится с уходом из министерства Араби, что гарнизон готов „к действенному протесту и ждет ответа на свои требования в течение двенадцати часов. В случае, если по истечении этого срока требования не будут приняты — они снимут с себя ответственность за то, что может произойти".[1]

Возмущение масс настолько давало себя знать, что европейцев охватила настоящая паника — они опасались выходить из своих жилищ. Французский и английский консулы в Александрии напрасно пытались установить какой-нибудь контакт с полковниками, подписавшими приведенную телеграмму, — те их избегали.

После отставки Махмуда Сами и Араби, составление министерства было поручано Шериф-паше, которого всячески поддерживали консулы.

Телеграмма александрийского гарнизона и настроение каирского населения заставили хедива созвать 26 мая совещание из руководяших представителей феодалов, духовенства, купечества и высшего командования армии.

Выступление хедива, сообщившего об отставке национального правительства и об уже изданном им указе о роспуске армии, вызвало резкую отповедь со стороны присутствовавших представителей офицерства.

Дальнейшее развертывание событий на протяжении этого дня настолько интересно с точки зрения расстановки классовых сил в этот один из наиболее важных этапов движения, что мы считаем необходимым привести подробное описание этих событий Баракатом, симпатии которого, как это совершенно ясно, целиком на стороне так наз. „умеренного" крыла движения. Последнее, однако, не помешает выяснению поставленной нами задачи. По поводу упомянутого совещания читаем, что: „Некоторые представители знати пытались заставить офицеров замолчать, но безуспешно.

[1] Баракат, цит. соч., оч. 18, „Аль-Ахрам" от 15 XII 1931 г.

Офицеры демонстративно вышли от хедива и присоединились к Араби и Махмуду Сами и направились в Абдинские казармы. Что же касается других, то они стали обсуждать положение вещей, и часть из них требовала объявления священной войны против чужестранного флота, но большинство выразило порицание легкомысленным словам из-за их крайности, могущей повести к обострению.

Они пытались добиться примирения хедива с офицерами. Сулейман-паша Абаза, заместитель председателя палаты депутатов, во главе делегации отправился в Нильский дворец (Каср Ниль), но никого не нашел там. Другая делегация, состоящая больше всего из улемов, отправилась к Абдинским казармам и после больших усилий добилась свидания с Араби и его товарищами. Они потребовали, чтобы офицеры, находившиеся во дворце Исмаилия, направились в дом Султан-паши для того, чтобы достичь договоренности с знатью, которая собралась там[1].

На этом собрании председателю палаты Султан-паше, призывавшему к подчинению воле хедива, не дали говорить, и страсти чрезвычайно разгорелись. За отсутствовавшим Араби специально послали, он явился в сопровождении многочисленной толпы солдат и молодежи. Его призыв низложить хедива встретил отпор демонстративно молчавшей знати.

Осталось пустить в ход угрозы: „офицер Мохаммед Обейд извлек саблю из ножен и поклялся снести этой саблей голову каждому, кто будет противоречить низложению хедива".

И дальше: „Араби тогда отдал одному из полковников распоряжение отправиться со своим полком для осады дворца Исмаилии, где жил хедив. Он отдал это распоряжение с расчетом, чтобы его услышали знать и улемы и высокопоставленные. А в это время стоял сильный шум потому, что офицеры начали разрушать все, что было в саду, разбивать окна, оскорблять Султан-пашу, проклиная его. Араби же делал вид, что пишет петицию султану, требуя в ней низложения хедива".[2]

Развязка неуклонно приближалась. Надо было руководить массами, поднявшимися на борьбу, но на это ни Араби ни ватанистское руководство в целом, не были способны, действовать решительно они не умели.

---

[1] Баракат الثورة العرابية, оч. 18, الاهرام 14 XII 1931 г.

[2] Цит. соч., оч. 18, „Аль-Ахрам" от 14 XII 1931 г.

Природа национал-либерального руководства была ясна знати, и, — пишет Баракат о дальнейшем ходе этого собрания, „большинство присутствовавших пребывало в спокойствии и молчании, не обращая внимания на этот шум и ругательства, поэтому победа оказалась на их стороне (знати и улемов). Смутьяны увидели спокойствие высокопоставленных, знати и улемов, и что на них их слова, шум и галдеж не подействовали и что они не поддаются их влиянию. Тогда сторонники Араби изменили свой тон, и Таляба Исмет и Якуб Сами обратились к депутатам и знати с тем, чтобы те просили хедива возвратить Араби в военное министерство.

„И на этом собрание разошлось, а Султан-паша отправился к хедиву посредничать по делу Араби, но хедив отверг его просьбу, и черная ночь нависла над столицей".[1]

В еще более непривлекательном свете выступает Араби на следующий день, когда он делает попытку использовать австрийского, германского и других консулов для того, чтобы те оказали давление на хедива, побудив его восстановить Араби на посту военного министра. Консулы отводят это и одновременно связывают Араби обещанием не проводить намеченной, было, военной демонстрации и гарантией безопасности иностранцев.

Между тем, Шериф-паша при столь опасной обстановке отказывается образовать новое министерство. Давление, оказываемое на него английским и французским консулами, не может помочь. По совету сэра Малета, генерального английского консула, Тевфик-паша передает дело на рассмотрение султана.

Волна национального возмущения продолжает нарастать, и 28 мая офицерство, собрав знать и улемов, излагает им свои требования и направляет их во дворец к хедиву добиваться осуществления их. Любопытно описание этой вынужденной миссии, в которой почтенная делегация попросту выступала в качестве заложников.

„Не пробило и 3 часов пополудни, как дворец хедива наполнился улемами, среди них были и коптский патриарх и главный раввин, шейхи, крупные купцы. Все они просили хедива возвратить Араби в военное министерство. Все они ждали смерти от рук офицеров в случае неудовлетворения их требований.

---

[1] Цит. соч. оч. 18, „Аль-Ахрам" от 14 XII 1931 г.

Этого было достаточно для того, чтобы побудить Тевфик-пашу вернуть Араби на пост военного министра. Он приказал заготовить текст высочайшего указа по этому поводу, чтобы подписать его. Между тем, в то время, как канцелярия составляла высочайший указ, вошел комендант охраны и сообщил, что войска осаждают дворец и что солдаты получили указание воспрепятствовать выходу хедива из дворца и применить силу в случае нужды. Они (солдаты) требовали распрячь лошадей, приготовленных для хедива, направляющегося на обычную ежедневную прогулку".[1]

При таких обстоятельствах Араби был восстановлен на посту военного министра, министерство же в целом не было сформировано, вопреки общераспространенной у нас и в западноевропейской литературе версии о восстановлении 28 мая национального правительства Махмуда Сами.

Делами министерства теперь управляли вакили — товарищи министров, вакансии же министров оставались свободными.[2]

Меры, которыми ограничивались ватанисты, их нерешительность и непоследовательность не могли привести к действительной победе. И после восстановления Араби в качестве военного министра положение оставалось чрезвычайно напряженным. Баракат с понятной для его позиции неприязнью сообщает о следовавших затем бурных собраниях народа, студенчества, неучтиво продолжавших требовать свержения хедива. Военный трибунал, судивший повстанцев, располагал двумя такими петициями, составленными и подписанными населением Александрии и провинции Шаркие.

---

[1] Баракат, الاهرام الثورة العرابية, от 15 XII 1931 г.

[2] Вакилей, ведавших делами министерств на протяжении периода времени от 28 мая по 17 июня, когда было сформировано правительство Рагиба-паши, некоторые склонны рассматривать чуть ли не как комиссаров революционного правительства. Эта точка зрения очень далека от действительности. В том-то и дело, что у ватанистского руководства не хватило революционной последовательности, чтобы поставить решительно вопрос о власти. Ограничившись в мае 1882 г. лишь восстановлением Араби на посту военного министра, националисты предоставили внутренней контрреволюции необходимое ей время для собирания сил и для выжидания подкреплений извне в виде интервенции. Образование министерства Рагиба-паши было мерой переходного порядка. С появлением интервентов никчемное правительство Рагиба-паши тут же сменяется министерством Шерифа-паши с Риадом-пашей в качестве министра внутренних дел, т. е. правительством „твердой руки", правительством самой черной реакции.

Нельзя не увидеть и в этом лишнего доказательства того размаха, какое приняло движение на этом этапе.

Массы каирского населения, выступая за восстановление правительства Махмуд Сами, ожидали многого.

„Восстановление министерства Махмуда Сами рассматривается туземцами, как предзнаменование, что христиане будут изгнаны из Египта, что земля, купленная европейцами или заложенная им, будет получена обратно туземцами, и что государственный долг будет аннулирован".[1] Но несмотря на широкую базу движения, ватанистское руководство на этом этапе больше всего старается сохранить свои связи с феодально-аристократической верхушкой, попытавшейся, было, на первом этапе возглавить движение, чтобы затем его обезглавить.

Прямое свидетельство тому мы находим в арабских материалах: „Повстанцы нашли необходимым поднять энтузиазм колеблющихся из знати и улемов. Они стали созывать собрания, на которых произносились горячие речи.

Когда европейская пресса выяснила, что знать не разделяет взглядов офицерства, как это имело место на собрании от 28 мая, то Араби послал товарищу министра внутренних дел письмо, с опровержением этого. Агенству Рейтер поручили опубликовать это письмо".[2]

Крестьянские же массы свои чаяния связывают с популярнейшим в то время именем Араби. Он же, не будучи вождем крестьянства, делает попытку приспособиться к тем требованиям, которые к нему предъявляются. Баракат пишет о нем: „Араби был блестящим оратором. Он говорил о том, что соответствовало умственному уровню масс, обещал снизить налоги, восстановить закон о мукабале, аннулированный в свое время ликвидационной комиссией, и т. д. и т. п.".

Это сидение на двух стульях остается характерным для руководства до самого конца. Хватаясь за фалды одних социальных слоев (феодально-клерикальных кругов), оно неизбежно служит тяжелой гирей в поступательном движении других социальных слоев и прежде всего крестьянства, у которого оно не перестает путаться в ногах и жизненные интересы которого это руководство в конце концов предает.

---

[1] Из донесения английского генконсула Малета.

[2] Баракат, цит. соч., оч. 19 от 15 XII 1931 г.

28 мая силой национально-революционного движения Араби был восстановлен на посту военного министра. Но по стране продолжала катиться невиданная до того волна демонстраций и митингов. Иностранцы в большой панике. Хедив напуган до смерти и, в связи с назначенной на 1 июня большой демонстрацией, опять прибегает к помощи консулов, умоляет их снестись с своими правительствами, чтобы те предложили Порте послать в Египет своего представителя.

Тогда Англия побудила султана вмешаться, стать на сторону хедива и попытаться отозвать в Стамбул Араби и Сами. Это вызвало новый взрыв возмущения в Каире. Араби заявил о готовности к вооруженному сопротивлению интервенции. Султан тогда посылает своих эмиссаров, известных под именем миссии Дервиш-паши. В связи с приездом Дервиш-паши идут демонстрации и митинги протеста против ультиматума держав (от 25 мая). Размах движения заставляет Дервиш-пашу быть осторожным и занять двусмысленно-выжидательную позицию. Некоторые круги движения готовы видеть в лице Порты возможную защиту от посягательств европейских хищников. Дервиш-паша не очень озабочен рассеять эти иллюзии. В то же время он получает огромный бакшиш от хедива и солидную взятку от англичан, купивших за баснословную сумму небольшое именье Дервиша на Балканах.

Между тем, английская дипломатия старательно ищет повода для интервенции. Хедив приходит ей на помощь и провоцирует движение, нарастающее в Александрии, где возбуждение было особенно сильно в связи с прибытием английской эскадры. Чтобы дать повод для интервенции, англо-хедивская агентура организует резню в Александрии, как доказательство анархии, насаждаемой ватанистами. Незадолго до событий в Александрии, английский генконсул Малет был запрошен, не угрожает ли опасность жизни европейцев в связи с объявлением интервенции. Отвечая на этот запрос, он телеграфировал: „Имею честь сообщить, что я и мои французские коллеги считаем, что политические выгоды от прибытия эскадры в Александрию так велики, что они заставляют не считаться с опасностью, которую они могут принести европейцам в Каире.“[1]

---

[1] Ротштейн, цит. соч., стр. 130.

Интересы кредиторов и политические расчеты требовали жертв, а ответственность за них нетрудно было впоследствии возложить на египтян.

Вот как по Блэнту рисуется положение вещей в Александрии. Население ее в значительной своей части состоит из греков, итальянцев и мальтийцев, занятых, преимущественно торговлей и ростовщичеством. Отношение к ним, поэтому, никогда не было приязненным. Прибытие же флота для защиты интересов иностранцев значительно обострило эти отношения. Назревал взрыв социальной ненависти. Администрация города в лице Омар Лутфи-паши, верного слуги хедива Исмаила, сделала все, чтобы спровоцировать резню. Вот что писал хедив Тевфик по этому поводу Омару-Лутфи в телеграмме от 5 июня: „Араби гарантировал общественное спокойствие; газеты опубликовали это, и Араби объявил себя ответственным перед консулами за порядок. Если ему удастся выполнить свое обязательство, державы поверят ему, и наше положение будет потеряно. Флоты держав в Александрийском порту, а умы возбуждены, и эксцессы между европейцами и остальными не замедлят случиться. Поэтому выбирайте для себя — будете ли вы служить Араби в осуществлении им своих гарантий, или вы будете служить нам". Омар Лутфи не преминул использовать в нужном ему направлении существовавшее „возбуждение умов" и социальную ненависть городских низов против ростовщиков и банкиров.

Резня усиленно подготавливалась и с другой стороны — главой греческой колонии Синадино, богатым банкиром и агентом Ротшильдов в Египте.

Европейцы усиленно вооружались. 11 июня в Александрии вспыхнуло восстание. В течение нескольких часов было убито 140 египтян и 57 христиан. Вот эти-то события и фигурируют в европейской печати, да и у нас (Ротштейн),[1] как „погром европейцев", несмотря на то, что непосредственный повод к резне был дан мальтийцем, лакеем Куксона (англ. консул в Александрии), убившим на улице египтянина.

---

[1] Невозможно игнорировать национально-революционный и социально-классовый характер событий в Александрии от 11 июня. Объяснение квалификации, данной этим событиям Ротштейном, остается искать разве лишь в том, что эта стихийно-революционная вспышка была совершенно лишена организованного руководства. Но и это не дает оправдания. Нельзя пройти мимо того

Непосредственным результатом этого стихийно вспыхнувшего, а отчасти и спровоцированного, восстания оказалось совсем не то, что ожидалось агентурой англичан. Европейская колония, перепугавшись, дала волю своему возмущению хитросплетениями сэра Малета, потребовав его отзыва. Араби, популярный вождь армии, становится в глазах европейской колонии единственной гарантией безопасности. Германский и австрийский консулы предъявляют хедиву требование примириться с Араби. Это, надо полагать, не без влияния французской дипломатии, временами ориентировавшейся на Араби, как нового Мохаммеда-Али,[1] долженствующего дать отпор претензиям Англии на самостоятельную оккупацию Египта, которая отнюдь не отвечала интересам Франции. Хедив вынужден уступить, и Араби становится фактическим диктатором. Он выпускает прокламации, призывающие к сохранению общественного порядка и к повиновению законам.

Но как бы противоречивы ни были интересы держав, все они в одинаковой степени не удовлетворены министерством Араби, проявляющего вместе с ростом движения известную тенденцию к дальнейшей радикализации. И те же германский и английский консулы спустя короткое время предъявляют ультиматум с требованием отказаться от „узко-национального" правительства.

факта, что в число убитых 57 европейцев попали главным образом армяне, евреи и мальтийцы, т. е. представители ростовщического капитала.

К июню 1882 г. Египет представлял собою пороховой погреб, который мог взорваться в любую минуту от брошенной в него искры. Роль такой искры сыграло прибытие 15 мая в Александрию англо-французской эскадры. Прокатившиеся вслед за этим актом вмешательства массовые митинги протеста и волна демонстраций красноречиво об этом свидетельствуют.

Элементов провокации в событиях от 11 июня отрицать не приходится. Надо учесть и то обстоятельство, что европейцы открыто вооружались на глазах населения; оружейные магазины буквально осаждались огромными очередями европейцев, организовалась так наз. самооборона.

30 мая в Александрии состоялось инспирированное собрание купцов-представителей европейской колонии, постановивших послать письмо Гладстону с требованием обеспечить безопасность жизни европейцев.

Все это не могло не сыграть роль призыва к действию, если учесть ту колоссальную социальную и национальную ненависть, которая к этому времени аккумулировалась в стране.

[1] Мохаммед-Али — египетский Петр Великий — абсолютный правитель Египта начала XIX в., известный своей борьбой за преобразование Египта на началах централизованного крепостнического государства.

Так, под давлением иностранной дипломатии, в течение 24 час. возникает министерство Рагиб-паши, организованное 27 июня. В состав этого министерства Араби входит в качестве военного министра.

Программа этого правительства намечала объявление всеобщей амнистии (за исключением участников восстания в Александрии) и образование смешанной комиссии для расследования обстоятельств резни в Александрии.

Образованием межеумочного правительства Рагиба-паши имелось в виду разрешить кризисное положение, ослабить силу революционного напряжения в стране.

Но не этого добивалась Англия — ей требовался повод для оккупации. Но для этого ей сначала надо было организовать соответствующим образом международную обстановку, чтобы фактом захвата Египта не восстановить против себя концерт европейских держав. Англия изъявляет согласие участвовать в созываемой по инициативе Франции конференции послов для урегулирования египетского вопроса. Эта конференция открывается 23 июня 1882 г. в Константинополе. Одновременно Англией принимаются меры к тому, чтобы нейтрализовать деятельность этой конференции, превратить ее в ширму, прикрывающую подготовку к действиям. Благодаря умелой тактике лорда Дафферина, английского посла в Константинополе, и позиции Бисмарка, развязавшего руки Англии, в решения этой конференции включается оговорка, допускающая английскую интервенцию при наличии „исключительных обстоятельств".

Теперь задача заключалась в том, чтобы изобрести эти обстоятельства и поставить конференцию перед свершившимся фактом.

Решив действовать, англичане избирают поводом к тому работы, которые велись по ремонту александрийских фортов. Адмирал Сеймур, возглавляющий английскую экскадру, полон благородного негодования по поводу того, что перед лицом угрожающих вороватых рыцарей, прибывших к тому же в страну на военных кораблях, варвары-туземцы начинают думать о самозащите.

Адмирал Сеймур посылает ультиматум с требованием прекратить работы по укреплению фортов. Египетское правительство разъясняет, что оно никаких новых укреплений не возводит, а что производится лишь ремонт существующих фортов.

По свидетельству специалистов, форты находились на таком расстоянии от рейда и состояние их вооружения было таково, что серьезно они ничем не могли угрожать судам английского флота. Но чем резоннее был ответ, чем больше египетское правительство старалось избежать столкновения, тем меньше это устраивало англичан.

Адмирал Сеймур посылает вторично ультиматум, на этот раз уже с требованием снять всю артиллерию в фортах, командующих над морем, осуществив это под непосредственным наблюдением английских офицеров.

Для обсуждения этого ультиматума собрался на заседание совет министров под председательством хедива, предусмотрительно воспользовавшегося александрийскими событиями от 11 июня, как предлогом для трусливой перебежки из находящегося в революционном брожении Каира в Александрию, чтобы в случае нужды иметь возможность укрыться под крылышком британского флота. На этом заседании присутствовал и Дервиш-паша, под давлением которого хедив был вынужден отказаться от своего намерения сдать фортовую артиллерию Сеймуру. В ответ на предложение хедива сдаться, Дервиш-паша заявил: „Не забудьте все, что вы рабы государя нашего султана, и вы не в праве вести непосредственные переговоры помимо Стамбула. Если вы сдадите форты, то вы навлечете на ислам позор".[1]

В результате, на этом заседании было принято решение фортов не сдавать, а снять лишь с одного из них (форта Аджма) три пушки. Если же, несмотря на это, Сеймур приступит к бомбардировке, то было решено, что ответный огонь форты откроют лишь после пятого выстрела. Такое решение меньше всего могло остановить англичан, руки которых к тому времени были совершенно развязаны неожиданным отказом Франции от интервенции. 5 июля кабинет министров Франции под давлением палаты принял решение об отказе от интервенции. В тот же день адмирал Конрад, глава французской эскадры, заявил Сеймуру, что если все-таки им будет предъявлен ультиматум египтянам, то французские суда будут вынуждены покинуть Александрийский форт, оставаясь тем не менее в египетских водах.[2]

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 27, „Аль-Ахрам" от 28 XII 1931 г.

[2] См. A. Bourguet. La France et L'Angleterre en Egypte, стр. 206—209.

Бомбардировка началась 11 июля. Накануне, 10-го англичане проявляют трогательную заботу о хедиве, предложив ему укрыться на одном из судов английского флота, но, чтобы до конца верой и правдой служить англичанам той провокаторской ролью, какую Тевфик-паша играл в восстании, хедив, стараясь сгладить явно невыгодное для него положение, отвергает сделанное ему вице-консулом предложение и переезжает из Расат-Тин в Каср-ар-Рамль.

Ясное представление о том, какую „угрозу" представляли укрепления Александрии для английского флота, дают следующие данные о соотношении сил, почерпнутые нами из уже цитированных арабских материалов: Александрия насчитывала 25 укрепленных пунктов и фортов. Наиболее вооруженным был форт Аджма, но из-за дальности его расстояния от места расположения флота он был совершенно бесполезен. Снаряжение остальных фортов совершенно устарело, стены, возведенные еще во времена наполеоновской экспедиции и Мохаммеда Али, были непрочны, пороховые склады совершенно не были защищены со стороны моря. Плохо обученный гарнизон состоял из четырех полков пехоты, кавалерийского полка и 700 артиллеристов — всего 7500 чел.

Английский же флот располагал восемью броненосцами, двумя артиллерийскими и тремя разведывательными судами, одним торпедным судном с 69 пушками крупного калибра, 88 среднего и мелкого калибра и 70 митральезами. Прекрасно обученный экипаж насчитывал 5700 чел. Это соотношение сил не преминуло сказаться в первый же день бомбардировки. После нескольких часов обстрела судовая артиллерия, произведя опустошающие разрушения в фортах и вызвав сильнейший пожар в городе, заставила египетские форты совершенно отказаться от ответного огня.

К вечеру 12 июля Араби вынужден отвести войска из города. Адмирал Сеймур, не располагая силами, достаточными для десанта, предоставляет город, объятый пламенем, в распоряжение солдат американского, русского, германского и австрийского консульств. 15-го Сеймур получает давно им ожидавшиеся подкрепления и занимает город, не переставая, однако, опасаться наступления войск Араби.

Англичане укрепляются в Рамле. Они начинают находить, что Араби становится серьезной опасностью. Инспирированный

ими хедив посылает 14 июля письмо Араби следующего содержания: „Поистине ты знаешь, что английский адмирал не желает войны с Египтом, и артиллерийский огонь по фортам он направил по причинам, обусловленным приготовлениями, по поводу которых был предъявлен ультиматум.

„Ты ведь уже объявил, что необходимо восстановить отношения с ними.[1]

„Он (адмирал Сеймур) готов сдать Александрию регулярной дисциплинированной армии, а если ее не окажется, то турецким войскам. Конгресс в Константинополе решил, что султану единственно принадлежит право вмешательства в египетские дела вооруженной силой. Тебе, вместе с твоими товарищами, надлежит явиться в Рас-ат-Тин для переговоров по этому делу. Я приказываю тебе прекратить приготовления, которые отныне уже бесполезны".[2]

Очевидна провокаторская сущность этой попытки со стороны Тевфик-паши; либо заставить Араби принести повинную и таким образом выдать его вместе с армией англичанам, либо, спровоцировав отказ подчиниться воле хедива, получить основание для того, чтобы объявить Араби мятежником.

Но теперь Араби уже не принадлежал более себе, а тем событиям, которые захлестывали его и перекатывались через его голову. Всеобщее возмущение поведением хедива приняло столь острый характер, что Араби не мог не ответить отказом. Приводим его ответ на указ хедива: „Адмирал открыл артиллерийский огонь после заверения министерства и вашего заверения о том, что никаких военных приготовлений не ведется. Все мы и вы вместе с нами считали ультиматум оскорблением Египта, объявлением ему войны без всякой на то причины. Вместе с тем, бомбардировка не ограничилась одними лишь фортами, а взрывчатые бомбы бросались даже в гражданское население, так что многие были убиты, и многое было разрушено.

„Ваши войска, в случае вашего требования, готовы в настоящее время вернуться в город, и я не отказываюсь от каких

---

[1] На собрании 11 июля, констатировавшем невозможность дальнейшей борьбы с английским флотом, Араби, по версии американского консула, заявил: „Мы теперь стоим перед двумя дилеммами: либо прибегнуть к каким-нибудь новым мероприятиям, либо достигнуть соглашения с адм. Сеймуром".

[2] Баракат, الثورة العرابية, оч. 30, „Аль-Ахрам" от 31 XII 1931 г.

бы то ни было переговоров насчет мира, но необходимо помнить, что нападение и нарушение мира и разрушение города было делом английских судов и что наши форты ответили флоту лишь после пятого артиллерийского выстрела, согласно решению собрания, состоявшегося под вашим председательством. Общеизвестно, что Англия напала на Египет и после артиллерийского обстрела, длившегося 12 часов, вынудила египетские войска эвакуировать город и заняла его. Такое положение невозможно не считать войной.

„Ваше высочество знает, что при таком положении невозможно вести свободно переговоры до тех пор, пока иностранные суда находятся в Александрийской гавани. Необходимо, чтобы они удалились из гавани и если это будет так, то я готов буду сразу же принять ваш призыв. Что же касается военных приготовлений, то наш долг продолжать их до тех пор, пока английские суда не удалятся из Александрии. Эти приготовления, на которые вы указываете, ограничиваются приведением в боевую готовность 25 тыс. бойцов, согласно Вашему приказу. Что же касается меня, то я лишь ваш исполнитель“. [1]

Несмотря на то, что этот ответ по существу содержит отказ подчиниться хедиву, форма его не перестает быть чрезвычайно характерной для Араби. Не взирая на силу царящего в стране негодования, Араби боязливо уклоняется от того, чтобы дать действительную оценку письма хедива, поведения его.

Англичане в это время укрепились близ Александрии в Рамле. Инспирированный ими хедив назначает упомянутого выше Омара Лутфи военным министром вместо Араби, который объявляется мятежником. Это вызывает резкий протест. Объективно сложившимися обстоятельствами, Араби, даже помимо своей воли, должен возглавить уже развернувшееся теперь во всю ширь восстание против беспардонного вторжения иностранного капитала и хедива.

Баракат, которого нельзя упрекнуть в избытке сочувствия и приязни к более радикально настроенному крылу движения, по поводу положения, в какое попал Араби, с „сокрушением“ замечает: „Араби и его группа последователей в начале развития движения опирались на браторов и агитаторов для того, чтобы поднять энтузиазм народных масс, но кончил Араби тем,

---

[1] См. الاهرام от 31 XII 1931 г.

что стал пленником ораторов и агитаторов, которые стали настоящим бедствием для армии". Но, так или иначе, констатирует в другом месте тот же Баракат: „Брожение умов усилилось, и Араби казался выступающим в роли Гарибальди". Но сам Араби в этом меньше всего был повинен.

Образовавшийся вслед за бомбардировкой Александрии национальный совет, или, как арабские источники его именуют, „чрезвычайное собрание" объявляет о том, что хедив стал пленником англичан и действует не по своей воле. Араби назначается главнокомандующим и приступает к организации обороны страны. На ряду с мобилизованными, в ряды армии Араби непрерывным потоком прибывают добровольцы, крестьяне со всех концов страны свозят припас и фураж. Силами этих же крестьян роются окопы и возводятся необходимые укрепления.

„Араби, — пишет Баракат, — мобилизовал запас, собирал оружие, заготовлял припасы и входил в соглашение с заводом Круппа насчет приобретения пушек. Поражались осуществлению всех этих мероприятий без каких бы то ни было средств. Население добровольно предоставляло все то, в чем армия нуждалась. Министр вакуфов — Хассан-Аш-Шариа открыл казну своего министерства для нужд военного министра для того, чтобы расходовать эту казну на подготовку войска и мобилизацию запасов.[1]

По данным одного из наблюдателей событий,[2] армия Араби состояла из 18 пехотных полков по два батальона в каждом (в том числе двух негритянских батальонов), 8 кавалерийских бригад по пять эскадронов в каждой, 4 частей полевой артиллерии по 6 батарей, каждая с 6 орудиями, 3 частей гарнизонной артиллерии и одного саперного батальона. Имелось также 10 нерегулярных бедуинских частей.

По свидетельству английского вице-консула, общая численность армии Араби достигала 60 тыс. человек.

Баракат же приводит другие данные, согласно которым общее число регулярных войск, вслед за бомбардировкой, составляло 19 тыс., из них: 8 тыс. регулярных войск, с 80 пушками Круппа находились под непосредственным командованием военного министра; гарнизон в Абу-Кире, насчитывавший 3500 чел.,

---

[1] الثورة العرابية, الاهرام от 11 XII 1931 г.

[2] См. Fogh t. The Egiptian war, 1882 г., стр. 23.

гарнизон в Розетте (Рашиде)—2500 чел., в Дамиетте—5 тыс. чел. Это численность регулярных войск. Призванный же запас и добровольцы не были искушены в военном деле, не обладали необходимой военной подготовкой. Бедуинские же части, не привыкшие к военной дисциплине, очень осложняли ведение кампании. С боевым снаряжением дела обстояли куда лучше. Вот что читаем об этом в работе того же автора: „Что же касается складов оружия и боеприпасов, то они были ими переполнены, имелось: 130 тыс. винтовок системы Ремингтон, 20 тыс. винтовок образца Энфильда, 496 полевых пушек Круппа калибра 7.8 см, 20 млн. патронов для винтовок Ремингтон и 10 млн. патронов для винтовок Энфильда. На каждую пушку имелось по 500 зарядов.“ [1]

Особенно солидными были силы Араби в укрепленных пунктах. Не хватало только хорошего военного руководства. Шейх Мохаммед Абдо — один из основоположников панисламизма, игравший на определенном этапе руководящую роль в движении, утверждал, что многие офицеры-европейцы пытались в качестве добровольцев встать в ряды ватанистской армии, но англичане закрыли им доступ в Египет.

По плану, разработанному начальником генштаба египетской армии, Махмудом Фахми, к укреплению намечались следующие пять позиций: Кафр-Давар, Абу-Кир до Розетты, от Розетты до Бурлюса, Дамиэтта, и наконец, Тель-ель Кебир до Саляхии. Затем предполагалось закрыть канал Исмаилию, с тем, чтобы отрезать воды его от Порт-Саида, Исмаилии и Суэца. Предполагалось также закрыть Суэцкий канал у Атабат-аль-Джиср и сделать Аббасию центральным укрепленным пунктом. Смысл этого плана заключался в укреплении Нижнего Египта и в том, чтобы закрыть доступ пресной воды в Порт-Саид, Исмаилию и Суэц и отрезать английские силы от подкреплений из Индии.

Перед англичанами встала бы тогда дилемма: либо двинуться с риском в пустыню, не имея воды, либо рискнуть двинуться в дельту во время розлива, представлявшего естественную преграду продвижению английских войск. Осуществление этого плана исключало возможность легкой победы англичан. Но в угоду европейскому „общественному мнению“ и из-за уверенности в ненарушимости нейтралитета канала — повстанцы не

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 33, „Аль-Ахрам“ от 6 I 1932 г.

приступили к необходимым разрушениям и таким образом настежь открыли двери перед английской экспедицией. Даже частичное осуществление приведенного плана защиты говорило о чрезвычайной эффективности его. Вот что пишет по этому поводу Блэнт: „Последовавшие несколько дней доказали, что укреплением армии в Кафр-Даваре был сделан мудрый выбор, так как частые атаки англичан под командованием генерала Алисона, высадившегося с несколькими тысячами человек, были отбиты. Таким образом существовала твердая надежда, что сопротивление может продолжаться неопределенное время".[1]

А о том, какое значение могло иметь полное осуществление этого плана, ярко свидетельствует позднейшее признание генерала Волслей, возглавлявшего английскую экспедицию. „Если бы Араби блокировал канал, как это он предполагал сделать, мы еще и к настоящему моменту должы были бы находиться в открытом море, блокируя Египет."[2]

Таким образом подъем революционной волны толкнул ватанистское руководство непосредственно вслед за бомбардировкой Александрии на ряд мероприятий революционного порядка.

В ответ на указ хедива, объявившего Араби мятежником, последний обращается к народу с следующим воззванием: „Хедив близок к англичанам и все, что он говорит, направлено в пользу англичан. Хедив жертвует интересами страны и населения. Поэтому каждый египтянин, каждый офицер, солдат и охранник обязаны ловить шпионов, распространяющих приказы и прокламации от кого бы то ни было, кроме меня, потому что враг хочет взять нас хитростью. Каждый, имеющий при себе секретные бумаги, должен быть препровожден военному трибуналу и подлежит строжайшему наказанию. Что же касается нас, то мы не оставим народ, пока в нас бьется сердце".[3]

Вслед за бомбардировкой Александрии, вместо бесславно самоликвидировавшейся палаты депутатов в Каире организуется военный совет, ведающий организацией обороны страны. Впоследствии создается чрезвычайный совет, ведающий управлением страны. Если мы не располагаем точными данными о составе военного совета, где доминировало офицерство, то сведения о составе чрезвычайного совета, не оставляют сомнений,

---

[1] Blunt, цит. соч., стр. 298.

[2] Blunt, стр. 302.

[3] Напечатано в газете „Аль Вакаиа-аль Мисрия" от 25 VII 1882 г.

что создание этой организации знаменовало уже новую попытку Араби к соглашению с внутренней реакцией. В состав чрезвычайного совета входили: представители министерства, руководители департаментов, знать, генералитет и высшее духовенство.

Стремление к соглашению не оставляет Араби и в дальнейшем. В двадцатых числах июля 1882 г. Араби делает попытку опереться на палату, которой был бы присущ характер „народного представительства". Для этого на собрание чрезвычайного совета приглашаются сотни улемов, пашей, знати, члены царствующей династии, нотабли, коптский патриарх, раввин и т п. „представители народа".

Эти собрания выявили в противовес революционным настроениям масс, солдат и значительной части офицерства прямое противодействие развитию движения со стороны феодально-помещичьих кругов и представителей крупного чиновничества. Между тем, всенародный революционный подъем был налицо, революционное напряжение в стране было чрезвычайно сильно и проявлялось в ряде демонстраций в Каире, открытых выступлениях в Танте, Даманхуре, Махаль-аль-Кубра, Кафр-Заяте и Загазике, выступлениях, направленных против европейцев, главным образом против наиболее ненавистных представителей ростовщического капитала. Однако все это носило характер стихийных вспышек. Восстание не располагало необходимой организацией. Подготовка к военным действиям и самые военные действия не форсировались, а намеченные было вначале очень ценные мероприятия не осуществлялись.

Развернув широчайшую сеть укреплений, далеко несоответствующую наличному количеству войск, которое могло бы их занять, ватанистское руководство не обеспечило завершения мероприятий по укреплению линии фронта. Это руководство уже в гораздо большей степени озабочено тем, чтобы подавить выступление низов против европейцев и „беспорядки" внутри. Араби непростительно медлит. Отразив первые атаки англичан, ватанисты не делают никаких усилий для того, чтобы, как указывал Ленин в письме ЦК РС-ДРП, „от успеха идти к успеху, не прекращая наступления на врага, пользуясь его растерянностью и т. д.".[1]

В первые недели после оккупации Александрии англичанами, перевес сил был явно на стороне ватанистов. Восстание было

[1] Ленин. Марксизм и восстание. Партиздат, 1932, стр. 3.

начато, но решительности для того, чтобы перейти в наступление, не хватало. Войска ватанистов занимали позиции в Тель-эль-Кебире и в других пунктах, их крупные силы были размещены в Нижнем Египте и на побережье Средиземного моря. Лучшие в боевом отношении и по своему моральному состоянию суданские части под командованием одного из наиболее решительных вожаков ватанистов — Абд-аль-Аля были бесполезно заморожены в Дамиэтте, другие регулярные части были скованы в Розетте. Руководство беспомощно топталось на месте, обрекая тем самым восстание на поражение.

Между тем, англичане, высадившись в Александрии, находились в далеко неблагоприятном положении. Им предстояло провести ряд подготовительных мероприятий для развертывания начатой кампании. Они ждали подкрепления людьми, боеприпасами и провиантом, так как, несмотря на обещания платить наличными, они не смогли сломить сопротивление населения, упорно не желавшего продавать продукты англичанам. Не хватало пресной воды. Первые попытки разбить повстанцев окончились неудачей. Прошел ряд недель в подготовке англичан к решительным действиям. Положение в самой Александрии оставляло желать много лучшего. Хотя, как это отмечают арабские источники,[1] власть хедива распространялась лишь на одну Александрию, но ее одной было достаточно, чтобы причинить много забот. Главной причиной того служили беженцы, оставившие Александрию во время бомбардировки и вернувшиеся туда впоследствии. Среди этих беженцев было много таких, которые не располагали даже однодневным пропитанием, и эти-то элементы служили поводом постоянных треволнений. Из-за недостатка воды правительство постановило отпускать лишь по 20 л на человека, раз в три дня. Иностранцы не находили водовозов, — надо понимать, что это было одной из форм бойкота их, — и вынуждены были покупать воду по пять гиршей за кувшин. Частые наскоки бедуинов на окрестности города также причиняли немало неприятностей.

Когда, в связи с началом развертывания военных операций по захвату канала, значительная часть английских войск погрузилась на суда и отправилась из Александрии в Исмаилию и Порт-Саид, хедив вместе с своим вновь сформированным

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 39.

19 августа министерством Шериф-паши и Риад-паши оказался в крайне беспомощном положении. Лишившись вконец покоя, хедив безуспешно пытается использовать египетских солдат, напрасно — население было на стороне ватанистов.

Не посчастливилось хедиву и с вербовкой добровольцев в Турции. Порта издает приказ, карающий и вербовщиков и вербуемых.

Между тем, подготовительные мероприятия англичан отнюдь не исчерпываются подвозом войск, боеприпасов и провианта. Англичане считают неизбежным затяжной характер войны. Поэтому, а также в связи с планом нападения на Египет со стороны Суэцкого канала, они снаряжают специальные миссии Пальмера и Гиля для подкупа шейхов бедуинских племен, кочующих по обеим сторонам канала. Надо отметить, что Араби вел переговоры с этими шейхами, и часть из них примкнула к армии повстанцев. В деле подкупа и разложения рядов повстанческой армии, англичанам энергично помогает бывший председатель парламента Султан-паша. Английскому генеральному консулу Малету удалось склонить его на сторону англичан без особого труда. Из арабских источников[1] видно, что Султан-паша призывал офицеров и шейхов племен оставить Араби и присоединиться к войскам Порты, якобы прибывшим для подавления восстания. Точно также Султан-паша предпочитал и при подкупе прибегать к имени султана и хедива.

Султан-паша, зная, что распределение денег от имени англичан будет бесполезно, начал распределять их от имени султана и хедива.[2]

Для этой цели Султан-паша использовал шейхов племен — друзей Араби, которые занялись пропагандой среди племен, призывая их восстать против Араби, подкрепляя эти призывы полновесным английским золотом. Таким образом английское золото проложило себе широкую дорогу и в ряды командного состава армии Араби.

Англичане вели деятельную подготовку к решительному натиску на войска повстанцев, Араби же непростительно медлил, неизменно ведя оборонительную тактику. Ряд недель, которые миновали со времени оккупации Александрии, не были

---

[1] Бакарат, цит. соч., оч. 40, „Аль-Ахрам“ от 16 I 1931 г.

[2] Баракат, цит. соч., оч. 40, „Аль-Ахрам“ от 16 I 1932 г.

использованы для того, чтобы перейти в наступление и провести мероприятия, препятствующие продвижению англичан, захвату ими канала. Половинчатость, нерешительность и бездействие дезорганизовали повстанческую массу, к тому же подкупы, проводимые Султан-пашей и хедивом через бедуинов, сумели в значительной мере разложить и деморализовать египетскую армию. Разложение в рядах ватанистской армии организовывалось англичанами и по-другому. За две недели до решающего сражения при Тель-эль-Кебире товарищ английского министра военных дел начал широко декларировать посулы амнистии восставшим. В этих заявлениях говорилось, что все репрессии сведутся к роспуску египетской армии, главари будут преданы суду, но ни один из них не будет казнен без санкции на то Англии. Подчеркивалось, что Англия будет требовать смертной казни лишь для тех, кто жег Александрию и убивал иностранцев, „что же касается остальных, то их жизнь в безопасности".[1]

До 2 августа имели место лишь незначительные стычки. Генерал Волслей, возглавивший английскую экспедицию в Египте, экономил силы в ожидании решающего сражения, которое он откладывал до получения им подкреплений и до того, как ему удастся добиться концентрации египтянами своих сил в Тель-эль Кебире.

Первый акт серьезных военных действий произошел 2 августа, когда английский адмирал Ховейт захватил Суэц, спровоцировав сначала бегство населения из города, а затем использовал это как повод для того, чтобы высадить десант.

Важность факта захвата Суэца националисты не оценили должным образом. И после захвата Суэца они продолжали оставаться в том же выжидательном положении, какое они заняли с самого начала кампании. Важнейший стратегический пункт они сначала без какого бы то ни было сопротивления сдали врагу, а затем ничего не предприняли для того, чтобы этот решающий доступ в страну не остался в руках англичан.

Начало операций по захвату канала было заранее тщательнейшим образом подготовлено.

19 июля конференция послов в Константинополе приняла предложение английского посла в Стамбуле лорда Даффорина

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 40, „Аль-Ахрам" от 16 I 1932 г.

о том, что Англия и Франция берут на себя защиту канала без какого бы то ни было побуждения со стороны.

22 июля из Англии отправилась экспедиция под начальством генерала Волслея, и в палате общин был поставлен вопрос об ассигновании кредитов на это благое дело.

25 июля Англия направила державам меморандум, в котором указывалось, что французские суда приступят к оккупации зон, расположенных к северу от Исмаилии, захватят Порт-Саид и Кантару, а английские войска оккупируют Исмаилию и Суэц — южные районы.

После этого конгресс послов, игравший роль ширмы для подготовки дела захвата Египта, вместе с благополучным завершением этой подготовки, делается уже явно бесполезным и тихо и мирно самоликвидируется по инициативе русского правительства, отозвавшего своего посла.

29 июля французская палата депутатов отказалась вотировать ассигнования, которые министерство Фрейсинэ требовало для проведения совместной с Англией оккупации Суэцкого канала. Правительство Фрейсинэ подало в отставку. Уже упомянутый нами французский автор Бурже с понятной для него горечью противопоставляет английский парламент, почти единодушно голосовавший за предоставление кредитов для интервенции, поведению французской палаты. Объяснение того не без основания Бурже видит в том, что политика полумер, намеченная Фрейсинэ, не могла вызвать энтузиазма у членов палаты. Эта политика предполагала несение Францией всего бремени тягот без перспектив действительного участия в плодах победы.

Но все же это объяснение поведения французской палаты явно недостаточно. Ее решение об отказе от оккупации зоны канала знаменовало собой тенденцию к временному ослаблению колониальной экспансии, тенденции, которая наметилась в результате исхода франко-прусской войны. Новая тенденция французской внешней политики, представленная в палате группой Клемансо, заботливо устраняла с пути все, что могло помешать уже тогда предусмотрительно подготовляемому союзу с Англией для предстоявшей в далекой перспективе борьбе с Германией. Египет в руках Франции служил разменной монетой. Но эта основная тенденция проложила себе дорогу в ожесточенной борьбе с тенденцией, стремившейся восстановить

былое доминирующее положение Франции в Египте. Отсюда все эти зигзаги и колебания Франции в египетском вопросе и неразрывно с этим связанное беспомощное топтание на месте, как раз в период нарастания движения Араби. Приятным сюрпризом для Англии был неожиданный уход французских судов из Александрии накануне событий 11 июля. Не в меньшей мере развязывал руки Англии отказ Франции от участия в оккупации канала.

Теперь Англии оставалось лишь отделаться от Порты, уже сослужившей свою службу Англии тем, что в результате длительного давления английской дипломатии султан Абд-уль-Хамид объявил Араби бунтовщиком и тем самым внес серьезное замешательство в ряды повстанцев. Двойственная политика Порты в отношении Египта питала иллюзию Араби на возможную тайную, а то и явную поддержку его султаном. Англия, до того добивавшаяся посылки турецких войск в Египет, теперь делает внезапное открытие о якобы существующих связях между дворцом султана и ватанистским руководством. На этом основании Англия сначала очень ограничивает турецкую помощь в интервенции, выдвигая ряд унизительнейших для „суверена" Египта условий (запрещает высадку турецкого десанта в Александрии, Порт-Саиде, Исмаилии), а затем совершенно отрезает турецкой военной экспедиции возможность доступа в Египет.

Замечателен по силе лицемерия ответ лорда Дафферина на требование султана отозвать английские войска из Египта, вилайета Порты. Лорд Дафферин заявил, что события в Египте вынуждают Англию заняться необходимыми приготовлениями для восстановления законного, нормального правительства в Египте и поэтому она не может отозвать свои войска и не может приостановить подготовку, к которой она была вынуждена бездеятельностью султана Абд-уль-Хамида и что она добровольно берет на себя ответственность в „общих интересах".

Развязав таким образом себе руки, Англия приступила к военным действиям, начало которых было ознаменовано, как уже выше отмечалось, захватом Суэца 2 августа.

12 августа Гладстон заявляет в палате общин со всей категоричностью, что Англия не стремится к оккупации Египта: „Если есть какая-нибудь вещь, которую мы не сделаем, так именно это. Оккупация абсолютно противоречила бы принци-

пам, которых придерживается правительство ее величества, это противоречило бы обещаниям, данным Европе...“ [1]

Это было 12 августа, а 19 августа английский флот направился в Абу-Кир, а три военных транспорта, под охраной броненосца, пошли прямым направлением в Порт-Саид. Перед Абу-Киром, где находились укрепления египтян, флот продемонстрировал подготовку к бою. Египетские войска провели всю ночь у лафетов, готовясь отразить нападение. А тем временем флот, пользуясь наступившей темнотой, продолжал итти своим направлением на канал.

19 и 20 августа англичане развернули операции по захвату Исмаилии и Порт-Саида, приостановив какое бы то ни было движение по каналу. Повстанцы же располагали всеми возможностями, чтобы отстоять канал, и для этого требовалось немногое. Нужно было отрезать доступ пресных вод в Исмаилию, Суэц и прервать железнодорожную линию, соединяющую канал со столицей. Эти две артерии идут параллельно от Загазика сначала через плодородную долину, а потом через песчаную зону, вплоть до Исмаилии, и в 4 км от нее (Исмаилии) ответвляются две ветки по направлению к Суэцу. Эти ветки, ответвляющиеся у Нафиша, были в руках повстанцев. Прервав обе эти ветки, повстанцы фактически вывели бы канал из строя.

Крупнейшая стратегическая ошибка Араби, которая, как это будет видно из дальнейшего, была ошибкой политического значения и предопределила в известном смысле исход восстания, заключалась в том, что, поверив на-слово де-Лессепсу,[2] Араби не решился нарушить нейтральность Суэцкого канала, предоставив это сделать англичанам. В этом деле де-Лессепс сыграл объективно-предательскую роль. Когда, наконец, 5 августа в Каире было принято решение запрудить морской канал в четырех местах, то де-Лессепс, заверив Араби в том, что англичане не нарушат нейтралитета канала, заставил его отменить это решение. Между тем, как сообщает Блэнт,[3] вопрос о нападении на Египет со стороны Суэцкого канала был разрешен английским военным министерством и правительством еще в начале 1882 г.

---

[1] Цит. по книге Bourguet. La France et L'Angleterre en Egypte, стр. 233.

[2] Строитель Суэцкого канала и глава Суэцкой компании.

[3] Блэнт, цит. соч., стр. 303.

Роль Лессепса заслуживает того, чтобы остановиться на ней, тем более, что буржуазные историки современного Египта, как это видно на примере Бараката, старательно обходят объективное значение поведения Лессепса и фатальные последствия для Египта, из этого поведения вытекающие.

Из знакомства с этим вопросом складывается вполне определенное впечатление, что Лессепс во всех своих мероприятиях руководствовался лишь одним стремлением — усыпить бдительность националистов, не допустив с их стороны никаких мероприятий, которые хотя бы на короткое время могли приостановить эксплоатацию канала. Националисты всерьез принимали цветистые заверения Лессепса, в одной из своих телеграмм писавшего: „Я дал клятву улемам и знати, что ни один французский солдат не будет высажен на сушу до тех пор, пока я нахожусь здесь, и я надеюсь, что мое правительство меня в этом поддержит". Баракат в своей работе всем своим изложением очень хочет убедить и показать, сколь энергичен был Лессепс в своем протесте и противодействии высадке английских войск в зоне канала. Но в том-то и дело, что объективно и это усердие не могло не играть на-руку англичанам, поскольку всеми своими мероприятиями он демобилизовывал внимание ватанистов, разоружая их на решающем в стратегическом отношении участке борьбы с врагом. Лессепс, надо думать, не хотел утверждения на канале господства англичан, но, эксплоатируя силой своего авторитета доверие националистов, всячески поддерживая и укрепляя в них наивную веру в ненарушимость нейтралитета канала, всячески муссируя молву о своем дружественном расположении к националистам, он тем удерживал их от необходимых, с точки зрения защиты страны, разрушительных мероприятий. (А в этом заключалась главная задача строителя канала.) Лессепс, хотел ли он того, или не хотел, сделал все для того, чтобы обеспечить выполнение захватнических целей англичан. Баракат делает вид, что не понимает той положительной роли, какую сыграл Лессепс в деле захвата канала англичанами. Баракат пишет: „Англичане были злы на Лессепса за его дружбу с Араби. Араби оказывал Лессепсу всяческое предпочтение, давал ему в сопровождение египтян, облегчал ему перевозку иностранцев и, больше того, обещал ему уважать нейтралитет канала и выполнил это свое обещание. Лондонская пресса повела большую кампанию против Лессепса и требовала изгнания его из Египта.

Но глава французского министерства довел до сведения аглийского посла о том, что правительство Франции не одобряет травли этого большого человека, сослужившего человечеству такую службу, и что правительство Франции будет защищать его во имя человечества". Баракат не хочет сделать отсюда тот вывод, который напрашивается сам собой, а именно, что такая кампания в еще большей мере должна была питать иллюзию националистов насчет незыблемости нейтралитета канала, тем более, что в поведении Лессепса нетрудно было рассмотреть линию политической ориентации и французского правительства. Втайне, таким образом, националисты могли иметь основание рассчитывать на косвенную поддержку Франции, которую они не могли не видеть за спиной Лессепса. Из того факта, как легко и безболезненно компания Суэцкого канала договорилась с англичанами после захвата ими канала, следует, что главную свою задачу Лессепс видел в том, чтобы именно только лишь повстанцев удержать от каких бы то ни было действий на канале. Когда англичане, после захвата канала, потребовали от компании возобновить, было, приостановленную работу, то свое согласие на это Лессепс обусловил лишь предоставлением свободы действий компании в ее работе и возмещением понесенных ею убытков. Объективно роль Лессепса по отношению к восстанию выступает в очень непривлекательном свете.

Большую службу в деле захвата канала сослужил англичанам хедив. В фирмане, определяющем положение канала, имеется следующий пункт: „Египетское правительство имеет право занимать в зоне Суэцкого канала земли, считающиеся примыкающими к каналу, каждое место и всякий военный пункт, если находит это необходимым для защиты страны".[1]

Вот этот-то пункт и был положен в основу указа хедива, разрешающего англичанам захват канала. Англичане выступили таким образом в благородной роли защитников Египта от... египтян, от египетской армии. Заручившись этим, предупредительно изданным указом хедива, англичане не торопились опубликовать его, чтобы не вызвать тревоги у повстанцев и не побудить их тем самым к необходимым мерам защиты.

Так, начатые англичанами военные действия не встретили сколько-нибудь решительного отпора со стороны ватанистов.

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 37.

Внимание последних попрежнему было направлено на поиски возможных компромиссов с внутренней реакцией и даже с англичанами. С этой целью чрезвычайным советом на расширенном пленуме была выделена специальная делегация, которая с ведома и санкции Араби отправилась для переговоров с хедивом, который тут же переадресовал почтенных представителей английскому командованию. Большая часть этой делегации тут же переметнулась на сторону англичан и осталась при английских войсках для всяческих поручений, другая же в качестве хедивской агентуры вернулась в Каир и вела подрывную работу в тылу восставших. Эта последняя часть делегации имела задачу всячески обелить поведение хедива, доказав суверенность его и вновь испеченного англичанами правительства.

Предательство, дезориентирующая информация, неправильно поставленная агитация, усыпляющая бдительность масс, сыграла большую роль в неудачном исходе восстания. Подкупленные шейхи бедуинских племен верно сослужили свою службу англичанам за полученную мзду. Об этом красноречиво свидетельствует поражение повстанцев от 9 сентября, когда последние попытались взять на себя, наконец, инициативу и от обороны перейти к наступлению. Отряд под командой Махмуда Сами, который шел на соединение с силами Али Фахми, не подошел к началу сражения, так как сбился с пути только из-за предательства шейха Сауда Аттахави. Задачей М. Сами было обойти англичан с тыла, и это должно было решить участь экспедиции генерала Волслея. Следовательно, слабость руководства была настолько значительной, что у Араби не оказалось даже регулярной разведки. Решающее поражение Араби было нанесено при Тель-эль-Кебире 13 сентября. Оно лишь завершило целую цепь предательств. Не было сделано сколько-нибудь серьезной попытки сопротивляться. Сам Араби немедленно обратился в бегство. Что действительно поражает и служит ярким показателем полной и совершенно недопустимой расхлябанности — это тот факт, что английские войска, продвигаясь ночью к передовым позициям Тель-эль-Кебира, нигде на своем пути не обнаружили ни сторожевых постов, ни застав, вообще никакой охраны этого лагеря. Так совершенно беспрепятственно англичане получили возможность окружить войска Араби.

Это поражение знаменовало собой полный разгром восстания, разложение его, как результат слабости руководства, все

время колебавшегося и так и не отважившегося на последовательно революционные меры борьбы с силами реакции внутри страны и захватчиками извне.

За поражением при Тель-эль-Кебире повстанческие войска беспорядочными толпами рассеиваются по всей стране, а сам Араби поспешно бежит в Каир, где дезориентированные массы ждут его отнюдь не как побежденного, а как победителя с головой Сеймура (бомбардировавшего и сжегшего Александрию). Руководство же движения в своей значительной части спешит сменить вехи и с раздражением отмахивается от истерически беспомощного жеста Араби изображать „сопротивление" и дальше.

Чрезвычайный совет торопится составить челобитную к хедиву с выражением верноподданических чувство и всяческого осуждения мятежников. Инсценируется пышная встреча возвращающего из „бегов" хедива, который въезжает в Каир меж шпалерами английских войск и с двумя английскими генералами по бокам в экипаже.

Следуют аресты главарей движения, а из этих последних один лишь Надим, пламенный оратор восстания, додумывается до того, чтобы скрыться, остальные же сдаются на милость победителя.

Начинается полоса репрессий: повсеместно составляются списки лиц, добровольно служивших в рядах армии Араби; идут повальные аресты участников восстания; поголовно сменяется ненадежная провинциальная администрация; идут обыски и конфискация оружия и т. д.

Но и после вступления английских войск в Каир положение в стране продолжало быть крайне напряженным, поэтому, как довольно убедительно пишет об этом Баракат: „Хедивское правительство было озабочено ускорить суд над повстанцами и преступниками, чтобы поскорее восстановить авторитет хедива и поддержать честь его правительства. Все это потому, что крестьянство, отдаленное от городов, не верило известиям о поражении Араби, и умы крестьян поддавались всяческим слухам, распространяемым шарлатанами, которых, как всегда в подобные времена и при подобных обстоятельствах, водится очень много. Эти шарлатаны, которые завладели воображением (умами) населения, еще до поражения при Тель-эль-Кебире распространяли слухи о том, что Араби действует волею аллаха

и по его указанию. Как же после этого мог народ поверить, что тот, которого аллах избрал для осуществления проводимого им дела, как мог аллах допустить его до поражения и разгрома. Крестьяне ожидали вмешательства руки аллаха для спасения его и дарования ему победы над врагами, другие же люди из народа отрицали нахождение в стране английских войск, потому что не видели их. Третьи же верили в сообщения шарлатанов о близком прибытии оттоманских войск, которые сбросят в море войска королевы Виктории. Эти и подобные им слухи превращали страну в кипящий котел, пугая своими последствиями.

Иностранцы, вернувшиеся к своим делам в провинции, обращались к своим консулам с петициями, требуя защиты. Произошли некоторые беспорядки: в Зейяте, Мансуре и Калюбии".[1]

28 сентября был издан указ об образовании специальной следственной комиссии по делу мятежников, покушавшихся на власть хедива, а затем вышел указ об образовании военного трибунала в Каире для суда над ними. Случилось, что состав военного трибунала и следственной комисси был опубликован до того, как англичане выделели своих представителей. Тогда английский генеральный консул Малет, совершенно бесцеремонно и не опасаясь нарушить прерогативы власти хедива, потребовал издания нового указа, объявляющего, что приговоры, вынесенные военным трибуналом до того, как в состав его были введены английские офицеры, считаются недействительными. В случае невыполнения предъявленного им требования Малет угрожал изъять подсудимых из ведения египетского правительства.

Ход защиты, намеченный вначале Араби, нашел свое характерное выражение в следующем его заявлении: „С самого начала войны я не делал ничего другого, кроме выполнения воли хедива, а после этого выполнял волю народа; я никогда не был ни бунтовщиком, ни мятежником, ни в малейшей степени не участвовал в Александрийской резне, ни в поджоге Александрии. Я не сделал ничего такого, из-за чего можно было опасаться наказания".[2]

Баракат пишет,[3] что защитники Бродлей и Набье постарались повлиять на Араби, склоняя его к компромиссу. Тот

---

[1] الثورة العرابية ' الاهرام от 21 I 1932 г.

[2] Баракат, цит. соч., оч. 45, „Аль-Ахрам" от 22 I 1932 г.

[3] Баракат, цит. соч., оч. 47, „Аль-Ахрам" от 25 I 1932 г.

заупрямился. Когда же Бродлей припугнул Араби предстоящим приговором к тюремному заключению на несколько лет и уподоблением его судьбы судьбе Наполеона, да при этом сказал, что Араби обязан отказаться от своей славы, спасая себя и своих товарищей, — тот сдался и пошел на соглашение. Последнее свелось к тому, что Араби должен был признать себя перед военным трибуналом виновным в вооруженном мятеже с тем, чтобы дать суду основание вынести смертный приговор, а хедиву поднять свой авторитет в глазах населения немедленным помилованием бунтовщиков и заменой им смертного приговора изгнанием их в пожизненную ссылку на Цейлон. Была сделана попытка провести эту комедию суда в обстановке, исключающей широкую гласность. О дне заседания военного трибунала не было объявлено, и публика на первом заседании совершенно отсутствовала. Надо полагать, что для этой трусливой осторожности было достаточно оснований. В этом финале любопытно лишь одно: те же англичане из-за опасений подспудных сил движения вынуждены были стать в позу радетелей против репрессивных излишеств со стороны оголтелой и обнаглевшей, под прикрытием английских штыков, внутренней реакции.

Но настоящая расправа с участниками движения была организована значительно позже, когда у оккупантов и хедива осталось уже меньше опасений насчет возможного рецидива движения.

Были образованы 4 следственных комиссии: в Александрии, Танте, Даманхуре и Махаль-аль-Кубра под контролем и наблюдением английских должностных лиц. В апреле 1883 г. военный трибунал вынес 36 смертных приговоров. Но этим далеко не завершились суд и расправа с повстанцами. Военные суды продолжали вершить свое кровавое дело вплоть до ноября 1883 г., когда был издан указ о роспуске их и передаче дел, оставшихся неразобранными, на рассмотрение гражданских судов.

За свою попытку дать отпор захватническим стремлениям египетское крестьянство жестоко расплачивалось не только жизнью своих сынов — активных участников восстания, но и дальнейшим закабалением в плену вновь заключаемых с грабительскими целями ростовщических займов. Вслед за подавлением восстания была образована специальная международная комиссия для рассмотрения претензий по „убыткам", понесенным от восстания.

Решения этой комиссии носили окончательный характер. Тем, чьи претензии признавались основательными, выдавались соответствующие документы. „Эти документы, — читаем мы у Бараката, — стали предметом спекуляции, и ростовщики принимали эти документы из расчета 100 за 60“.[1]

Необходимость ассигнования сумм для погашения таких „документов“ была использована в качестве предлога для заключения нового займа в 9 млн. ф. ст. Возмещения составили сумму свыше 4 млн. ф. ст. Остальное пошло на содержание оккупационной армии англичан и покрытие дефицита в бюджете.

Баракат приводит следующие данные (в золотых франках) о том, как были распределены возмещения:

египтянам	16 509 263
немцам	1 740 605
австрийцам и мадьярам	6 065 200
бельгийцам	3 260
бразильцам	1 147 000
испанцам	1 095 100
американцам	330 800
французам	16 555 954
англичанам	5 472 520
грекам	21 010 863
итальянцам	17 874 070
голландцам	546 600
персам	56 800
португальцам	215 000
русским	3 366 500
норвежцам и шведам	144 450
Общая сумма	93 млн. 64 тыс. 225 фр.[2]

[1] الثورة العرابية ' الاهرام от 28 I 1932 г.

[2] Нельзя обойти молчанием и другой непосредственный результат оккупации — это роспуск египетской армии, последовавший в декабре 1882 г. Вместо раскассированной армии Араби заново было сформировано войско в 6000 солдат, отданных в полное распоряжение английских офицеров под общим командованием генерала Эвелина Вуда.

Десятитысячный отряд из расформированных войск Араби был отправлен в Судан (так наз. экспедиция ген. Хикса) для подавления восстания Суданского Махди, и впоследствии, 5 ноября 1883 г. этот отряд был поголовно уничтожен. Тактика англичан, рассчитанная на противопоставление повстанческих войск Араби восставшему Судану, оказывается вполне резонной в свете наметившейся, было, в 1882 г. тенденции к объединению революционных сил Египта и Судана в борьбе против империалистического проникновения и видов англичан на захват Судана в дальнейшем.

АССТАНОВКА КЛАССОВЫХ СИЛ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Бремя феодальной эксплоатации, усилившееся с развитием товарно-денежных отношений, и разорительное господство иностранных кредиторов толкало массы к восстанию.

И хотя движение Араби не приняло характера широкой буржуазно-демократической революции и не было развернутой крестьянской войной, — это движение, тем не менее, должно рассматриваться по своему объективному значению как национально-революционное движение, базировавшееся на широкой основе.

Мнение, расценивающее движение Араби как реакционное, питающееся исключительно интересами туземного феодализма,— это мнение должно быть отвергнуто самым решительным образом, так как этому противоречит конкретное соотношение классовых сил в Египте в 70—80-х гг.

В движении 80-х гг. крестьянство боролось не за возврат к прошлому. Феодально-крепостнический гнет черкесско-турецких пашей и отечественного происхождения помещиков у крестьян не было оснований идеализировать и делать объектом своих устремлений.

Крестьянство в этом движении выступало против намечавшегося тогда наиболее мучительного для него пути постепенного превращения крепостника в аграрного капиталиста при сохранении феодальных привилегий. Крестьянство выступало против иностранного капитала, ростовщически высасывающего из него все соки, разоряющего его и обезземеливанием доводящего его до голодного вымирания.

Разумеется, еще совсем неосознанно крестьянство боролось в движении Араби за более безболезненный, более демократический путь к капитализму — путь революционного сметения всех и всяческих феодальных привилегий, успешно эксплоатируемых иностранным и доморощенным ростовщичеством. Именно в этой борьбе за менее болезненный путь развития к капитализму, за революционный буржуазно-демократический путь уничто-

---

Уже много раз цитированный нами Баракат в другой своей работе, специально посвященной Судану, пишет, что в Египте и вслед за оккупацией было очень популярным мнение о необходимости использования Судана и всех тех возможностей, которыми этот последний тогда располагал, для изгнания англичан из долины Нила.

жения феодальных порядков и против экономического и политического порабощения страны иностранным капиталом — в этом именно и заключается объективный смысл движения широких крестьянских масс. Крестьянство стремилось не назад в ярмо феодализма, успевшего в Египте уже давно растерять остатки патриархальных прикрас, крестьянство неосознанно стремилось к установлению буржуазных порядков на более демократической основе.

Крестьянство, которое было основной движущей силой и представляло революционный лагерь восстания, своего представительства в руководстве движением не имело, оно передоверило тем самым представительство своих интересов другим социальным прослойкам.

Именно поэтому не столько аграрный вопрос — существенный вопрос движения 1880—1882 гг. — определял собой ход восстания, сколько проблема национальной независимости, ставшая осью восстания. В роли выразительницы общенациональных интересов выступала народившаяся национальная буржуазия, национальная интеллигенция и офицерство, в основном составлявшие руководство национал-освободительного движения. Городская буржуазия, мелкие помещики и кулачество, представленные в руководстве движения офицерством, видели в национальном движении средство борьбы за использование в своих интересах привилегий и власти, которые на основе ширящегося товарного производства служили обогащению европейцев и феодальной верхушки.

Национальная буржуазия еще не успела вырасти настолько, чтобы обособиться в силу, противостоящую всей остальной нации. Понятной поэтому становится ее роль выразительницы общенациональных интересов, обусловленная недостаточно высокой степенью социального расслоения.

Немецкий ориенталист Лютке [1] указывает на слабое развитие промышленности, сосредоточенной в небольших предприятиях и лишь за немногим исключением (обувной промышленности, ткацкой и красильной) работающей исключительно на внутренний рынок; он подчеркивает приниженное положение египетского купечества, конечно, не компрадорских элементов, прочно связанных уже с иностранным капиталом, а купцов, обслуживающих

[1] Lütke, т. I, стр. 117.

внутренний рынок, которому не под силу конкурировать с европейцами, сосредоточившими в своих руках всю экспортную и импортную торговлю.

Естественно поэтому, что молодая и еще очень слабая буржуазия видела в национальном движении средство, обеспечивающее интересы ее собственного развития. Невысокий же уровень классовой дифференциации дал ей возможность, спекулируя ненавистью масс к иностранным ростовщикам, надолго сохранить руководящую роль в движении, подчинить массы своему влиянию.

Очень значительная роль армии в восстании, как уже ранее отмечено, определялась тем, что низы армии не могли не отражать того брожения, какое царило среди крестьянства. Порядок комплектования армии дает ясное представление о том, какими должны были быть настроения солдат. Один из современников восстания, наблюдавших его непосредственно, пишет:

„Египетская армия в ее настоящем виде была организована в начале настоящего столетия по европейскому образцу и с европейскими инструкторами. Метод же ее рекрутирования отличается как от английской добровольной службы, так и от порядка набора в армию на континенте.

Набор осуществлялся вооруженной кавалерией, которая носилась по деревням и силой собирала требуемое количество хорошо сложенных мужчин, которые затем в оковах переправлялись на ближайшую железнодорожную станцию. Хотя гнет столетий сделал крестьян достаточно апатичными, чтобы подчиняться этому зверскому способу собирания человеческого налога, но войска, таким образом набранные, не могли ни пользоваться доверием ни обладать какими бы то ни было существенными качествами хороших солдат“.[1]

И далее... „Позднее недисциплинированность и мятежные чувства проявили себя и были поощрены Араби и его сообщниками в их собственных целях.“[2]

Средний же командный состав в основном отражал устремления и чаяния кулачества и мелких помещиков, бывших в претензии на то, что блага экономического развития на основе

---

[1] Fight. The Egyptian war, 1883 г.

[2] Ibidem.

экспроприации основной массы крестьянства становятся достоянием европейцев и феодальной знати, вместо того чтобы во все возрастающей мере подымать их собственное благосостояние. К тому же систематические притеснения со стороны черкесско-турецкой верхушки армии постоянно питали оппозиционные настроения среди мелкого и среднего офицерства, а организационные возможности компактной армейской массы обусловили активное проявление этого недовольства и инициативную роль офицерства.

Египетско-черкесский антагонизм вскрывает лишь противоречие между феодально-крепостнической аристократией, представленной главным образом черкесскими и турецкими пашами и тем кулачеством и мелкими помещиками, развитию которых мешают феодальные привилегии.

Понятным поэтому становится значение черкесского заговора в апреле 1882 г., как попытки реакционной крепостнической верхушки отстоять полностью привилегии своего класса, расправившись, при негласной поддержке английских агентов, одним ударом как с посягательством на власть со стороны подымающейся национальной буржуазии, так и с бунтующим и вышедшим из повиновения крестьянством.

Систематическая задержка в выплате нищенской зарплаты туземному чиновничеству, на ряду с непомерно высокими окладами европейцев, частичный роспуск армии, — все это не могло не вызвать брожения среди чиновничества, увеличив то крыло движения, которое мы с полным основанием можем квалифицировать как национальный лагерь.

Этот лагерь активно поддерживался и в значительной мере вдохновлялся либерально-конституционными кругами Аль-Азхара, находившимся под идейным руководством родоначальников панисламизма.

Круги Аль-Азхара характеризируются Блэнтом как реформаторы нового типа. Он их противопоставляет реформаторам суннитского толка, тянущим к истокам ислама. Идеолог этих кругов Джемаль-ад-Дин аль-Афгани выступает за либеральное преобразование ислама в соответствии с требованиями современности, прогрессом наук, управления и т. д.

Все это не что иное, как стремление приспособить, согласовать и поставить ислам на службу интересам капиталистического развития.

Действенную роль в восстании сыграли последователи аль-Афгани, а из них самая выдающаяся роль выпала на Мохаммеда Абдо.

Школа Афгани утверждает, что растущий абсолютизм мусульманских эмиров противоречит основным принципам ислама. Исламу, говорили они, по сущности его соответствует республика, где каждому мусульманину дано право свободного высказывания и где престиж правителя зиждется на соблюдении им закона и народном одобрении.

Таким образом и некоторые круги духовенства оказались в известной мере подверженными духу времени, вынужденными в известной мере приспособиться к происходившим сдвигам.

Так как руководящая роль на решающем этапе движения принадлежала национально-либеральным элементам более радикального толка, то не лишним будет перечислить здесь имена тех, на кого военным судом, впоследствии, была возложена ответственность за восстание. Это имена: Араби, Абд-аль-ʿАль, ʿАли-Фахми, ʿАли ар-Руби, Махмуд Сами, Махмуд Фахми, Абдалах Надим, Хасан Муса аль-ʿАккад, шейх Улейш и шейх аль-Арус.

Лагерь реакции собственно составляли крупные феодалы-помещики, крупное духовенство и компрадорская буржуазия. Это те слои, которые использовались иностранным капиталом для упрочения его позиций и которые так или иначе нашли с ним (иностранным капиталом) общий язык на почве ростовщической эксплоатации основных масс населения. Конечно, это не исключало и крупных разногласий между этим лагерем и европейскими кредиторами, напр., в вопросах, связанных с государственным долгом.

Мы видим, что на первом этапе борьбы, т. е. до того, как крестьянство становится значительным фактором, известная и наиболее дальновидная часть феодальной верхушки тоже выступает в качестве представительницы интересов национальной независимости, поскольку далеко зашедший процесс экономического и политического закабаления Египта бьет по ее собственным доходным статьям и поскольку на известном этапе подобная маскировка должна обеспечить ей лучшую защиту интересов своего класса. В этот период она обнаруживает и значительные маневренные способности (достаточно вспомнить опыт Шериф-паши и Султан-паши).

В дальнейшем же вместе с размахом движения эта прослойка предает борьбу за национальную независимость, предпочитая ей подавление и разгром крестьянского движения при помощи английских штыков.

Будучи в основном национальным движением с широким участием крестьянства, движение Араби отражает, как мы видим, интересы и других слоев. Примкнувшая же к движению феодальная верхушка и национал-либеральное руководство пытаются ограничить восстание рамками борьбы, направленной исключительно против чужеземного гнета, всячески отодвигая и задвигая аграрный вопрос.

Ненависть масс концентрировалась только против иностранцев.

По словам Блэнта, в июле 1882 г. атмосфера была настолько раскалена, что правительству пришлось уделить очень много забот защите иностранцев. Европейцы, поспешно покидавшие страну, сопровождались специальными эскортами полиции до Порт-Саида.

„Массы беженцев (арабов) из Александрии высылались поспешно по железной дороге вглубь страны, где они доставили много тревог, будучи в состоянии фанатической ярости и отчаяния готовыми к тому, чтобы сорвать реванш за все свои несчастья на ком-нибудь из европейцев или туземных христиан".[1]

О таких же умонастроениях свидетельствует публицист и историк Баракат.[2]

В протоколах следствия по поводу событий, имевших место в Танте вслед за бомбардировкой Александрии, сообщается, что благодаря подстрекательству некоего Абу-Дыя Юсуфа, утверждавшего, что война ведется между мусульманами и христианами, создалось такое возбуждение, что толпа, ходившая по улицам с криками „Господи, всемогущий, погуби войска англичан", стала нападать на европейцев. Число убитых достигло 80 чел. Знать города оказывала помощь иностранцам, укрывая их в своих домах. В Даманхуре и окрестностях было убито 10 чел., в том числе 1 еврей, в Махаль аль-Кубра было убито 9 чел., из них 6 греков и 3 чиновника-европейца, в Бенхе было убито 13 чел., а в Кафр-Заяте было убито 6 чел., в Загазика —

[1] Blunt, цит. соч., стр. 297.

[2] Баракат, цит. соч., оч. 31, „Аль-Ахрам".

1 чел., в Абу-'Али было убито 5 чел., а в Калюбии „чернью" была сброшена с поезда семья, бежавшая из Александрии.

В Каире подобные выступления были предотвращены, как отмечает автор цитируемых очерков, лишь благодаря энергичным мерам, принятым полицией. Дело здесь свелось к уличным демонстрациям, сопровождавшимся инсценировкой казни Сеймура, представленного в виде собаки. Казнь собаки, долженствующей изобразить Сеймура, сопровождалась выкриками: „О, Сеймур, о вошь, кто велел тебе сделать это дело?

Погуби, аллах, голову Сеймура".

Баракат отмечает выступления عاع — „черни" из беженцев Александрии, приступом бравшей магазины. Значительная часть „черни" вследствие этого высылалась в Верхний Египет.[1]

Знатным же беженцам были предоставлены правительственные здания и дома министров.

Уже цитированный нами Фогт пишет:

„Насчет умонастроений в Александрии нельзя было ошибаться. 7 августа толпа простонародья атаковала полицию и сняла с виселицы тело Азиза Хасана, убийцы двух англичан, для того, как это говорилось, чтобы бальзамировать тело преступника, как святого" (Фогт, стр. 185).

В последовавшие за бомбардировкой Александрии июльские дни напряжение достигает высшего предела. Эти июльские дни Блэнт характеризует так:

„Последовавший месяц был для египтян полон надежд и энтузиазма. Потерявшие всякую веру в хедива, вследствие его перехода на сторону врага, и граждане и сельские нотабли проявляли свой патриотизм без всякой маскировки... Для крестьянских масс, так глубоко запутавшихся в долгах, это была не только война за свободу, но также война против греков-кредиторов. И здесь нет никакого сомнения, что это было главной движущей силой, посылавшей добровольцев под знамя Араби".[2]

Бесспорно, что восстание располагало большими возможностями и имело широкую социальную опору. Престиж Араби среди крестьянства был высок, как никогда. Как отмечает Блэнт, Араби находился теперь в полном контакте с деревенскими шейхами и вообще крестьянством дельты, что обеспечивало

---

[1] Баракат, цит. очерки.

[2] Blunt, цит. соч., стр. 298.

ему со всех сторон непрерывный поток продовольствия, фуража и добровольцев. Блэнт констатирует, что к моменту разгрома, армия Араби располагала четырехмесячным запасом провианта.

Таким образом широкая социальная база восстания обеспечивала ему все необходимые материальные предпосылки для победы. Внешнеполитическая обстановка также складывалась благоприятно в результате углубления противоречий между интересами европейских держав.

Весь вопрос заключался в том, чтобы реализировать имевшиеся возможности, став на путь решительного последовательно-революционного действия, но именно к этому руководство движения было совершенно неспособно. И мы видим, что возможная победа движения упирается в порочность руководства.

Один из видных представителей феодальных верхов — 'Али-паша Мубарак, отвечая на упреки в том, что он не организовал должной борьбы против восстания, дает яркую характеристику подлинного размаха движения. Приводим этот ответ в качестве убедительной иллюстрации массового характера движения:

„Что нам десятку, или сотне сделать перед стремительно бурным потоком, сметающим все и вся на своем пути, — разве мы можем устоять перед лицом его".[1]

Понятно поэтому, что движение такого масштаба вызвало широкий отклик и в других областях Оттоманской империи, сопредельных с Египтом.

По свидетельству Фогта, „турецкий губернатор Сирии, вскоре после возникновения беспорядков в Египте, запретил бедуинам, находившимся под его властью, принимать какое бы то ни было участие в ожидавшейся войне под страхом смертной казни".[2]

Издание такого указа свидетельствует о готовности бедуинских племен Сирии притти на помощь египетскому крестьянству в его борьбе с иностранными захватчиками. С другой стороны, оно свидетельствует о предусмотрительности англичан, вовремя сумевших использовать свое безвольное орудие — Порту для того, чтобы помешать бедуинам в их намерении.

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 50.

[2] Foght, цит. соч., стр. 51.

Но тот же Фогт в другом месте своей книжки сообщает о действенных формах помощи повстанцам со стороны бедуинских племен, кочующих по обеим сторонам канала, к которым, как уже отмечалось, англичане снарядили специальные экспедиции Гиля и Пальмера для подкупа шейхов племен. Бедуины, как пишет Фогт: „не продавали им (англичанам) ни верблюдов ни продуктов, непрерывно беспокоили их передовые посты и продолжали нападать на суда, проходившие через канал".[1]

Восстание пустило свои корни глубоко и отголоски его еще долго звучали и после разгрома движения.

Фогт пишет, что уже после ликвидации восстания „вспышки имели место в Кафр Заяте, Даманхуре, Бенха и многих других местах. Они были настолько серьезными в Танте, что было признано необходимым послать туда значительный корпус войск под командой генерала Вуд. Даже в Каире царило столь сильное недовольство, что генерал Волслей грозил открыть огонь по арабскому кварталу, и сильные кавалерийские отряды патрулировали по улицам". Приводя далее случаи многочисленных нападений на английских офицеров, Фогт замечает: „Хотя такие обстоятельства могут случаться повсюду и в мирное время, но число этих единичных случаев, взятых вместе, есть безошибочный симптом народных настроений".

Так как симпатии Фогта отнюдь на на стороне повстанцев, тем убедительней это его замечание и тем с большим основанием мы можем поверить ему, что „прием хедива оказался, к несчастью, исключительно холодным". Толпа, в своем большинстве, оставалась недвижной и молчаливой.

И до разгрома восстания мы видим многочисленные случаи стихийного проявления социального протеста со стороны низов в самых разнообразных формах.

Толпы народа в Каире громят дом Султана-паши, в ответ на организованное им путем подкупа поражение повстанцев при Тель-эль-Кебире (впоследствии Султан-паша тоже вознаграждается по заслугам, но на этот раз англичанами, единовременно выдавшими ему в виде возмещения 10 000 фунтов стерлингов).

Толпы каирского населения свергают памятник Ибрагима-паши, так как последний по своим внешним чертам походит на хедива Тевфика, предавшего страну в руки врагов и, надо пола-

---

[1] Foght. The Egyptian war, стр. 179.

гать, в знак выражения своего отношения в династии Мохаммеда Али. В то время как фрондирующие конституционалисты созывают парламент, чтобы в смущении топтаться на месте, так и не придумав мер воздействия по отношению к Тевфику, низы правильно квалифицируют его как предателя и требуют низложения хедива, как это мы читаем в письме к Блэнту его агента Сабунджи.[1]

Рассмотрим теперь вкратце наиболее характерные черты тактики господствующего класса — феодальных верхов по отношению к восстанию. Из чувства самосохранения, чтобы спасти свое положение господствующего класса, наиболее дальновидная часть феодальной верхушки примыкает вначале к движению. Она возглавляет движение, чтобы в конечном счете обезглавить его.

Противоречия между феодальной кликой и иностранным капиталом отнюдь не носили характера коренных противоречий. Они скорее всего были разногласиями, вызванными непропорциональным дележом добычи.

У консерватора Блэнта, прекрасно понимавшего истинное соотношение классовых сил и местами в своем изложении подымающегося до объективной оценки положения, читаем:

„Осмеливались жаловаться в деревнях только крестьяне, уже ограбленные до крайности, да в городах те люди, которые по своей бедности и малозначимости не могли приниматься в расчет в политической жизни. Крупнейшие религиозные авторитеты точно так же, как и крупное чиновничество (а это те же феодалы. *Х. К.*) долго молчали по поводу несправедливостей, избрав своей участью покорность, довольствуясь этим постольку, поскольку они могли получать свою долю в общем грабеже, как бы она ни была мала".[2]

Только прямое посягательство европейских ростовщиков на богатства и этих элементов толкает последних на некоторое время на борьбу за национальную независимость. При всенародном характере движения господствующему классу остается примкнуть к движению, чтобы поддержать его, как веревка повешенного. Так как популярность Араби и армии растет, то мы видим успешную попытку конституционалистов типа Шериф-

---

[1] Блэнт, цит. соч., стр. 245.

[2] Блэнт, цит. соч., стр. 79.

паши, Султан-паши (так наз. „конституционалистов", представляющих интересы господствующего класса), попытку приручить Араби, прибрать его к рукам и использовать армию как средство давления в нужном для них направлении. В течение лета 1881 г. с Араби усиленно переписывается Шериф-паша, глава так наз. турецких конституционалистов. Ему (Араби) посылает подарки Султан-паша. И это делается не случайно, так как популярность Араби действительно очень росла.

Блэнт отмечает, что: „эта популярность была очень значительной на протяжении всех летних месяцев 1881 г. и привела Араби в тесный контакт с огромным количеством деревенских шейхов и нотаблей, для которых идея освобождения крестьян, проповедуемая Араби, была родной".[1]

Само собой разумеется, что не Араби сам по себе занимал внимание таких „конституционалистов", как Шериф и Султан. Они-то уж не заблуждались насчет самого Араби.

Но связи Араби с широкой массой деревенских шейхов, сила его влияния на массы заставляют их сделать попытку прибрать в свои руки Араби, как опасное орудие.

Англичане в своих расчетах в значительной мере ориентировались на вырождение, деморализацию движения, которая должна была явиться неизбежным результатом деятельности так наз. „умеренного" крыла движения, т. е. деятельности тех, кто примкнул вначале к движению в целях социальной мимикрии, для кого участие в руководстве движением было спасительной маскировкой. Вот как эти надежды англичан, покоящихся на солидном основании, прозрачно проскальзывают в донесении английского финансового контролера Кольвина, спустя 10 дней после сентябрьских событий 1881 г. писавшего: „Что касается настоящего положения, то я считаю, что оно является по существу перемирием. Соглашение, к которому нам удалось притти, дает нам немного времени для передышки, в течение которого мы можем учесть силы, действующие вокруг нас, и направить или подавить их. Армия гордится тем, что она совершила, и ее вожаки полны уверенности, что их миссией является освобождение Египта. Нотабли, которых теперь очень много в Каире, хотя они и присвоили себе исключительное право требовать расширения гражданских свобод и отказываются

---

[1] Блэнт, цит. соч., стр. 110.

признать за военными право петиций и вмешательства в этот вопрос, действуют, однако, заодно с ними в стремлении добиться уступок. Все совершается методически и в образцовом порядке. Но достижение конечного примирения зависит: 1) от рассылки армии по назначенным для нее местам, 2) от умеренности требований нотаблей и 3) от такта и твердости министров в их обращении с армией и нотаблями. В этом смысле я и предлагаю действовать и представить свои соображения Шерифу-паше, когда вопрос достаточно созреет. Суммируя все вышесказанное, только при быстром выполнении всех необходимых мер по отношению к армии и при разумном обсуждении всех петиций, представляемых нотаблями, мы можем надеяться превратить нынешнее перемирие в прочный мир".[1] Ротштейн по этому поводу пишет: „Кольвин надеялся на то, что гражданские элементы национального движения окажутся более умеренными и покорными, чем армия, что в таком случае, если бы тем или иным путем удалось избавиться от армии и ее вожаков, революцию можно было бы в конце концов обезвредить. По существу не было ничего невозможного в этом плане, так как две группы национального движения представляли по существу два различных и крайне антагонистических класса, из которых нотабли составляли класс богатых землевладельцев, принадлежавших, кроме того, в большинстве случаев к турецкой и черкесской расам, армия же набиралась из среды феллахов. Сам Шериф-паша был турком и одним из богатейших землевладельцев Египта и меньше всего имел желание стать защитником интересов феллахов".[2]

Цитируя Ротштейна, мы, разумеется, далеки от того, чтобы вместе с ним, вслед за Блэнтом, выражать уверенность в том, не действуй англичане явно провокационным образом — гражданский мир в стране был бы обеспечен, и движение с благоразумной умеренностью развивалось бы исключительно по (дорогому для сердца Блэнта) пути постепенного либерально-конституционного преобразования. Исходить из этого, как это делает Ротштейн, значит игнорировать действительную расстановку классовых сил внутри самой страны, и за всеобщей борьбой за национальную независимость совершенно упускать из

---

[1] Цит. по Ротштейну, стр. 98.

[2] Ротштейн, цит. соч., стр. 98.

виду один из существеннейших моментов этого национально-освободительного движения, а именно аграрно-крестьянский вопрос и борьбу с феодально-крепостническими отношениями.

Для полной характеристики тактики господствующего класса необходимо иметь в виду не только проявление его маневренных способностей, но и тенденцию прямого действия, нашедшую свое яркое проявление в так наз. черкесском заговоре. Это было выражением нетерпеливой готовности со стороны наиболее оголтелой реакции покончить с движением единым ударом в расчете, что с европейскими кредиторами как-нибудь удастся потом договориться за счет разбитых и обессиленных масс. С точки зрения исторической перспективы это было предусмотрительным (и, пожалуй, не менее предусмотрительным, чем далекий путь обхаживания масс), это было предвосхищением тактики феодально-крепостнической верхушки в эпоху империализма, тактики, которая выражает готовность к любому сговору с иностранными захватчиками для того, чтобы какой угодно ценой отстоять свои классовые привилегии и закрепить господство феодальных отношений или их пережитков.

И в движении 80-х гг. в Египте мы уже видим готовность этих слоев к тому, чтобы играть роль социальной опоры иностранного капитала внутри угнетаемой ими страны. Свидетельство тому дает дальнейший ход движения. С дней, последовавших за неудавшимся апрельским заговором и не менее неудачной ликвидацией его, значительно обостряются классовые противоречия и углубляется процесс расслоения внутри самого движения.

Куксон, английский консул в Александрии, весной 1882 г. пишет в своих донесениях: „Многие нотабли, имеющие собственность в стране, начинают порывать свой поспешно заключенный союз с военной партией".[1]

Мы располагаем достаточными материалами, иллюстрирующими, к чему свелось затем вынужденное участие феодальных верхов в движении.

В уже цитированных нами очерках Бараката отмечается, между прочим, стремление Араби „придать своим действиям форму юридической санкции, но он чувствовал, что не может достичь этого, опираясь только на военный совет, который был органи-

---

[1] Цит. по Ротштейну.

зован в Каире вслед за бомбардировкой Александрии, или только на чрезвычайную палату, которая была образована впоследствии и ведала управлением страны. В состав чрезвычайной палаты входили: представители министерства и руководители департаментов, высшее офицерство и генералитет".

Стремясь опереться на совет, который мог бы называться „народным" представительством, Араби призвал на собрание чрезвычайной палаты сотни улемов, пашей и знать. Вот что пишет автор цитируемых очерков об этом заседании.

„Это собрание было чрезвычайно бурным, были выступления против хедива, и круги Азхара обвинили его в отступничестве. В числе присутствующих был шейх Улейш — глава маликитов, который заявил, что хедив уже низложен. Это вызвало большое возбуждение. Некоторые шейхи тут же вызвались написать фетву о низложении. Тогда Мустафа Акуш-паша и Абд-аль-Латыф-паша в ответе экстремистам указали, что дело должно быть представлено султану.

„Экстремисты же наговорили этим двум много горьких слов и угрожали им при молчаливо внимавшей публике".

Дальше в отчете о следующем заседании читаем: „Когда в Каир прибыл указ хедива о смещении Араби, то Якуб Сами, товарищ военного министра, собрал всех присутствовавших на первом заседании (17 июля) и зачитал им текст указа хедива. Смятение чрезвычайно усилилось, и мнения присутствующих разделились. Офицерам стало ясно, что большинство склоняется к отставке Араби. С выкриками против хедива и призывами к войне они извлекли сабли из ножен. Присутствующие испугались и замолчали. Тогда было решено оставить Араби в военном министерстве, поручив ему защиту страны, покуда суда англичан будут перед стенами Александрии. Решено было не обращать никакого внимания на указ хедива. Якуб Сами распространил тут же это решение по всей стране".

Но, очевидно, что агрессивность реакционных элементов все возрастала, и Араби, опасаясь, что обнародованный указ хедива будет использован в целях разложения, созывает на 29 июля новое национальное собрание. В состав этого собрания вошло много знати [члены династии Мохаммеда-Али, коптский патриарх, главный раввин, улемы Азхара, помещики и офицерство]. „Он [Араби] ждал от этого собрания постановления о поддержке его и одобрения его линии. Нетрудно увидеть в этом стремление

Араби, с одной стороны, связать таким путем враждебную активность реакционных элементов и заставить их нести ответственность за дальнейший ход восстания, а с другой стороны, позондировать почву для возможного соглашения. На этом собрании Мохаммед Абдо[1] зачитал указы хедива и ответы на них Араби. Затем с резкой речью выступил полковник Али ар-Руби, в которой он угрожал христианам, коптам и евреям (в основном представлявшим ростовщическо-компрадорские слои. *Х. К.*), и серьезно предупреждал их на случай выступления против Араби. Другие ораторы следовали его примеру".[2]

Там же Баракат пишет: „Под этим давлением и угрозами сторонники Араби потребовали от присутствующих оставить Араби на его посту, санкционировать его линию поведения, не подчиняться указам хедива и его правительства. (Речь идет о министерстве Рагиба-паши, пребывавшем вместе с хедивом в Александрии под крылышком генерала Волслей.)

Шейх Мохаммед Абдо и Али ар-Руби, удалившись в одну из комнат министерства, написали протокол заседания, а офицеры заставили присутствующих подписать его.

Офицеры и солдаты[3] закрыли двери, чтобы не дать выйти тем, кто не подписал протокола.

Чтобы придать больший вес этому протоколу, на собрание в министерство внутренних дел были приглашены мудиры [губернаторы], мухафизы [генерал-губернаторы] и нотабли провинций. Якуб Сами приказал им подписать этот протокол. Ни один из них не осмелился прочитать этот протокол... [так они показывали впоследствии на суде].

Сопротивление реакционных кругов возрастало вместе с тем, как восстание принимало все более широкий размах. Мы уже видели, к каким мерам воздействия по отношению к феодальной верхушке прибегает Араби, вынужденный к этому ходом обстоятельств. При сдаче Каирской крепости, сообщает тот же Баракат [очерк 42], англичане освободили из тюрьмы много знати и представителей высшей администрации, заключенной в свое время под стражу Араби.

---

[1] Мохаммед Абдо — виднейший идеолог панисламизма и один из влиятельнейших вдохновителей ватанистского движения 80-х гг.

[2] Баракат, цит. соч., оч. 38.

[3] Роль солдат, отражавшая устремления низов движения, заслуживает особого внимания.

В ходе восстания меняется тактика господствующего класса. И даже та часть его, которая из маневренных соображений предпочитала на первом этапе маскировку, с нарастанием кризиса начинает выступать с открытым забралом, отказавшись от какой бы то ни было видимости борьбы с иностранными захватчиками, и решительно становится на сторону врага. В качестве иллюстрации достаточно сослаться на пример таких „ватанистов" [националистов], как Шериф-паша, Султан-паша и др. Так, напр., председатель парламента Султан-паша был прикомандирован хедивом по требованию англичан к их генеральному штабу и, пользуясь большими связями с шейхами племен и знатью, щедрой рукой раздавал деньги, посулы, склоняя нужных ему людей на сторону хедива и англичан. „Его успехи были настолько значительны, что генерал Волслей даже поздравил его".[1]

Таким образом ясно, что в поражении восстания известную роль сыграла коррупция армейской верхушки и гражданской администрации. Открыто переметнувшиеся к англичанам „националисты" такого типа, как Султан-паша и др., широко использовали свое былое влияние, богатства и возможности английской казны, чтобы деяниями поколебать и без того неустойчивую и вынужденную ходом обстоятельств „революционную решимость" руководящих слоев армии и администрации. Блэнт показывает, что Султан-паша разослал огромное количество писем своим прежним друзьям в Каир, в которых союз хедива с англичанами оправдывался как временная необходимость. В письмах также указывалось, что английские войска оставят Египет, как только будет восстановлен суверенитет хедива. Тут же сообщалось, что Араби утратил доверие султана и что дальнейшее сопротивление осуждается мусульманским миром и т. д.

Рассмотрим теперь позиции радикального крыла, игравшего руководящую роль в восстании и все свои упования возлагавшего на „революцию" сверху.

Программа[2] националистов обнаруживает полную неспособность руководства движения к решительной борьбе. Нацио-

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 39.

[2] Свет на общий характер программы проливают обстоятельства ее составления, обстоятельства, которые до сих пор европейской литературе либо не были известны, либо упорно ею замалчивались. Из арабских источников мы узнаем, что первоначально программа была составлена Блэнтом, корректиро-

налистам пришлось вступить на революционный путь лишь под давлением широких масс крестьянства и низов армии, что с социальной точки зрения то же самое. Половинчатость, противоречивость и ублюдочность — вот характерные особенности ватанистской программы. Она включает такие пункты, как обязательность для страны платежей по грабительским займам, признание правомерности финансового контроля с оговоркой лишь относительно его преходящего характера, признание и воздание должного культуртрегерской миссии европейских держав и т. д.

Типично буржуазные декларации равноправия и лозунг реформы государственного управления — вот к чему в основном сводится содержание программы национальной партии.

Тот факт, что в программе совершенно обойден аграрный вопрос, свидетельствует о разрыве между интересами подавляющей массы крестьянства — этой основной движущей силы восстания с политикой и интересами гегемона движения, национальной буржуазии и мелкопоместного офицерства, неспособных разрешить свои собственные задачи и с самого начала склоняющихся к компромиссу.

Чрезвычайно показателен пункт 4 программы, подчеркивающий резко отрицательное отношение „к элементам, намеренным нарушить гражданский мир в стране".

Черты сговора, сторговывания, отдельные элементы современного национал-реформизма уже в известной мере сказываются в движении Араби, заявлявшего: „Я хотел бы завершить нашу революцию без пролития единой капли крови".[1]

Только явно провокационная политика Англии, с одной стороны, и давление масс, с другой, заставляют националистов играть роль силы, активно противостоящей национальному гнету. На ряду с офицерством в руководстве национал-реформистским лагерем видную роль сыграли панисламские лидеры из кругов Аль-Азхара. О них Блэнт пишет:

„Я знаю также, что шейх Мохаммед Абдо и остальные мои друзья из Азхара были за другие методы, чем насилие, и осуществление реформ, которые они так долго проповедывали, по их мнению, должно потребовать жизни человеческого поколения".[2]

валась затем английским генеральным консулом в Египте Малетом, а по согласовании была послана в Лондон для опубликования в лондонской прессе.

[1] Из автобиографии Араби.

[2] Блэнт, цит. соч., стр. 120.

Готовность к компромиссу и стремление к примирению не оставляют националистов даже в критические моменты движения. Ссылаясь на свой разговор с Араби, Блэнт пишет: „Он (Араби) категорически заверил меня, что он и его коллеги министры были больше всего озабочены тем, чтобы добиться дружеского понимания по всем спорным вопросам с английским правительством и с его агентством в Каире, и он просил меня передать мистеру Гладстону (тогдашнему премьеру) официальное послание по этому поводу" (стр. 159). И позже, когда Блэнт, покидая Каир, оставляет здесь для связи с националистами своего агента Сабунджи, — последний информирует его о намерении шейха Мохаммеда Абдо и других лидеров собрать необходимые материалы с тем, чтобы поехать в Лондон во главе делегации, представляющей наиболее влиятельное купечество и „либеральное крестьянство" (термин Блэнта) страны для непосредственных переговоров с Гладстоном.

Нетрудно увидеть за всем этим, что будущность страны ставится в зависимость не столько от исхода борьбы, сколько от расчетов на то, что влияние честного и свободолюбивого консерватора Блэнта и подобных ему „друзей" Египта, среди правящих классов Англии поможет завоевать благосклонное понимание либерального премьера Гладстона и склонить его к тому, чтобы долги стали, наконец, взыскиваться „по-божески". Араби ведет по этому поводу очень деятельную переписку — это в период отчаянной травли национального египетского движения в европейской прессе.

Свою основную задачу Араби видит в том, чтобы убедить „общественное мнение" Европы в абсолютной благонамеренности националистов. В своем письме от 6 апреля 1882 г. Араби пишет Блэнту:

„Никогда мы, или кто бы то ни было в этой стране, не были намерены затронуть права контролеров (англо-французских) или злоупотребить какими бы то ни было международными договорами".[1]

Когда же угрозы интервенцией входят в обиход кредиторов, как наиболее действенное средство нажима на ватанистов, Араби в ответ на письмо Блэнта не может не начать с заверения, что „Все договоры и международные обязательства уважа-

---

[1] Блэнт, цит. соч., стр. 188.

ются полностью, и мы никому не позволим затронуть их, пока европейские державы придерживаются своих обещаний и дружественных отношений с нами".

„Что касается угроз крупных банкиров и финансистов Европы, то мы должны предупредить их с мудростью и твердостью: по нашему мнению, их угрозы обратятся против них же и повредят державам, которые введены в заблуждение ими" (финансистами).[1]

Эта двойственность не оставляет Араби и тогда, когда после опубликования ноты (от 25 мая) он сознает необходимость подготовить защиту от интервенции.

По свидетельству Блэнта, Араби и в этот период куда с большей силой стремится добиться соглашения с Англией и хедивом вместо того, чтобы организовать отпор.

Эта тактика дряблого либерализма обусловливалась слабостью египетской буржуазии. Египетская буржуазия росла не снизу, не в борьбе с классом феодалов, а путем постепенного отпочковывания из недр этого класса.

„Подлинного среднего сословия, подобно тому, как оно существовало в европейских городах и которое там в большинстве состояло из работающих зажиточных ремесленников, торговцев, низших и средних чиновников — такого среднего сословия в городах Египта не существует, и оно и не может существовать, так как на низших класса лежит слишком тяжелое ярмо", — пишет один из исследователей.[2]

Неудивительно поэтому, что в противоположность революционной идеологии буржуазии эпохи Великой французской революции нарождавшаяся египетская буржуазия, благодаря ее тесным связям с классом феодалов, с самого начала стоит на позициях либерального конституционализма. Ее генетические связи с господствующим классом феодального общества парализуют ее волю и способность к борьбе за сколько-нибудь полное разрешение задач ее собственного развития. Именно поэтому, играя руководящую роль в движении, она совершенно игнорирует один из главных вопросов движения, — аграрный вопрос, а борьбу за национальную независимость она ограничивает исключительно рамками законности и легальности, тем самым заранее обрекая эту борьбу на поражение.

---

[1] Там же, стр. 187.

[2] Lütke, т. I.

Само собой разумеется, что отказ от разрешения крестьянского вопроса, без которого невозможно наиболее полное и последовательное буржуазное развитие, неизбежно обрекает на неудачу и национально-освободительную борьбу, так как деятельное участие масс в этой борьбе предполагает в качестве своей предпосылки удовлетворение их насущных интересов. А для египетского крестьянства 80-х гг. это означало уничтожение революционным путем всех и всяческих пут феодально-крепостнического порядка. Нарождавшаяся египетская буржуазия к этому была неспособна, и мы видим, что все усилия руководства движения направляются к тому, чтобы отвлечь внимание масс от разрешения их насущных задач, что эти задачи подменяваются мышиной возней вокруг заключенных в свое время скандальных контрактов (захвата Ротшильдами железных дорог и др.), высоких окладов чиновников—иностранцев, огромных расходов на оперу в Каире и т. п.

Мероприятия, замышлявшиеся национальным министерством Сами-Араби, не идут дальше рамок обычных буржуазных реформ, они сводятся в основном к уничтожению corvée (принудительный труд), отмены монополии богатых турецких пашей на воду во время разлива Нила, защите крестьян от ростовщиков, образованию государственного сельскохозяйственного банка, как панацее от всех зол.

Это направление деятельности ватанистов дает основание Блэнту характеризовать послесентябрьский период, как период свобод и гражданского мира в стране.

Он пишет: „Установилось взаимопонимание между всеми партиями в Египте. Армия была спокойна. Печать под авторитетной цензурой Мохаммеда Абдо была умеренной. Министры-националисты, не подвергаясь опасности ни с какой стороны, разрабатывали основной закон (конституцию), который должен был дать стране гражданские свободы".[1]

Таким же рисует положение вещей и английский консул Малет в своем донесении:

„Во время своей беседы с хедивом 31 числа прошлого месяца (декабрь 1881 г.), я, впервые после своего возвращения в сентябре, нашел его высочество в хорошем настроении, рассматривающим политическое положение весьма оптимистично. Он

---

[1] Блэнт, цит. соч., стр. 137.

говорил с большим удовлетворением о явно умеренных тенденциях депутатов и выразил уверенность, что страна встанет теперь на путь мирного развития".[1]

Мы же не можем не расценивать этот период, как период растраты, разменивания возможностей движения.

Между тем, это был наиболее благоприятный момент в отношении нарастания сил движения внутри страны и в отношении международной обстановки. Европейская димпломатия переживала период явной растерянности. В Англии эта растерянность вынужденно маскируется вплоть до внезапного выражения симпатий египетскому национальному движению (тронная речь королевы Виктории в парламенте). Английская дипломатия в то время мучительно бьется над задачей избегнуть непрошенного участия Франции в оккупации Египта, а политика Франции колеблется: в то время как одна часть французской палаты склонна поддержать Араби как нового Мохаммеда-'Али, чтобы под лозунгом „возрождения Египта" вернуть уже значительно утерянную Францией ведущую роль в Египте, — другая часть палаты, идеологом которой выступает Клемансо, видит главную задачу в собирании разгромленных в 1871 г. сил для реванша и поэтому считает более благоразумным самоустраниться от Египта, чтобы такой ценой обеспечить себе в лице Англии союзника в дальнейшей борьбе с Германией. Бисмарк же дает понять Англии, что поддержит ее претензии на Египет, полагая, что Франции надо успокоиться на захваченном уже ею к тому времени Тунисе. Все эти противоречия в европейском концерте держав остаются вне поля зрения прекраснодушных националистов, проявивших полную неспособность к тому, чтобы использовать эти противоречия в нужном для Египта направлении.

Только тогда, когда Англия, избрав путь провокаций, переходит к открытому наступлению и посылает ультиматум, только тогда у ватанистов появляется решимость к сопротивлению, вынужденному всем ходом событий. Негодование масс было слишком велико, и руководство дзижением не может не сделать попытки противопоставить себя феодально-крепостнической клике. Блэнт пишет:

„Когда появились слухи, что султан намерен посылкой Дервиша побудить Араби принять ультиматум держав, Надим (пла-

---

[1] Цит. по Ротштейну. Захват и закабаление Египта, стр. 109.

менный оратор революции, как его именует Блэнт) отправился в Александрию и провел почти десятитысячный митинг, на котором говорил 2 часа против ноты, призывая каждого протестовать против нее (ноты)".

Побуждаемый силой возмущения масс, Араби, как пишет Фогт, „начал разжигать фанатизм низших классов, распространяя прокламации и сообщения о том, что хедив присоединился к англичанам и конспирирует с ними против страны.

Простонародье массами сплачивалось под его знаменем на защиту страны от иностранного вторжения".[1]

При создавшихся после бомбардировки Александрии обстоятельствах оставался лишь путь решительного революционного действия, и руководство движением вынуждается к тому, чтобы приступить к организации обороны страны от английской экспедиции.

Но декларируя свою готовность отстоять всеми средствами независимость страны и разработав план обороны, чрезвычайно осложняющий наступательные действия англичан (план Махмуда Фахми, описанный выше), ватанистское руководство, как известно, оказалось совершенно неспособным последовательно осуществить его из-за своей половинчатости и двойственности. Совершенно очевидно, что ватанисты имели и время и все возможности, чтобы организовать сопротивление.

Даже тогда, когда после внезапного захвата в плен Махмуда Фахми, начальника генерального штаба повстанческой армии, в рядах командного состава начались колебания, — массы по-прежнему были готовы продолжать борьбу.

Когда Араби после захвата в плен Махмуда Фахми отправляется по предложению Махмуда Сами из Кафр-Давара в Тель-эль-Кебир, то всюду на пути встречает многочисленные толпы, приветствующие его возгласом: „Господи, даруй победу Араби"; „О, господи, погуби войска англичан" и т. п.[2]

К приезду Араби Тель-эль-Кебир был наводнен продовольствием, фуражом, продолжавшим прибывать со всех концов страны. Делегации сменяли друг друга, чтобы посетить Араби.

Но как мало надежд можно было возлагать на Араби, — об этом ясно свидетельствует Блэнт:

---

[1] Фогт, цит. соч., стр. 52.

[2] Баракат, цит. соч., оч. 38.

„Его религиозные склонности повели к тому, что он окружил себя благочестивыми людьми и большую часть того времени, которое он должен был уделять светским обязанностям по организации защиты, он терял с ними (благочестивыми людьми) в болтовне и декламации".[1]

Беспечность и беспомощность Араби, особенно проявленные им в событиях при Тель-эль-Кебире, когда он сразу же обратился в бегство, были неизбежным следствием двойственности и нерешительности руководства движения вообще, его постоянного стремления к соглашению.

В „Крестьянской войне в Германии" Энгельс писал: „...буржуазные партии, одержав самую скромную победу, пытаются путем прогресса в рамках законности лавировать между Сциллой революции и Харибдой реставрации..."[2]

Эти характерные мелкобуржуазные черты руководства, постоянные колебания не могут не парализовать размаха движения и служат источником деморализации низов. Став в силу обстоятельств на путь решительной революционной борьбы, Араби оказался совершенно неспособным и к тому, чтобы осуществить необходимые мероприятия по обороне страны, предусмотренные принятым, было, вначале планом. Так, политические ошибки с необходимостью влекут за собой ошибки стратегического и иного порядка.

На протяжении двух месяцев со времени высадки английского десанта (13 июля) и до решающего поражения повстанцев при Тель-эль-Кебире (13 сентября), англичане непрерывно накопляли силы, Араби же в это время бездействовал, занимая выжидательную позицию, рассчитанную на защиту, что, как известно, есть смерть для восстания.

Вместо мобилизации масс для решительной борьбы и преодоления трудностей, руководство на всем протяжении кампании дезориентирующей информацией и агитацией в духе „гром победы раздавайся" и „шапками закидаем" усыпляет сознание масс, размагничивает их волю и решимость к борьбе.

Глубочайшее разочарование и негодование масс бездеятельностью руководства, его никчемностью, нерешительностью прорываются наружу, и озлобленные, обманутые в своих надеж-

---

[1] Блэнт, цит. соч., стр. 299.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том VIII стр. 134.

дах солдаты забрасывают Араби камнями, когда после поражения при Тель-эль-Кебире он обратился к ним с речью.

Уже после генерального поражения при Тель-эль-Кебире, воля и решимость масс к сопротивлению еще окончательно не сломлены. Блэнт подчеркивает разное отношение к вопросу защиты Каира со стороны руководящих кругов восстания и народных масс, именуемых им rablle — толпой, чернью.

В то время, когда так наз. чрезвычайное собрание торопилось принять решение о капитуляции, в это время пишет Блэнт: „Только уличная толпа, не знавшая еще ни о чем, продолжала быть за дальнейшую защиту".

Не отличаясь особой монолитностью, руководство движением насчитывает в своей среде и несколько более последовательных радикалов. Абд аль-ʿАль — один из представителей этого более радикального крыла, охранявший подступы к Дамиэтте после поражения при Тель-эль-Кебире, деятельно готовился к дальнейшей борьбе, приступив к возведению новых укреплений. Но весть о сдаче Араби парализовала все эти попытки.[1] Его солдаты, чтобы не сдать врагу оружия, разбегаются и рассеиваются по стране. Они затем, как сообщает Фогт, причиняют немало неприятностей англичанам: „Существование толп (сборищ) распущенных солдат есть источник опасности, и производимые ими разрушения становятся проблемой, энергичное разрешение которой возлагается прежде всего на англичан, а затем на египетскую армию". Выводы из предшествующего изложения напрашиваются сами собой.

Восстание Араби-паши занимает особое место в цепи освободительных движений, охвативших Восток во второй половине XIX в. Особенность его заключается в том, что оно происходит на грани двух эпох — эпохи промышленного капитализма и эпохи империализма, в тот период, когда процесс раздела мира между капиталистическими державами вступил в самую бурную свою фазу, когда начал складываться финансовый капитал. В связи с этим в восстании Араби-паши можно явственно видеть как черты, роднящие его с предшествующими массовыми восстаниями тайпингов и сипаев, так и некоторые элементы, присущие позднейшим национально-революционным движениям на Востоке, возникшим уже в эпоху империализма.

---

[1] Баракат, цит. соч., оч. 43.

Как и восстание сипаев и тайпингов, восстание Араби-паши является в основном крестьянским восстанием, направленным против вторжения иностранного капитала, присоединявшего к феодально-крепостническому гнету и колониальную эксплоатацию, но в отличие от предшествовавших ему революционных восстаний на Востоке восстание Араби было в первую очередь национально-революционным движением, руководимым в основном национальной буржуазией, ставившей себе целью завоевание национальной независимости Египта, конституирование египтян в нацию на основе буржуазно-капиталистического преобразования Египта. Эти особенности восстания Араби не учел Тарханов (Аграрный вопрос колониальной революции, стр. 183—187), который внес в одну скобку восстание тайпингов, сипаев и Араби. „Сходным с сипайским движением расстановкой классовых сил характеризуется и восстание против англичан в Египте 1891 г. (??), руководимое Араби", — вот что говорит об этом восстании Тарханов.

И дальше Тарханов добавляет: „В Египте даже для наиболее радикальных кругов туземной буржуазии конституционализм представлялся конечной целью борьбы... Ее идеологическое оружие, впервые выкованное Джемаль-эд-Дином, представляло собой сочетание европейских буржуазно-демократических идей с отживающими свой век религиозными традициями ислама... Умеренный лагерь египетского национализма той эпохи, возглавляемый Шериф-пашой, был теснейшим образом связан с помещичьим землевладением и с французским капиталом." Здесь все свалено в одну кучу. Именно „конституционализм", именно, „сочетание европейских буржуазно-демократических идей... с религиозными традициями ислама" и являются теми особенностями, которые отличают от восстания тайпингов и сипаев движение Араби, выросшее на основе предшествующего экономического развития Египта, уже сделавшего первые шаги по пути капитализма. Как мы видели, отнюдь не Шериф-паша характерен для руководства национальным движением, а Араби и другие представители мелкопоместного офицерства, зажиточного крестьянства, буржуазии и буржуазной интеллигенции, с их буржуазно-демократической идеологией, с лозунгом „нации", являющимся уже лозунгом новой эпохи.

Особенностью восстания Араби-паши является то, что в нем имеются определенные черты (правда, эмбриональные) бур-

жуазной революции, которые роднят его больше с революциями Турции, Персии и Китая начала XX века и которые делают Араби предтечей этих революций.

Но национальная буржуазия, давшая восстанию свои лозунги и свое руководство, была крайне слаба. Она была слишком тесно связана с феодально-крепостническим режимом и выросла не в борьбе против него, а под его крылом. К буржуазно-капиталистическому преобразованию Египта она стремилась притти не революционным путем, а путем конституционных преобразований. На восстание она вынуждена была пойти под давлением широких крестьянских масс, и в процессе самого восстания ее целью было как можно скорее добиться ликвидации восстания.

Феодальные же элементы, спасая свои классовые интересы, прямо идут в Каноссу к национальному врагу. Слабая же национальная буржуазия, тесно связанная с феодальными отношениями, по мере роста движения, начинает приходить в противоречие с целями масс в этом национально-освободительном движении. Отсюда — борьба Араби с экстремистами и непрекращающиеся попытки путем компромисса разрешить внешние задачи движения. Своей двойственностью, проявлением элементов национал-реформизма руководство объективно приводит к поражению, разгрому движения, обеспечивая тем самым империалистический захват Египта англичанами.

Не будучи в состоянии разрешить основные противоречия буржуазно-демократической революции, не будучи в состоянии разрешить аграрный вопрос, движение не смогло разрешить и задачи борьбы за национальную независимость.

ОЧЕРК 1

(„Аль-Ахрам“ от 7 X 1931 г.)

В течение уже нескольких месяцев публикует „Аль-Ахрам“ под заголовком „За 50 лет“ отрывочные сведения о восстании Араби. Эти сведения, даже историю этого движения необходимо знать каждому египтянину потому, что каждый египтянин пользуется плодами того народного движения, которому дано название восстания Араби.

Восстание Араби, несомненно, преобразовало политическую физиономию мира на Востоке.

Если французская революция 1789 г.[1] не закончилась и до сих пор, а, по мнению некоторых историков, она находится лишь на высшей ступени развития и вступила в стадию усиления в своем развитии, точно также и восстание Араби не завершилось и не скоро еще завершится, и мы думаем, что его политическое влияние закончится лишь в ближайшем будущем. Поэтому, обязанность нынешнего поколения знать историю предшествующего поколения и работать для последующего поколения. Это не может удаться, если мы выделим при изучении и оценке лишь некоторые звенья этой цепи и если национальные авторы не составят всеобъемлющего труда о восстании Араби, как это составили европейцы по соображениям ли субъективным или не субъективным. Со времени этого восстания прошло 50 лет, а обычай цивилизованного мира требует того, чтобы некоторые политические архивы сохранялись секретно в течение только 40 лет, после чего они становятся всеобщим достоянием.

Будем ли мы стремиться к этому здесь? И удастся ли нам добраться к этим официальным документам или мы будем продолжать при составлении нашей современной истории полагаться на Европу и ее архивы. И получают ли сыновья наши знание этой истории в школах?

За это исследование взялся профессор Абд-ар-Рахман ар-Рафи в двухтомнике, который он издал под заглавием „О зарождении интеллектуального движения в Египте“, профессор Мохаммед Сабри в своей книге „Египетская империя“ и профессор Абд-уль-Кадир Хамза и др.

Но этого недостаточно потому, что это есть индивидуальный труд или труд отдельных лиц, и секретные архивы оказываются для них недоступными, и ни время ни средства не позволяют им провести это исследование с должной полнотой. Во всем мире это является делом правительства, а имеем ли мы такое правительство, которое владеет этими официальными архивами? Имеется ли у нас правительство, которому пришло бы в голову опубликовать документы для того, чтобы последующие поколения располагали сведениями об истории поколений предшествующих?

---

[1] В тексте ошибочно помечен 1797 г. *Х. К.*

По мнению некоторых посторонних судей, начало египетской революции относится ко времени французской экспедиции, по мнению же других, начало ее должно быть отнесено к восстанию национальной знати, облачившей властью Мохаммеда-'Али в 1808 г. Вторая дата ближе к истине. Революционный дух возрождался во всех уголках страны и в сердцах населения вплоть до эпохи Саид-паши (1854—1863 гг.), который нашел целесообразным дать удовлетворение туземцам (националам) путем производства в офицеры египтян и путем назначения из их среды крупных чиновников в провинциях.

Египет, со дня сговора Европы с Англией о признании Египта победившего побежденным и побежденной Турции — победительницей и со дня ратификации Лондонского договора от 1841 г. (а этот договор устанавливает наследственный порядок правления в пользу династии Мохаммеда-'Али), с этого времени каждый день ослаблял связи, которые связывали его с Турцией, так что Исмаилу великому хедиву показалось даже возможным сбросить это истощающее ярмо с плеч Египта. Он добился порядка, ограничивающего наследование престола старшим из сыновей вали, добился титула хедива и достиг независимости по фирману от 8 января 1873 г., который оставил за Турцией в Египте только подушную подать и номинальный суверенитет.

Но этот энергичный рыцарь (Исмаил), достигнув быстро своей цели, попадает в сети финансистов, которые использовали против него силу держав. С приходом к власти Тевфика Турция надеялась вернуть себе утраченные ею права. Фирманом от 7 августа 1879 г. Турция установила, что хедив не имеет права заключать займы и что армия Египта не должна превышать 18 000 чел. Она требовала, чтобы заключение любого договора санкционировалось Портой. Но это последнее условие было опущено в силу притязаний держав, особенно Англии, печать которой стала провозглашать, что крайне необходимо и совершенно неизбежно занятие Англией земель от Порт-Саида до Суэца, и что этот захват не будет иметь никакой цены, если не овладеть Каиром и Александрией.

Вопрос захвата был в то время для англичан лишь вопросом времени.

Когда 23 апреля 1880 г. у власти стало либеральное министерство, то им было заявлено, что теперь оно не обращает взоров в сторону Египта. А товарищ министра иностранных дел Дейльки заявил, что долина Нила — добыча британского льва. Вождем либералов Гладстоном еще в 1877 г. было заявлено, что овладение Египтом, будь то путем воровства или путем приобретения, этот захват в равной мере предопределен и что он неизбежно будет расширяться до тех пор, пока не будут присоединены озера Альберт и Виктория. Гладстон заявил, что „Египет это яйцо, из которого вылупится для нас африканская империя". Исмаил пал, и у власти стал Тевфик. Англия и Франция по высочайшему указу от 15 ноября 1879 г. получили право назначения двух генеральных контролеров. Франция назначает одного из них, а Англия другого. Они (контролеры) получают всю полноту власти в контролировании финансов и представлении хедиву и министрам своих докладов и опубликования их в официальной газете. Им предоставляется право присутствовать на заседаниях совета министров и давать свои указания, а сменяются они только с согласия Англии и Франции.

Эти два контролера в действительности были египетским правительством, потому что воля их непререкаема. Таким образом Англия и Франция явля-

лись правящими в Египте. Сверх того, в их руках находилось управление Даиры (удельное ведомство) и домэнов, железных дорог и таможен в качестве залога за долги; о правах членов долговой кассы и судей смешанных судов нечего уж говорить.

Власть народного представительства, образованного Исмаилом в 1866 г., свелась на-нет. Контролеры не признали власти палаты депутатов, составленной Исмаилом 28 августа 1878 г. и подтвержденной Тевфик-пашой указом, изданным 21 сентября 1879 г. Затем вышел закон о ликвидации от 17 июля 1880 г. Согласно этому закону, Египту было положено платить половину всего своего дохода на погашение процентов по долгам, не считая долга Ротшильду, взятого под залог домэнов.

Население Египта насчитывало в это время $5\frac{1}{2}$ млн. чел. Торговля и промышленность были в руках иностранцев, не плативших никаких сборов, а огромные прибыли, которые они собирали, пересылались ими на родину, и таким образом богатство уходило из рук египтян.

Ростовщики высасывали остаток богатства, потому что правительство неотступно требовало уплаты налогов, и жители прибегали к ростовщикам, чтобы погашать их. Даже англичанин, член палаты депутатов, которому было поручено обследовать состояние лихоимства и деятельности ростовщиков, оценивал в это время ежегодный доход последних (ростовщиков) в сумме 5 200 000 млн. ф. ст., т. е. в сумме, превышающей общую сумму налогов.

Учреждение смешанных судов, которые установили систему отторжения собственности, чего раньше крестьянин не знал, усилило гнет крестьянина и вынуждало его обращаться к ростовщикам. Что касается крупных помещиков и землевладельцев, то потери их возросли с отменой мукабалы. Мукабала — это половина налога. Хедивом Исмаилом было установлено, что каждый, внесший единовременно большую сумму налога, в дальнейшем на все время освобождается от уплаты половины налога. Землевладельцы приступили к уплате мукабалы, но вместе с законом о ликвидации был издан высочайший указ от 6 января 1880 г. об отмене мукабалы. Выяснилось, что итог выплаченных по мукабале сумм достигает 17млн. ф. ст. Авторы же закона о ликвидации утверждали, что из этой суммы в казну дошло лишь 8 млн. ф. ст. Сверх того, они говорили, что улучшения, которые последуют от ликвидации долгов, придутся и на пользу уплатившим мукабалу, и что на них лежат обязанности нести жертвы. Руководствуясь всеми этими соображениям, комиссия по ликвидации установила налогоплательщикам, выплатившим мукабалу, засчитывать ежегодно сумму в 150 000 ф. ст. на протяжении 50 лет, а размер процентов по суммам, уплаченным в порядке мукабалы, не должен был превышать двух.

Этот гнет знати страны и омдов вызвал гнев с их стороны. А если мы обратимся к должностям и чиновникам, то найдем, что порядок двойственного контроля и правление двойственное — французское и английское — привели к замещению должностей в учреждениях европейскими чиновниками. Если назначался клерк-француз, то непременно тут же назначался и клерк-англичанин. И так до тех пор, пока за короткий срок не было назначено 1263 чиновников-иностранцев. Возможно, это не было большим числом, но, если фантазия овладеет душами и телами, то малое покажется большим. Вместе с тем статистика указывает на то, что в 1882 г. жалование, получаемое чиновниками-иностранцами, соответствовало 15% бюджета по содержанию госаппарата.

Вопрос армии и офицерства был вопросом сложным, потому что созданная Исмаилом большая армия, по фирману, возведшему Тевфика на престол, подлежала сокращению до 18 000 чел. Фирман принуждал к роспуску известного числа солдат, которые в большей своей части могли быть использованы лишь сторожами земли; что же касается офицеров, то для них не находилось подходящих занятий, их удовлетворяющих, а жалования им не хватало. Командный же состав армии комплектовался большей частью из турков, албанцев, черкесов и курдов — всех их обычай и именует черкесами. Офицеры-египтяне роптали по поводу привилегий черкесов, по поводу сохранения за ними высоких постов, и они пришли к тому, что образовали тайное общество для борьбы с влиянием черкесов. Главой этого общества был офицер-египтянин Али-ар-Руби, который затем уступил руководство своему коллеге Араби, человеку более образованному и более красноречивому.

Исмаил в свое время опирался на это тайное общество, чтобы покончить с европейским министерством Риверса — Вильсона в то время, когда офицеры устроили демонстрацию против Нубар-паши, премьер-министра.

Эта демонстрация была первым проявлением революционных тенденций в армии, но Исмаил был сильным человеком в противоположность колеблющемуся и слабому Тевфику.

В положении, подобном тому, в каком находился в то время Египет, появляется и проявляется каждый, у кого имеется твердое мнение и определенная цель, потому что расширяется возможность деятельности. Поэтому-то Джемаль-эд-Дин аль-Афгани собрал группу из шейхов и литераторов и начал сеять среди них дух свободы и независимости и борьбы против европейцев. Когда он был выслан из страны, ученики заменили его в пропаганде его идей, а султан Абд-уль-Хамид послал своих эмиссаров распространять его пропаганду. Султану внушили, что арабы и египтяне действуют в том направлении, чтобы восстановить арабский халифат.

Принц Халим-паша, который фирманом за № 38 был отрешен от прав наследования престола, старался использовать эту пропаганду для возвращения трона. И те из европейцев, которые претендовали на то, что они стоят за демократию, наводнили всю страну, возбуждая и подстрекая всюду и везде, где это было только возможно. Такова картина Египта 50 лет тому назад, и с того времени зародилось восстание и были созданы предпосылки для него во всех отношениях. Как же началась революция?

ОЧЕРК 2

(„Аль-Ахрам“ от 10 X 1931 г.)

В первой статье мы обрисовали положение Египта до восстания Араби для того, чтобы познакомить читателей с многочисленными причинами восстания во всех областях жизни, причинами, обусловившими вспышку, и с тем, чтобы читателям стало ясно, что англичане выжидали таких обстоятельств, когда, как говорил Гладстон, „Египет стал бы яйцом, из которого вылупилась бы африканская империя“.

Как мы уже объяснили в первой статье, Египет был независимым, и политикой во имя денег эта независимость была украдена. Деньги были средством для этого грабежа и захвата.

Египет располагал сильной армией, но она оказалась распущенной, а многие из офицеров были лишены содержания.

Египет имел национальное правительство, — власть двойственного контроля английского и французского заняла место ватанистского министерства.

Собственники внесли 17 млн. ф. ст. в качестве дотации казне, а им было дано обязательство выплачивать частями по 2% с этой суммы в течение 50 лет.

Была у египтян палата депутатов, но ей отказали в праве обсуждать финансовые и другие дела, а из социальных слоев народа не оставалось ни одного, который бы не подвергался страданиям и угнетению. В Египте не было еще организации, которая выражала бы недовольство нации или чаяния ее. В Египте не было рабочей или другой организации, была лишь единственная организация — армия. И армия была той организацией, которая выражала негодование народа, и народ пошел за армией, поддерживая ее во всех ее нуждах. Численность армии превышала 80 000 регулярных войск и добровольцев, не получавших ни гроша и ничего не реквизировавших. Эта армия все свои потребности удовлетворяла за счет приношений народа, потому что она отражала его чаяния и надежды. Достаточно было какого-нибудь недовольства со стороны народа, выражения этого недовольства какой-нибудь организацией, чтобы армия поддержала эту организацию и пошла за ней.

А теперь закончим нашу вводную беседу о восстании Араби и для осведомления о нем читателей и нас в пятидесятую годовщину возникновения этих событий перейдем к описанию того, как они развертывались, выяснив, раздували ли англичане их искусственно, чтобы затем вонзить свои когти в добычу, или англичане, подобно начальникам станций, только направляли жезлом поезд в желательном им направлении.

Тевфик-паша унаследовал трон после отца своего Исмаила. Вот как описывает его (Тевфика) Араби: „правитель, неспособный сказать слово „нет" и тот, кто был подобен ему (Тевфику) в этом, тот и был его главным властителем".

При вступлении его на престол во главе министерства стоял Шериф-паша, но Тевфик не преминул заменить его Риад-пашей, качества которого проявились в эпоху Сеид-паши, но до высших постов он поднялся в эпоху Исмаила. Его считали более честным и более храбрым, чем Нубар-пашу и способней Шериф-паши, но самым крупным его грехом было большое самомнение, лишавшее его чувства бдительности в отношении опасности.

Когда 22 сентября 1879 г. он был назначен премьер-министром, то хедив в указе по поводу назначения его заявил, что „он (хедив) ждет от него честности в работе, поддержания порядка и развития экономики".

Риад-паша руководствовался этим, и период его правления отмечен законом о ликвидации, изданным высочайшим указом 28 июля 1880 г. Положение дел после этого улучшилось и в отношении управления, и сбора налогов, и погашения очередных платежей по долгам.

Но Риад-паша не удовлетворился частичным роспуском армии и сокращением вооруженных сил и пошел значительно дальше. Организации офицеров и знати стали созывать собрания, подготовляя возврат власти народу и восстановление справедливости в отношении к угнетенным. Эти собрания считались масонскими из-за распространенности масонства в эту эпоху и обилия масонских лож. Поводом, ускорившим момент взрыва, было поведение

Осман Рифки-паши, военного министра. Осман Рифки-паша принадлежал к ненавистным черкесам и желал мстить офицерам-ватанистам, открыто выражавшим свою враждебность по отношению к офицерам-черкесам.

Термин „черкес" распространялся на всех офицеров турок, курдов, албанцев и других, как это уже объяснялось в первой статье.

Осман Рифки-паша учинял следствие над управлением нацполков и в своем докладе писал, что полковник Абд-аль-'Аль Хашиши, командир Суданского полка, взял 120 ф. ст. из сумм, предназначенных на мясо, а 'Али Фахми, командир 1-го полка, взял 400 ф. ст. В то же самое время он сместил полковника кавалерии Абд-аль-Гаффара и преемником ему назначил одного черкесского офицера. Это событие, правильнее сказать, эти события, возбудили негодование офицеров-ватанистов. Это было первой искрой, вызвавшей восстание, которое изменило политическое лицо мира. И если бы не было этих обстоятельств, то вместо них оказались бы другие.

17 января 1881 г. два полковника — Ахмед Араби, командир 4-го пехотного полка, и Абд-аль-'Аль Абу-Хашиши, командир Суданского полка, отправились к председателю совета министров и предъявили Риад-паше петицию за подписью „офицеры-ватанисты", петицию, протестующую против смещения полковника Абд-аль Гаффара и нарушения Осман Рифки-пашей своего обещания, потому что офицерами-ватанистами уже представлялась подобная петиция 20 мая 1880 г., и тогда при посредничестве французского консула военным министром было обещано, что в дальнейшем офицеры-ватанисты не будут смещаться и что они будут уравнены в правах с офицерами-черкесами. В этой своей новой петиции они заявили о своем убеждении, что, покуда Осман Рифки-паша останется военным министром, они будут смещаться один за другим, и потому они настаивают на отставке этого министра.

Разгневанный Риад-паша потребовал к себе на следующий день Араби и Абд-аль-'Аля, которых по собственному усмотрению счел нужным сопровождать 'Али Фахми, командир 1-го полка. Результатом этой встречи с Риадом было лишь усиление деятельности ватанистов, подстрекательства в армии и пропаганды среди масс.

27 января Араби и Абд-аль-'Аль встретились с Риадом и жаловались ему на то, что данное им обещание об отстранении военного министра не выполняется. 30 января собрался совет министров под председательством хедива и постановил предать этих трех офицеров военному суду, а чтобы при аресте их избежать волнений и беспорядков, был придуман план, заключавшийся в том, что эти три офицера, будучи приглашенными в Нильский дворец для поддержания порядка во время торжества по случаю свадьбы сестры хедива, будут арестованы на месте. Затем последовал приказ о подкреплении воинскими силами и посылке двух отрядов конной полиции к военному министерству.

Но министр вакуфов Махмуд Сами-паша заранее поставил в известность офицеров о том, что в действительности замышляется против них, и ни один солдат не отправился в здание министерства для выполнения приказа, изданного по этому поводу,

В этот день ходили слухи, что в Нильском дворце уже заготовлены три свинцовых гроба для того, чтобы затопить в них тела трех офицеров. Эти последние из предосторожности дали указания своим полкам, чтобы они

прибыли к Нильскому дворцу для спасения в случае их длительного отсутствия.

По прибытии трех полковников в Нильский дворец, им был прочитан приказ о предании их дисциплинарному суду. Они были тут же разоружены под злорадные насмешки и угрозы офицеров-черкесов. После полудня собрался дисциплинарный суд под председательством Сутун-паши, американца, но не прошло и нескольких минут с момента начала судебного заседания, как прибыл 1-й полк во главе со своим командиром 'Али-Фахми, который, угрожая, вошел внутрь. Военный министр Осман Рифки-паша бежал, выскочив из окна и спрятался в лавке портного. Полк спас трех офицеров, которые направились в казармы и составили доклад, адресованный консулам держав, в котором они, упомянув о случившемся, изложили свои жалобы и просили взять на себя посредничество перед хедивом, настаивая на отставке Осман Рифки-паши.

Английский консул Малет и французский консул Рениг взяли на себя посредничество в этом деле, и Тевфик-паша восстановил полковников на занимавшихся ими ранее постах и назначил министра вакуфов Махмуд Сами-пашу Аль-Баруди военным министром. Этот результат поднял энтузиазм масс.

Суданский полк прибыл из Турха и продефилировал перед Абдинским дворцом, приветствуя хедива.

Полковник Шарль Ленг, американец, так характеризует Махмуда Сами-пашу: „душа восстания и вождь, руководивший им (восстанием) от начала до конца; храбрый, решительный, с выдающимся умом, он сам чувствовал себя как бы созданным для высоких постов. Он был настойчив в достижении поставленных перед собой задач, к каким бы средствам ни нужно было прибегнуть для того. Но склонность его к интригам служила причиной тому, что Сами во мнении масс оставался в арьергарде восстания".

На следующий день после этого события состоялась встреча хедива с тремя офицерами, которые выразили хедиву свою преданность, в ответ на что хедив обещал им простить все прошлое и предложил им посетить французского и английского контролеров, символизируя тем самым факт примирения.

4 февраля 'Али Фахми и Араби отправились к контролерам и обещали им сохранять общественное спокойствие и гарантировать безопасность жизни европейцев и их имущества.

15 февраля был издан указ об увеличении жалования офицерам, переданным в запас. Но офицеры продолжали быть настороженными в отношении строящихся против них козней.

1 марта офицеры пожаловались на Юсуф-пашу Камиля, министра двора, обвиняя его в том, что он подстрекает Турхский полк против своего командира. Тевфик-паша сместил этого министра и распорядился повысить жалование войскам действительной службы, но 1045 офицеров продолжали оставаться без дела. Была образована комиссия, в состав которой вошел Араби и перед которой были поставлены задачи разработать проект порядка офицерских производств и перевода на пенсию, а также проект возможного использования неработающих офицеров. Но оказалось невозможным найти работу для 2000 офицеров в армии, численность которой не превышала 12 000. Возбуждение умов не прекращалось, как и опасения мести. Махмуд Сами не прерывал своей подстрекательской работы.

Собрания продолжали созываться до тех пор, пока не оформилась ватанистская партия во главе с Араби и с руководящими членами, помимо офицеров армии Абдаллой Надимом, писателем, оратором, и Сеидом Хасаном Мусой аль-Аккад и др.

Брожение умов усилилось, и Араби казался выступающим в роли Гарибальди. По всей стране распространялся снимок, на котором Араби изображался сидящим с устремленным вдаль взором, а за ним стоял Абд-аль-'Аль, сжимающий одной рукой рукоятку сабли, а другой подкручивающий ус. Сбоку был снят Али Фахми, держащий свернутую бумагу, на которой было написано: „Конституция". Этот снимок хранился в жилищах, как благословленный талисман.

В мае 1880 г. 19 офицеров были обвинены в заговоре против Абд-аль-'Аля и их сместили, а Абд-аль-'Аль потребовал, чтобы назначили им заместителей. Военная комиссия не посмела прекословить и даже постановила предоставить командирам полков право назначения офицеров в своих полках.

Затем офицеры потребовали увеличения армии до 18 000 чел. и сооружения крепостей и укреплений на побережье Средиземного моря. Они потребовали от знати подписания петиции, настаивающей на созыве палаты депутатов, которая постановила бы ассигновать необходимые для этого средства. Выделенная по этому поводу комиссия постановила численность армии довести до максимума, т. е. до 13 000.

Случилось как-то, что офицеры забросали упреками одного из морских офицеров за то, что тот отдал честь Риад-паше; офицер раскаялся. Тогда Риад-паша почувствовал, что над его головой собирается буря, он сместил полицмейстера Каира и поставил в известность хедива о том, что вся опасность, которой они подвергаются, сопряжена с пребыванием Махмуда Сами-паши на посту военного министра, так что заставил хедива выбирать между ним или Махмудом Сами. Случилось в то время, что Махмуд Сами подал в отставку из-за неоплаченных ему расходов по переезду. Хедив принял его отставку в августе и назначил Давуд-пашу Агу военным министром. Офицеры сочли отставку Сами кознью, направленной против них, потому что нахождение Махмуда Сами в военном министерстве, по их мнению, было единственной гарантией против мести и расправы с ними.

Принятие отставки Сами произвело сильнейшее впечатление на офицеров и вызвало множество слухов. Носился слух о том, что шейх уль-Ислам издал тайно фетву о казни трех офицеров.

Риад захотел распылить армию, и поэтому был отдан приказ одному из полков переехать из Каира в Александрию. Тогда офицеры и их друзья, чтобы обсудить это, сошлись 8 сентября на собрание, которое носило настолько бурный характер, что крайние обвинили Араби в предательстве, но Араби объявил, что на завтра он отправится в Абдинский дворец со всеми теми, кто хочет его сопровождать, и что он потребует от хедива смещения Риада, созыва палаты депутатов и увеличения численности армии. Он разослал также письменный призыв своим отсутствующим друзьям. Правительство ничего обо всем этом не знало. Тевфик-паша вместе со своими министрами отдыхал в этот день в Турхе.

Утром 9 сентября в Исмаильский дворец прибыл осведомитель, сообщивший, что полковник Араби будет наступать из Аббасии с намерением убить

хедива и что агитаторы проникли в казармы, внушая солдатам, что правительство намеревается сбросить их в Нил во время следования поезда с ними через мост Кафр-Заят. Давуд-паша приказал немедленно отменить указ о переброске полков, но Араби написал ему, что офицеры не могут итти на смерть и что в 3 часа после полудня они отправятся со своими частями к Абдинскому дворцу для разрешения вопроса. Хедив и его министры пришли в ужас и обратились за советом к французскому и английскому консулам. Английский консул посоветовал хедиву дать отпор офицерам, став во главе преданных ему солдат. Тевфик-паша направился из Исмаильского в Абдинский дворец в сопровождении Кольвина, английского консула, Сутун-паши и министров и адъютантов. А в это время полковник 'Али Фахми уже прибыл со своим полком на Абдинскую площадь и демонстративно обещал ценой своей крови защитить хедива, а войска его приветствовали хедива, но последний не поверил Фахми. Тевфик-паша отпразился в крепость и довел до сведения 3-го полка о том, что местопребывание полка не изменяется. Затем Тевфик-паша отправился в 'Аббасию, чтобы посетить 4-й полк — полк Араби, но, найдя казармы пустыми, он поторопился вернуться в Абдинский дворец, площадь перед которым была уже запружена войсками. Он был вынужден вследствие этого войти во дворец через черный ход.

На площади находилось 2500 солдат, не считая 3-го полка, который оставался на своем месте. Батальон суданских войск окружал казармы полиции. Тевфик-паша спустился на площадь и приказал Араби сойти с лошади, тот повиновался и стал читать хедиву волю армии. Кольвин же подал знак хедиву вернуться во дворец, что тот и сделал, а сам стал вести переговоры с Араби об условиях. Консулы напрасно пытались угрожать Араби силой Европы, он настаивал на удовлетворении требований армии. Консулы поставили в известность офицеров о том, что хедив послал телеграмму султану и что он ожидает ответа, так как принятие их требований есть вопрос компетенции лишь султана.

Офицеры ответили, что они не сложат оружия до тех пор, пока не будет получен ответ, удовлетворяющий их, и что они не подчинятся хедиву, покуда султан специально не пришлет кого-либо для разрешения этого вопроса. Хедив предложил сместить Риада, и офицеры приняли это при условии, что вопрос о заместителе будет согласован с ними, и что два другие вопроса остаются открытыми до прибытия посланного султаном. Офицерам были названы имена двух кандидатов из дворцовых кругов, но они их отвергли.

Австрийский консул назвал имя Шериф-паши, на что Араби ответил, что он ждет высочайшего указа о его назначении. Требование его было удовлетворено.

Араби прочитал текст высочайшего указа солдатам, а Тевфик-паша показался на балконе дворца. Солдаты приветствовали его и потребовали, чтобы офицеры поцеловали руку хедива. Хедив, стоя, встречал их, а офицеры стали входить к нему один за другим, опасаясь каких-нибудь козней против них.

Вот это тот знаменитый день; подождем до завтра, чтобы познакомиться с политикой Шериф-паши, о чем уже говорилось в отделе газеты „Пятьдесят лет тому назад".

ОЧЕРК 3

(„Аль-Ахрам“ от 11 X 1931 г.)

9 сентября 1881 г. состоялась демонстрация войск на Абдинской площади, как уже известно читателю.

Это было внушительной демонстрацией. Войска выстроились на площади в боевом порядке с командованием на конях впереди и артиллерией позади.

В этот день хедив сместил Риад-пашу и назначил председателем совета министров Шериф-пашу, которого Тевфик, было, отставил в дни восшествия своего на трон хедива. Во время назначения его Шериф-паши не было в Каире, и он поспешил с возвращением. Шериф-паша по происхождению черкес. Он окончил французскую школу Сен-Сира и женился на дочери полковника Сулейман-паши, организатора армии Мохаммеда-Али.

Историки описывают его человеком высокого роста, красивым, по природе свободолюбивым, но он не был энергичным и ненавидел работу, стараясь избегать ее.

Свою известность среди народа он приобрел своим отказом предстать перед международной следственной комиссией. Это было к концу правления Исмаила. Его даже стали считать вождем умеренной национальной партии.

Державы относились к нему далеко не благосклонно, и поэтому, когда вышел указ о назначении его, все задавали себе вопрос, как отнесутся к этому консулы.

В тот же самый вечер (9 сентября) французский и английский консулы встретились и условились иметь свидание с хедивом для обсуждения с ним способа окончательного разрешения вопроса. Но когда они встретились с хедивом, то были крайне удивлены сделанным с его стороны сообщением. А именно, тем, что хедив послал в Константинополь телеграмму, требуя в ней посылки 20 турецких батальонов для восстановления порядка. Консулы сообщили об этом своим правительствам.

11 сентября прибыл Шериф-паша и имел свидание с консулами держав. Он выразил им свое недовольство по поводу того, что ему приходится брать власть потому, что он не желает выступать представителем бунтующей армии. После всего случившегося он ожидает преувеличенных требований, которые невозможно будет принять. После настойчивого требования консулов, Шериф-паша согласился вести переговоры с командным составом, но переговоры не были удовлетворительными до тех пор, пока 11 сентября не появилась мысль назначить Шериф-пашу диктатором.

Офицеры отвергли условия Шериф-паши и важнейшие из них о выводе из столицы частей, командование которых было глубоко замешано в восстании и революции.

Положение оставалось обостренным до тех пор, пока английскому консулу не пришла в голову мысль потребовать от Порты присылки представителя, который восстановил бы порядок в армии.

Что же касается офицерства, то оно, стремясь к тому, чтобы запугать консулов, послало к итальянскому консулу передать по секрету, что офицеры договорились арестовать Тевфик-пашу и заключить его в крепость.

Араби к тому времени созывал на собрание в Каир знать, чтобы тем самым дать понять державам, что движение является отнюдь не движением военных элементов, но народным.

Когда знать собралась для требования конституции и парламентской жизни, то образ действий офицерства ей не понравился. От Шериф-паши потребовали, чтобы он занялся вопросом дел в армии, а это не понравилось офицерам, которые свои притязания ограничили требованием назначить Махмуд-пашу военным министром. Знать договорилась с Шериф-пашей на том, что Шериф созовет парламент и будет осуществлять порядок, намеченный военной комиссией. А за это армия вернется к подчинению и изменит расположение лагерей.

Что касается увеличения армии, то это могло осуществиться лишь после соглашения с иностранными контролерами и после того, как будут изысканы достаточные средства для этого.

На основании изложенного офицеры написали документ, в котором заявили, что они подчиняются Шериф-паше, а для знати они составили другой документ в роде гарантии первого документа, но это не дало полного удовлетворения Шерифу, он хотел быть уверенным в поддержке его державами и, с другой стороны, он хотел воспрепятствовать приходу турецких войск в Египет, как этого требовал хедив. Шериф-паша уполномочил Борелли, советника премьера и заведующего бюро финансовых дел, вести об этом переговоры с английским и французским консулами.

Оба эти консула написали письмо Шериф-паше, обещая всяческую поддержку новому министерству и телеграфно потребовали от Парижа и Лондона возражения против посылки в Египет турецких солдат. После того как все это закончилось, 15 сентября вышла официальная газета, в которой был опубликован состав министерства под председательством Шериф-паши, который сверх поста председателя совета министров оставил за собой портфель министра внутренних дел, а Махмуд Сами аль-Баруди был назначен военным министром.

В это время Италия предложила державам совместно разделить привилегии и права в Египте, предоставленные Франции и Англии, т. е. поделить финансовый контроль между всеми державами, но Англия и Франция нанесли поражение этому стремлению Италии в Вене, Берлине и Петербурге.

После этого оставался лишь вопрос о том, как помешать султану в посылке войск в Египет, на чем настаивала Франция, в то время как Англия не проявила отсутствия благосклонности к посылке.

На запрос Франции, каким будет поведение Англии, если египетские военные окажутся настойчивыми в своем упорстве и бунтарстве, Англия ответила, что она не может составить суждение по поводу того, что не имеет места, а лишь предполагается. Дело закончилось тем, что султан отказался от посылки военной экспедиции из-за недостатка средств, но решил послать в Египет представителя, основываясь на петиции, представленной принцем Халим-пашей, который стремился вернуть себе бразды правления.

У Халим-паши имелись сторонники из знати и принцесс. Упомянутая петиция была подписана частью знати страны, которая жаловалась на то, что Тевфик-паша предает страну и все области хозяйства французам и англичанам. Бисмарк тайно поддержал посылку представителя султана. 1 октября отпра-

вился представитель султана, а 3 октября французский и английский консулы выразили Порте свое сожаление по поводу посылки представителя без предварительного обсуждения по этому поводу и затем потребовали объяснения по вопросу о характере миссии этого представителя. Им ответили, что он (представитель) везет письмо великого визиря к хедиву, в котором султан одобряет поведение Тевфик-паши во время последних событий и что султан не видит в этом письме такой значимости, которая вызывала бы необходимость в переговорах по этому поводу с Англией и Францией. Этот ответ не удовлетворил Англию и Францию, и они послали в Александрию два броненосца под тем предлогом, что подданные их потребовали этого для того, чтобы иметь возможность спастись в том случае, если произойдут беспорядки.

Порта запротестовала, потому что это угрожало опасностью не только Египту, но и Хиджазу.

В своем протесте она заявила, что в Египте царит полное спокойствие. На это обе державы ответили, что если положение вещей действительно таково, то Порте надлежит отозвать своих представителей 'Али-Низами-пашу и 'Али-Фуад-бека и что только в таком случае будут отозваны оба военных корабля.

Султан отозвал своих представителей, которые уехали 19 октября, а на следующий день отплыли оба военных корабля.

Миссия турецких делегатов была малозначащей. Они передали хедиву письмо от великого визиря, которое не имело ни малейшего значения. Они посетили некоторые казармы, где призывали к сохранению порядка, а 13 октября Тевфик-паша устроил для них большой банкет. И публика и правительство остерегались их. Поселили их во дворце Нузха в Шубре. Было запрещено встречаться с делегатами, — видеться с ними можно было только с особого разрешения.

17 октября делегаты передали Тевфик-паше орден отличия, а Шериф-паше османский орден, унизанный драгоценными камнями, и распределили еще несколько орденов министрам и крупным чиновникам. Ордена не были преподнесены офицерам, за исключением полковника Таляба Исмет, который не был замешан в событиях. Однако он стоял рядом с Араби во время демонстрации 9 сентября, что Араби оправдывал тем, что Таляба — муж его дочери, а не по другим соображениям. В числе представителей султана был Кадри-бек, задачей которого было упрочить связи с офицерами-националистами, и Ратиб-паша, задачей которого было войти в соглашение с Араби.

Но в виду того, что Ратиб-паша не застал Араби в Каире, он сделал вид, что хочет отправиться в Хиджаз для совершения хаджа и таким путем встретился с Араби в поезде в Загазике, так как лагерь Араби был уже переброшен к Тель-эль-Кебиру.

Мы уже сказали, что Шериф-паша обусловил с офицерами переброску их лагерей и что они приняли это его условие, и 1 октября Абд-аль-'Аль отправился с своим полком в Дамиэтту.

Что же касается Араби, то он оставался с своим полком в Каире, но когда прибыли турецкие представители, египетское министерство и комитет национальной партии стали выражать свое недовольство и беспокойство; тогда Араби решил удалиться из столицы. 15 октября он приказал своему полку подготовиться в дорогу и посетил казармы, где произнес перед солдатами

речь, в которой он сказал: „Пока в моих жилах течет хоть единая капля крови, она будет принесена на службу государю моему хедиву".

Утром 16 октября он вместе с своим полком направился в центр города, причем впереди двигалась конная полиция, а группа офицеров эскортировала его с саблями наголо. Когда прибыли на станцию, офицеры понесли Араби к вагону на руках среди приветствий толпы и под звуки музыки. От Араби потребовали выступить с речью. Он произнес речь, восхваляя народ, который получил свободу, не пролив ни единой капли крови. Ему отвечал Абдалла-Надим, и Араби отправился вместе с своим полком в Тель-эль-Кебир.

Это то, что имело место со стороны офицерства, что же касается Шериф-паши, то он 4 октября опубликовал указ, как об этом читатели уже узнали в воспоминаниях о событиях „За пятьдесят лет", указ о созыве парламента и сроке выборов, согласно конституции 1866 г.

На ход этих выборов большое влияние оказали круги Аль-Азхара. Когда выборы закончились, был издан указ о назначении Мохаммеда Султан-паши председателем парламента и назначении Сулейман-паши Абаза вице-председателем (28 декабря 1881 г.).

В это время Араби послал Махмуд Сами-паше требование об отставке министерства Шерифа, а тот попросил подождать с этим.

Чтобы понять секрет этого народного движения, процитируем Марачи, тогдашнего профессора международного права, в своей работе писавшего:

„Кто осмеливается сказать, что английская и французская политика была благом для Египта? Что это за правительство от 28 августа 1878 г., именуемое правительством Нубара?

Это министерство, в действительности, было властью Вильсона, английского контролера, и де-Блиньера, французского контролера. Что это за право, право санкции, которое предоставляет незначительным чиновникам право управления и право „вето" во всяком народном деле?

Что же это за реформы, при которых соблюдаются только интересы иностранцев, а не интересы населения страны?

С одной стороны, как-будто признают право султана, а с другой, отрицают за ним право вмешательства в интересах вали, который управляет страной именем султана; и что это за вмешательство, которое приостанавливает и и парализует всякий конституционный порядок?

Объявляют свободу правительства и страны, и, с другой стороны, вынуждают к введению порядка, несовместимого с властью народного свободного правительства. С одной стороны, они претендуют на то, что благодаря им (европейцам) Египет приобщился к благам культуры и цивилизации, а с другой стороны, признают, что они позволили европейцам грабить страну, которая является богатейшей страной в мире".

И дальше: „Господствующая теперь анархия—это результат могущественных факторов явных и тайных, которыми хотели создать исключительное положение, которое не сообразуется ни с разумом, ни с вкусами, ни с обычаями и существующими законами".

ОЧЕРК 6

(„Аль-Ахрам“ от 20 X 1931 г.)

Нет сомнения в том, что читатели, следящие за сведениями о развитии восстания Араби, плодами и результатами которого мы живем теперь, вчера уже читали в разделе „За пятьдесят лет“ мудрую корреспонденцию, которую послал основатель „Аль-Ахрама“ из Парижа об ожидавшейся подготовке Англии к захвату Египта, том захвате, на который намекал французский мининдел в беседе с ним, той беседе, которая была предметом нашей прошлой статьи. Нет сомнения в том, что каждый читатель-египтянин после прочтения советов, данных повстанцами и народу покойным основателем „Аль-Ахрама“ Башара Текла, советов о том, чтобы они не впадали в крайность и поддерживали министерство Шериф-паши, по поводу их каждый египтянин скажет теперь: „увы, если бы все в то время последовали этим драгоценным советам, тогда мы успешно спаслись бы от оккупации, сохранили бы нашу независимость, не пролили бы крови и укрепили бы основы египетской империи от побережья Средиземного моря до побережья Индийского океана“. И Египет под сенью этой независимости был бы великим государством среди великих держав. Но буря, когда она разразится, заглушает голоса советов, и поток в своем стремлении сносит заодно как дурное, так и хорошее, и, что суждено было, то и произошло.

Читателю известно, что Шериф-паша взял на себя руководство кабинетом министерства и что он издал 4 октября 1881 г. [1] указ о проведении выборов на основе избирательного закона конституции 1866 г., текст которого опубликовал „Аль-Ахрам“ в прошлых очерках. Точно также уже известно, что полк полковника Абд-аль-'Аля был перемещен из Маади в Дамиэтту и что полк Араби был перемещен из Каира в Тель-эль-Кебир, как этого требовал Шериф-паша после событий от 9 [2] сентября в качестве условия взятия им на себя обязанностей председателя совета министров после смещения Риад-паши, уступая в этом требованиям офицеров. Но положила ли эта переброска войсковых частей и офицеров в провинции конец вмешательству офицерства в дела правительства? Нет.

В действительности полковник Араби проводил незначительную часть своего времени в Тель-эль-Кебире, большую же часть своего времени он проводил в Каире и, получая петиции от отдельных лиц, офицеров и населения, накладывал на них резолюции и направлял их правительству, требуя исполнения. Случилось так, что какой-то купец Анани-бек был посажен в тюрьму по приговору смешанного суда по обвинению в злостном банкротстве. Но он был временно отпущен из тюрьмы, так как офицеры подняли бучу под тем предлогом, что реакционеры пытаются воспользоваться отсутствием офицерства и войска, чтобы отомстить их друзьям, подобным Анани-беку, который в свое время устроил пышный банкет в саду Эзбекия для офицеров, взявших верх над хедивом, Риад-пашой и группой черкесов в демонстрации 9 сентября.

---

[1] В тексте здесь ошибочно указан 1880 г. *Х. К.*

[2] Вследствие несомненной типографской опечатки в тексте здесь помечено 6 сентября. *Х. К.*

Затем в праздник Рамадан Араби, Таляба Исмет, Абд-аль-'Аль, 'Али Фахми и сторонники их, собравшись, направились к Кадри-беку, министру юстиции, и предупредили его самым серьезным образом, требуя, чтобы он освободил их друга (Анани-бека).

Шериф-паша пожаловался на этот поступок своему коллеге военному министру Махмуд Сами-паше, который нашел оправдание для полковников и обещал, что они никогда не повторят подобного в будущем.

Но анархия, подорвав порядок, упрочилась в армии.

Группа военных освободила нескольких солдат из войск гвардии, арестованных за неподчинение, а артиллерийский полк отказался подчиняться приказам вновь назначенного командира.

Умы народа были чрезвычайно возбуждены, и в результате в стране выросла безответственная печать, которая направила недовольство против иностранцев, а последние ответили на эту кампанию подобным же образом.

Лондонская печать стала затрагивать честь сынов египетского народа из высшего образованного класса. Безумие и сумасбродство поразило издававшуюся в Египте на французском языке газету „Ежипт", и корреспондент ее покусился на „благородного" пророка. Тогда воспылал гнев масс, но более того, — появился слух о том, что улемы издали фетву о казни этого корреспондента, мосье Ляфун, и что двое алжирцев-фидаев посвятили себя отмщению.

При подобных обстоятельствах слухи не только умножаются, но они растут. Люди верили им, как до того они поверили слуху о шейхе Аль-Азхара, что он издал фетву о казни трех полковников: Араби, 'Али Фахми и Абд-аль-'Аля. Французский консул в Александрии приказал Ляфуну немедленно покинуть Египет. Однако ватанистские газеты и важнейшие из них: „Аль-Муфид", „Аль-Бурхан" и „Аль-Хиджаз" продолжали сильную кампанию, которая с каждым днем разрасталась, так что консулы были вынуждены обратить на это внимание правительства, и министры постановили закрыть газету „Аль-Хиджаз", которая была наиболее враждебной и клеветнически настроенной по отношению к иностранцам.

Затем министерством был подготовлен закон о печати, статьи которого отличались самой крайней суровостью. Официальная газета опубликовала его в номере от 26 ноября.

Во время этого движения последователи Араби приобрели новую большую силу от присоединения к ним шейха Мохаммеда Абдо. Этот выдающийся ученый был учеником Джамаль эд-Дин аль-Афгани, и когда последний был выслан, как об этом мы уже упомянули в предшествующей статье, то шейху Мохаммеду Абдо запретили преподавать в Аль Азхаре, — ему присудили не выезжать из своей деревни. Но он не преминул заслужить благосклонность правительства и вернулся в Каир. Риад-паша, который любил его и почитал, поручил ему (Абдо) редактирование литературного отдела официальной газеты.

Шейх Абдо расходился с последователями Араби из-за их отношения к Риад-паше, но после демонстрации 9 сентября у Абдинского дворца он вступил с ними в соглашение и после этого стал их главным и самым авторитетным советником.

В протоколе суда Араби, в свидетельских показаниях Ридвана эфенди Фахми, Саида эфенди Бустани и Ибрагима бек аль-Халябава говорится, что

шейх Мохаммед Абдо был для сторонников Араби „Аристотелем в мудрости и Бисмарком в политике".

Лорд Кромер говорил, что шейх Абдо был душой, вдохновлявшей восстание Араби. В действительности же он был ватанистом, мечтателем из теоретиков, но был преданным, и искренним и его большой задачей было сблизить два лагеря—военный с литераторами на основе современной новейшей культуры, арабской культуры, насаждаемой интеллигенцией. Однако усиление движения открывало дорогу каждому, кто хотел бы примкнуть к нему, даже шарлатанам; мы не будем многословны в этом, но скажем, что если воду в чистом бассейне привести в движение, то на поверхности ее появится муть.

А теперь вернемся к офицерству, опоре и силе движения. Офицерство продолжало быть на чеку в отношении интриг реакции и направило свой гнев против шейха Аль-Азхара, которого они обвинили в том, что он издал для правительства Риад-паши фетву о казни их, как мы уже об этом писали в предыдущей статье. Они требовали смещения шейха Аль-Азхара. Они были настойчивы в этом требовании, так что улемы Аль-Азхара должны были собраться и сместить шейха. Вместо него избрали шейха Аль-Анбаби, но хедив воспротивился этому, и офицеры обвинили английского консула сэра Малета в том, что он подстрекает хедива к противодействию. Лондонское правительство дало сэру Малету директиву приобрести доверие ватанистской партии, и посредником в этом был друг Араби и его сторонников Вильфрид Блэнт. Это дело закончилось победой офицеров и назначением шейха Аль-Анбаби.

Совершенно необходимо здесь сказать несколько слов о Вильфриде Блэнте, который играл важную роль в восстании Араби. Он был чиновником английской дипломатической службы, направившим свою деятельность в сторону Востока. Блэнт выражал уверенность в приближении эпохи возрождения ислама. Жена его была внучкой лорда Байрона, глашатая греческого возрождения.

Блэнт, бывало, говорил, что гордится тем, что он был первым, открывшим национальный Египет, и первым, кто действовал в направлении создания его (национального Египта). Он был другом шейха Аль-Азхара и полностью окунулся во все перипетии борьбы повстанцев. Для того чтобы представить себя подлинным арабом, Блэнт совершал путь от вокзала до гостиницы верхом на верблюде.

Рядом с ним стоял англичанин сэр Вильям Грегори, бывший депутатом консерваторов. Он был назначен губернатором острова Цейлона, где он был предоставлен самому себе вместе со своими делами.

После его смерти жена его опубликовала его мемуары, в которых он говорит: „Я вошел в движение Араби из убеждения в том, что интересы Англии требуют этого, чтобы покончить с двойственным контролем — французским и английским. Я хотел положить предел соучастию Франции в делах Египта, и поэтому я поддерживал египетское офицерство и поощрял его, так как оно ненавидело Францию". Благодаря своей близости с издателем „Таймс" Грегори наводнял эту газету своими статьями и открыл эту же самую дорогу мистеру Блэнту. Оба они занимались восхвалением движения Араби и распространялись за высокие цели движения.

Когда Малет убедился в влиянии Блэнта на офицерство и шейха Аль-Азхара, то постарался сохранить его (влияние), чтобы воспользоваться им в палате депутатов при созыве ее, как он это говорил. Махмуд Сами-паша,

министр военных дел, продолжал закрывать глаза на нарушение офицерами порядка до тех пор, пока не настал срок составления бюджета и подготовки его. Махмуд Сами потребовал от министерства увеличения военной сметы на 280 000 ф. ст. и при этом угрожал повторением восстания офицеров, если не будет отпущена требуемая сумма.

Английский и французский контролеры этому воспротивились, говоря, что держатели акций объединенного долга не согласятся уступить 50 млн. фр., которые принадлежат им по праву, разве только для сбалансирования бюджета.

Тогда-то вмешался мистер Блэнт, и в конце концов пришли к соглашению увеличить смету на военные нужды на 100 000 ф. ст.

Что же касается увеличения численности армии, то постановили отложить разрешение этого вопроса до того, как соберется палата, и мистер Блэнт обязался составить письмо с требованиями своих друзей офицеров, — тех требований, какие они решили представить палате депутатов.

ОЧЕРК 7

(„Аль-Ахрам" от 22 X 1931 г.)

Что делали контролирующие державы Англия и Франция?

Нам уже известно, что делали египетские вожди, что предпринимали офицеры и другие, связавшие себя с национальным движением с 1 февраля 1881 г., т. е. со дня представления офицерами своих требований министерству и вплоть до 4 октября — дня издания указа о восстановлении нормальной жизни на основе конституции 1866 г.

Что же предпринимали обе державы Франция и Англия, — те державы, которые одни лишь желали разрешить египетский вопрос? Они не разрешали вмешиваться Порте и не признавали за Италией, что у нее и других держав имеются в Египте такие же интересы, как у этих двух держав (Англии и Франции) и что они равны контролирующим державам по положению в Египте.

17 октября 1880 г. министр иностранных дел Франции отправил французскому консулу в Египте письмо, в котором он излагал направление политики после того, как это направление было согласовано с министром иностранных дел Англии, в свою очередь обещавшим послать меморандум наподобие французского меморандума.

Вот что писал мсье Бартоломей Сент-Илер мсье Сенкевичу, французскому консулу, сменившему мьсе Ренига. Отметив интересы кредиторов и вопрос о возмещении их претензий, в чем Франция заинтересована на протяжении уже шести лет, Сент-Илер остановился на задаче, предначертанной двум державам, отступление от которой невозможно и смысл которой в защите уже добытых прав. Он писал: „Необходимо, чтобы эти истины были ясны каждому. Эта истина стала очевидной за последние несколько лет в проведении египетской финансовой реформы, реформы, от которой люди были в отчаянии. Заслуга в этом (проведении реформы) принадлежит в равной мере обеим державам".

„Англо-французский контроль вернул стране доверие тогда, когда она уже находилась на краю гибели, вернул возможность преуспевания и непрерывного развития день за днем".

„Европейцы-кредиторы, в особенности, французские и английские, не надеялись достигнуть такой степени благосостояния. Но в заключенных бывшим хедивом Исмаилом займах участвовали и другие государства; следовательно, не одни лишь Франция и Англия пожинали эти хорошие плоды (от проведенных реформ)".

Когда же Сент-Илер, дошел до чаяний и надежд египтян, то, не уделив им большого внимания, он сказал: „нам трудно судить о справедливости этих надеж и чаяний, обоснованности их и о том, как их удовлетворить, но эти чаяния основательны и в некоторых отношениях законны, и, следовательно, ими невозможно пренебречь и невозможно помышлять о том, чтобы задушить их. Что же в действительности представляет собой ватанистская партия в Египте? Каковы же элементы, из которых она состоит и каковы те разумные требования, которые можно будет принять? Нашим представителям необходимо все это уяснить нам, потому что они находятся на месте, где происходят события, и все это у них на глазах. Они одни в состоянии судить о них наилучшим образом".

Затем министр завершил это свое послание упоминанием причин, к которым, бывало, Англия прибегала уже после захвата Египта, когда ей надо было отвечать на требования об эвакуации. Он сказал: „но каким бы ни было развитие Египта с 50-х гг. этого столетия, положение, которое бесспорно и не нуждается в обсуждении, сводится к тому, что Египет для того, чтобы достигнуть самоуправления, будет постоянно нуждаться на протяжении длительного срока в опеке Англии и Франции.

Предоставленный самому себе Египет не в состоянии будет преодолеть трудности, которые встают перед ним со всех сторон и препятствуют его возрождению. Эти препятствия не могут исчезнуть только лишь от пожеланий людей, неспособных продумать все до конца.

Реформы будут длительными и трудными, и, если есть что-либо, что ускорило бы и гарантировало бы успех, так это, вне всякого сомнения, вмешательство двух держав, хорошо знающих действительность и опыт которых окажется чрезвычайно полезным для менее развитого народа (Египта)".

Таковы высказанные министром иностранных дел Франции положения, в которых он излагал политику своего государства, а он, как мы уже отметили, ставит интересы кредиторов на первое место и не стесняется задеть чувства ватанистов. Так могли ли ватанисты, проникнутые энтузиазмом к своему отечеству и полные чувства национального самосознания, встретить это послание с радостью?

И могла ли позволить себе Англия упустить возможность без того, чтобы не извлечь из нее выгоды для себя? Та Англия, которая послала в Египет своих эмиссаров и дала указание своим чиновникам войти в доверие к ватанистам, как мы уже об этом сказали. А теперь рассмотрим послание лорда Гренвиля, который государству, державе-стяжательнице, придает вид честности и который вмешательство этой державы облекает в одежды гуманности и милосердия. Вот текстуально, что он писал консулу Англии Малету: „Политика правительства ее величества в отношении Египта не преследует никакой иной цели, кроме преуспевания Египта и развития там порядка свобод, порядка, предусмотренного многочисленными фирманами султана, из которых последний относится к 1879 г.

Мы убеждены, что прогресс Египта и свобода его зависят, как и прогресс всякой страны, от счастья народа и его благосостояния. Поэтому мы не упустим ни одного из представляющихся нам поводов к тому, чтобы настаивать перед правительством его высочества хедива, чтобы оно прибегло к средствам, направленным к возрождению народа и способствующим переходу его от рабства и абсолютизма к положению благоденствия и благополучия. Распространение образования, отмена тяжелых налогов, установление земельных налогов на прочной основе справедливости и сокращение применения принудительного труда (corvée) — все эти реформы мы поддерживали и настаивали на них до тех пор, пока они не были осуществлены, благодаря двойственному французско-английскому контролю, но реформы неизбежны и в дальнейшем, и мы высказываемся за необходимость сверх тех, о которых упоминалось выше, реформы судопроизводства в отношении туземного населения.

Мы не видим необходимости в том, чтобы подтвердить наше искреннее желание, чтобы Египет сохранил за собой пользование административной независимостью, в известной степени, гарантируемой ему фирманами. Англия разрушит самое дорогое в истории своего народа, если она выступит с требованием урезки этой свободы, если она выступит с требованием изменения порядков, которые в основном исходят от нее (Англии)". Когда же лорд Гренвиль подошел к финансовому вопросу, который французским премьером был положен в основу его политики, то он (лорд Гренвиль) ограничился намеком и не в пример своему коллеге (французскому премьеру) ни одним словом не коснулся кредиторов.

„Обеим державам (Франции и Англии) нетрудно помогать делу улучшения финансового и политического положения Египта, так как они (державы) действуют в полном согласии и не преследуют каких бы то ни было корыстных целей. Единственно, что не перестают преследовать державы, так это интересы страны, и нет такой трудности, которая могла бы помешать в следовании к успешному разрешению этой задачи. Каждое мероприятие, направленное к расширению интересов той или иной страны, безусловно разрушает это полезное сотрудничество.

Пусть хедив и его министры будут уверены в том, что правительство ее величества не имеет никакого намерения отойти от той линии поведения, которой оно следует".

Это послание дошло до мининдела Франции 9 ноября, т. е. по истечении 5 дней со времени получения его сэром Малетом в Египте.

Но как первое французское послание, так и второе английское было встречено националистами холодно и с настороженностью.

Что же касается хедива Тевфика, то он встретил послание лорда Гренвиля с большой радостью и приказал опубликовать его в газете „Аль-Вакаи аль Мисрия". Оно было напечатано под заголовком „Объяснение истинных целей английской политики в Египте".

Но для всех, в особенности для людей, причастных к политике, было ясно, что соглашение между Францией и Англией не было полным, иначе оба министра посоветовались бы друг с другом с тем, чтобы текст этих двух посланий носил согласованный характер. Эти два послания были тем перекрестком, откуда дороги между Англией и Францией пошли по разным направлениям, покуда Франция совсем не устранилась от Египта.

Вскоре (24 ноября) министерство Сент-Илера сменилось министерством Гамбеты. И если цепь незначительных событий следовала друг за другом, то ноябрь месяц прошел в выборах палаты депутатов, созыв которой был наме ен на 5 декабря.

Со времени созыва этой палаты стали выясняться серьезные события, и позиция Англии становилась очевидной,

Остановимся сегодня на этом.

ОЧЕРК 8

(„Аль-Ахрам" от 30 XI 1931 г.)

Люди революции — неопубликованные до сих пор мемуары о них

Главному редактору „Аль-Ахрама"

„Аль-Ахрам" опубликовал некоторые статьи о восстании Араби, в связи с пятидесятилетием этого восстания. Эти статьи читались с увлечением и интересом, и многое из них читатели усвоили, но „Аль-Ахрам" с некоторых дней прервал продолжение этой серии. Есть ли тому причина? Мы хотели бы проследить эту историю день за днем, чтобы сочетать приятное с полезным. Вернетесь ли вы к ним? Ахмед Фахми.

Это письмо получено нами несколько дней тому назад.

После образования министерства Шериф-паши 9 сентября 1881 г. и принятия им требований офицеров и подчинения, с другой стороны, офицеров требованиям правительства о переброске их полков из Каира в провинции Александрию, Дамиэтту и Тель-эль-Кебир, был издан закон о Меджлис-аш-Шура, (о парламенте), который мы уже опубликовали. Затем правительство занялось проведением выборов, и не произошло ничего такого, что заслуживало бы упоминания. Мы уже сказали, что срок созыва палаты был назначен правительством на 26 декабря.

С 4 октября до начала декабря в Египте с виду царило перемирие, и все партии занялись по существу подготовкой равно как в Египте, так и в Европе. Что касается Египта, то Махмуд Сами, военный министр, стал убеждать Шериф-пашу в необходимости вернуть полк Араби-паши из Тель-эль-Кебира в Канатир-аль-Хайрия для того, чтобы последний находился под руками у правительства, так как оставление этого „шаркави" в Шаркии в окружении его близких способствует росту его влияния и силы. Но Шериф-паша уразумел тайное намерение Махмуда Сами и попытался отдалить от себя чашу сию, — он не стал предпринимать ничего ни в октябре, ни в ноябре.

Что же касается держав, то Гамбета, взяв на себя 4 ноября министерство во Франции, имел перед своими глазами направление своего учителя в политике мсье Тьера, сказавшего: „остерегайтесь позволить Египту ускользнуть из ваших рук". Гамбета стал вести переговоры с лордом Гренвилем по поводу двух нот, посланных Египту Англией и Францией, противоречивым по своим текстам, указывавшим тем самым последователям Араби на несогласованность политики этих двух держав.

Это то, что имело место в ноябре, и те из нас, которые следят за последовательным развертыванием хода событий, не хотят здесь предупредить осуществление этих событий; остановимся пока на днях перемирия. А для удовлетворения вопрошающего и ему подобных читателей, которые говорят, что они с увлечением читают про развитие этой борьбы, результатами которой мы живем теперь, для удовлетворения этих читателей приведем самое существенное из мемуаров о лицах, которые играли главную роль в этих событиях. Эти мемуары принадлежат перу американского врача, который был далек от политического пристрастия и который знал Египет и людей его со времени Мохаммеда Али, с 1835 г. до конца эпохи Тевфика. За то, что он писал, ответственность лежит на нем, так как мы теперь не ставим себе задачи исследования им сказанного.

Ахмед Араби родился в одной из деревень провинции Шаркия в крестьянской семье и юношей был взят в солдаты в армию Саид-паши в порядке мобилизации, проводимой как тогда, так и в настоящее время.

Ахмед Араби был одним из тех людей, каких любил Саид-паша: высокого роста (1 м и 80 см), с гармоничными чертами лица, с широким лбом, толстогубый, с округлым подбородком, с лицом, полным решимости и упорства, с чарующими глазами, в которых читаешь думы, мечты, негодование и видишь сосредоточение мысли.

Общительный, спокойный в разговоре, не допускающий горячности, покоряющий собеседника своим спокойствием и приветливостью.

С прямой походкой, легкий в движениях, с уверенным шагом, обладающий звонким и привлекательным голосом. Цейлон изменил внешность Араби, согнул его плечи, он располнел из-за недостатка физкультурных движений.

Араби очень быстро продвинулся в военных чинах и также быстро был лишен их.

Араби был принужден Саидом-пашей оставить армию с сохранением половины содержания и посвятить свое время учебе в Аль-Азхаре, а по истечении трех или четырех лет он вышел оттуда, поражая своих соотечественников знанием корана, его мудрых стихов и толкованием его (корана). Он вернулся в армию в начале эпохи Исмаила, обладая знанием этикета, отличаясь честностью и благочестием, и его встретили всеобщее признание и восхищение. Он женился на дочери аль-Хами-паши, сына Аббаса первого.

Он был сведущ во всем том, что происходило в канцеляриях провинций. Он ненавидел турок, но опасался употреблять слова: „родина и свобода" довольствуясь оплакиванием положения своих соотечественников в отношении к правящей европейской организации, но перед лицом турок знал, как надо себя сдерживать.

Ему была поручена организация транспорта во время Абиссинской экспедиции, откуда он вернулся в чине полковника. Он вступил в тайное общество лишь в 1876 г., а эта организация была образована офицерами, поставившими себе целью спасение отечества, и этот факт (относительно позднее вступление Араби в ватанистскую партию) указывает на его отличительные качества, которые отрицаются теперь теми, кто постоянно поклоняется победе и победителям. Если бы они были правы в том, что он не представлял собой ничего значительного, то возник бы вопрос, как он мог склонить на свою сторону лучших людей страны и лучших из европейцев.

ШЕИХ МОХАММЕД АБДО

Среди тех, кто признавал Ахмеда Араби вождем, был шейх Мохаммед Абдо, человек большой эрудиции в истории и литературе. Он был тем, кого его соотечественники квалифицировали, как „источник знаний и науки".

Этот ученый был независимым, свободомыслящим, и свобода была его нерушимой догмой. Он был красноречивым оратором и выдающимся писателем. Он воспринял от масонства все то, что было в нем из принципов равенства и братства.

'АЛИ АРРУБИ, 'АБД АЛЬ-'АЛЬ, 'АЛИ ФАХМИ И МАХМУД САМИ

'Али Арруби прошел курс Каирской школы и был достаточно образован. К нему примыкает Абд аль-'Аль Абу Хашиши — командир суданского полка. Что же касается 'Али Фахми, то он поднялся из рядов армии, а что касается Таляба и Якуб-Сами, то они были известны своей храбростью и отвагой.

Но единственный человек, который по силе своего влияния мог равняться с Араби, не разделяя, однако, его славы в народе, — это Махмуд Сами аль-Баруди, который был командиром кавалерийского полка. Он достиг того, что при министерстве Нубар-паши, был начальником Каирской полиции и затем в министерстве Риад-паши занимал пост министра вакуфов, а в министерстве Шериф-паши занимал пост военного министра. Потом Махмуд Сами стал во главе кабинета министров, поддерживая Араби и его последователей, и, когда он был сослан на Цейлон, содержание его было установлено в размере 50 ф. ст. в месяц.

ШЕЙХ УЛЕЙШ

Он был крупным ученым Аль-Азхара с уравновешенным умом. Самым крупным его качеством на ряду с приобревшей известность эрудицией его в теологических науках было то, что он знал своих собеседников и владел их умами, благодаря тому, что приноравнивался к уровню их понимания и желаний. И пример тому: когда он стал на путь Араби, то говаривал своим собеседникам, что он видел пророка во сне, который сообщил ему, что Араби будет освободителем Египта и египтян.

АБДАЛЛАХ НАДИМ

При упоминании этих столпов движения Араби, нельзя забыть имя Абдаллаха Надима, выдающегося писателя и оратора масс и знати. В народе о его речах передается, что он повторял сказание, говорящее о том, что спасителем Кенана будет только человек из рода Хасана, потомка пророка, и это как раз соответствует положению Араби. И, с другой стороны, он говорил им, что Ахмед Араби связан родством с династией Мохаммеда-'Али, и таким образом он принадлежит к знатному роду, породнившись путем брака с семьей Аббаса первого сына Мохаммеда-'Али.

В этот рассказ его массы верили и об этом говорили в селениях, деревнях и на рынках.

АРАБИ И ИНОСТРАНЦЫ

Поборниками Араби были не только лишь одни египтяне, но среди его почитателей была и часть иностранцев. Если мы не упоминаем из них мсье

Нини, швейцарца, который был секретарем Араби, то невозможно пренебречь свидетельством де-Лесепса и Блэнта. Первый уважал и почитал Араби, как говорится в его мемуарах, а второй гордился тем, что был в числе его (Араби) друзей, так что в 1885 г. Блэнт предложил вернуть Араби из ссылки на Цейлоне в Египет за тем, чтобы он взял на себя руководство борьбой с суданским Махди и подчинил бы его.

Точно также и барон Рениг, французский генеральный консул в Египте, очень благосклонно относился к Ахмеду Араби и рассказывает, что, когда Араби был в расцвете своей славы, он, придя во французское консульство, сказал барону, что преклоняется перед французской республикой и хотел бы быть республиканским подданным, так как республика это знамя восставших крестьян — это символ свободы, равенства и братства и что эти принципы почерпнуты им из Корана, а не заимствованы из европейских концепций, с которыми он незнаком. Он сказал, что добивается лишь устранения протекционизма и системы привилегий в армии, что он добивается учреждения палаты депутатов с социалистическим оттенком и отказа признать долги, по поводу которых один из членов ватанистской партии писал, что: „по вопросу об этих долгах с народом не советовались, поэтому народ за них не ответственен".

И затем он добавил: „неизбежно, что с этого дня Египет будет Египтом для египтян".

ОЧЕРК 9

(„Аль-Ахрам" от 1 XII 1931 г.)

В предыдущем изложении, посвященном пятидесятилетию восстания Араби, мы подошли к тому моменту, когда был издан указ о выборах палаты депутатов. Мы отметили, что между хедивом и офицерами и их сторонниками существовало тогда перемирие, заключенное английским востоковедом, известным Блэнтом, который убедил офицеров и тех, кто их поддерживал, в том, чтобы они потребовали у будущей палаты утверждения бюджета и увеличения численности армии с тем, чтобы офицеры, уволенные в запас, получили опять работу.

Во время этого перемирия мистер Блэнт занялся составлением декларации требований националистов в духе английского восприятия.

В своих мемуарах он заявил, что сделал это с согласия английского консула сэра Эдуарда Малета.

Когда он закончил эту декларацию, или, как он назвал ее, программу национальной партии, то представил ее шейху Мохаммеду Абдо и вождям националистов, те же просмотрели ее, исправили, и Блэнт послал ее (программу) Гладстону, бывшему в то время премьер-министром, и в газету „Таймс", которая напечатала эту программу в газете от 1 января 1882 г. вместе с ответом на нее Гладстона.

До того, как эта политическая программа была напечатана в „Таймсе", между мистером Блэнтом и сэром Малетом возникли разногласия, так как сэр Малет возражал против некоторых выражений и настаивал на некоторых исправлениях. Потребовался известный промежуток времени, чтобы покончить с этими пререканиями. Это и послужило причиной, обусловившей запоздалое

опубликование этой программы, затянувшееся с первых чисел декабря до первых чисел января.

После изменений, которые внес Малет в программу, составленную при посредстве мистера Блэнта, первый (т. е. Малет) писал своему правительству в Лондон, что он крайне благодарен Блэнту и что „он (Блэнт) был главным моим помощником", и „возможно, что Блэнг сослужит мне большую, важную службу в будущем".

Из того, что можно почерпнуть из английской Голубой книги, следует, что сэр Малет был совершенно уверен в невозможности приостановить дальнейшее развитие движения и пытался направить его на путь мудрости и благоразумия. И в этом секрет того, что он (Малет) опирался на поддержку мистера Блэнта, так как у последнего были прочные связи с националистами.

Что касается тех, кто считает, что сама Англия вызвала восстание, чтобы таким образом в результате дело дошло до захвата Египта, то они найдут в этом решающий аргумент и убедительный довод.

1881 год завершился ноябрьскими событиями, уже изложенными нами, но семена этого года дали ростки и созрели в декабре этого года, пока все это, наконец, не завершилось кровавым восстанием и английской оккупацией в июле. Это восстание, как сказал французский премьер-министр Фрейсинэ, было плодом политики, которой следовали на протяжении ряда лет, а особенно благодаря политике, начавшей проводиться с 1876 г., т. е. момента, когда очень усилился нажим Европы на Египет из-за долгов и когда был установлен двойственный контроль (англо-французский) и были назначены министры-европейцы, парализовавшие ватанистское правительство, вызвавшие гнев египтян, гнев, пробудивший сознание собственного достоинства и сознание своих интересов.

Было два одновременно действовавших фактора разрушения, которые привели к этому результату:

Первое — это самоуверенное поведение иностранцев, их чрезвычайно частое вмешательство в дела Египта, его управление, пока это не вызвало гнев националистов и дало в руки повстанцев неопровержимый довод.

И второе — это ослабление власти хедива, из-за низложения Исмаила и все возраставшей слабости хедива Тевфик-паши.

Не могло быть иного целительного средства, кроме полного соглашения великих держав и объявления ими о единстве их воли, но вместо этого они (великие державы) оставили положение вещей на усмотрение лишь Англии и Франции, а намерения этих двух держав не были полностью согласованными. Повстанцы знали это и опирались на эти противоречия в своем бунте и восстании.

Повстанцы пренебрегли властью своего правительства после того, что они сделали, а с них не спросили отчета и не подвергли наказанию. Державы в силу этого выжидали такого осложнения положения, при котором хедив оказался бы уже не в состоянии найти выход и когда кому-нибудь пришла бы мысль уполномочить какое-нибудь государство взять на себя задачу упорядочения дел, подавления революции в Египте, подобно тому, как Франция поступила с Сирией в 1860 г.

Поэтому правительство Италии послало своему послу в Лондоне сеньору Мансинини письмо, в котором говорилось о полном согласии с Англией во всем

том, что было изложено ею в меморандуме от 4 ноября, направленном ее консулу в Египте, — меморандуме, опубликованном в газете „Аль Вакаи Аль Мисрия" от 15 ноября и содержание которого сводилось к тому, что правительство Англии не желает для свободного Египта ничего, кроме успеха и прогресса в той мере, в какой это предусмотрено фирманами султана, и что она считает те узы, которыми Египет связан с Портой, органическими и естественными, предохраняющими Египет от какого бы то ни было явного или тайного иностранного вмешательства и что Англия не хочет поддерживать министерства и министров, лишь склоняющихся на ее сторону, но единственное, что вынуждает ее (Англию) к вмешательству в египетские дела, — это анархия в Египте".

Это то, что в меморандуме Англии Италия одобрила, но она заметила, что действительность теперь в Египте есть результат нарушения системы двойственного контроля и что проект реформ вырастет быстро на основе еще большей прочности, если привлекут к участию Италию, так как это придаст устремлениям держав оттенок незаинтересованности и бескорыстия.

3 декабря итальянский посол представил английскому правительству другой меморандум, в котором повторял требование об участии Италии совместно с Францией и Англией в разрешении египетской проблемы, так как Италия не видела для себя меньше оснований для этого, чем Франция. Англия постаралась уклониться от принятия этого требования.

4 ноября был издан указ хедива о выборах членов палаты депутатов на основе избирательного закона от 1866 г., предусмотренного разделом 7-м конституции, согласно которому омды и шейхи собираются в провинциальных центрах для выбора депутатов. Что же касается Каира, Александрии и Дамиэтты, то в этих городах выборы должны были производиться знатью и нотаблями.

Аль-Азхару принадлежала значительная роль в исходе выборов — шейхи Аль-Азхара присоединились к ватанистам. Победа ватанистским кандидатам была обеспечена по многим причинам. Главной основой, обеспечившей победу ватанистам, был средний класс населения, т. е. омды и шейхи, которые были в сильном негодовании из-за отмены закона мукабалы, о чем мы говорили уже раньше.

Мукабала — это закон о выкупе половины ежегодной земельной подати при условии уплаты землевладельцами большой суммы налога единовременно. Сумма, уплаченная владельцами земельных участков, определялась в цифре 17 млн., но закон о ликвидации сумму их претензий определил лишь в 15 000 ф. ст. в год, выплата которых должна была производиться на протяжении 50 лет, начиная с 6 января 1880 г.

Второе, что обеспечило успех националистов на выборах, это победа ватанистов в демонстрации 1 февраля, смысл которой в общих чертах сводится к следующему: военный министр отстранил от работы полковника Абд-аль-Гаффара, начальника кавалерии. Тогда группа офицеров отправилась к Риад-паше, премьер-министру, потребовала от него отставки военного министра. Риад-паша предал их суду, но два полка ворвались в Нильский дворец и спасли делегацию офицеров. Офицеры потребовали отставки военного министра и назначения вместо него Махмуда Сами-аль-Баруди. Последний и был назначен на этот пост.

Затем следует победа националистов в результате демонстрации 9 сентября, когда они собрали армию перед Абдинским дворцом и потребовали отставки Риад-паши, созыва парламента и увеличения армии, чего они тоже достигли. И это после того, как три офицера были преданы суду, как мы упоминали об этом подробно в предыдущем номере.

Ко всему вышеизложенному надо еще добавить благосклонность провинциальной администрации к националистам, продемонстрировавшим свою силу и влияние.

В декабре был опубликован указ хедива о назначении Султан-паши председателем палаты депутатов, а Сулейман паши-Абаза его заместителем.

Когда выяснились результаты выборов, Араби обратился к Махмуду Сами, настаивая на отставке министерства, с тем, чтобы было образовано новое министерство, соответствующее парламентскому большинству, как это делается в Европе, но его просили подождать с этим до созыва палаты депутатов.

Первое заседание палаты состоялось 26 декабря, т. е. спустя три дня после установленного для созыва палаты срока. Это заседание было секретным, публика знакомилась с ним по протоколам и отчету, опубликованным в официальной газете. Эти протоколы не отражали действительно происходившего на этом заседании.

В тронной речи депутаты побуждались к умеренности и уважению международных обязательств, взятых на себя Египтом. Хедив заверял в своей тронной речи, что он хотел созвать парламент с самого начала своего вступления на престол.

На первом же заседании, последовавшем за открытием сессии палаты депутатов, Шериф-паша произнес пространную речь и представил проект основного закона — конституции. Этот проект не удовлетворил националистов из-за того, что давал право совету министров издавать законы, не оставляя за палатой права санкционирования их.

Что же касается ответственности министерства, то оно предусматривалось лишь в той мере, в какой правительством затрагиваются права палаты. Палате предоставлялось право контроля над деятельностью чиновников, право изучения бюджета, за исключением лишь того, что затрагивает новые соглашения, закон о ликвидации, суверенитет Порты и дань ей.

В случае же наличия разногласий между палатой и министерством, хедиву предоставлялось право роспуска парламента и созыва новой палаты по истечении 4 месяцев со времени роспуска старой. Постановления нового парламента получали силу закона. Длительность сессии палаты была установлена в 3 месяца, включая и время, необходимое для созыва ее. Срок депутатских полномочий предусматривался в 4 года, а вознаграждение депутата в 100 ф. ст.

Шериф-паша обещал парламенту представить два других проекта: один об учреждении палаты депутатов, а другой — проект избирательного закона. Завтра мы увидим, как все это было встречено, но теперь скажем только, что созыв палаты депутатов был первой искрой революции.

ОЧЕРК 13

(„Аль-Ахрам“ от 6 XII 1931 г.)

Присоединение к ватанистскому движению новых элементов. Отравление Абдаль-'Аля. Пожалование новых чинов офицерам. Аннулирование европейского господства. Нарушение общественной безопасности. Административная высылка и бедуины.

Ватанистское движение в это время было в ореоле славы и шло по пути побед, но новые сторонники, которые стали примыкать к движению поставили вопрос в плоскость либо победы над Европой, либо поражения. В то время возросло число ораторов, и важнейший из них известный — это Абдаллах Надим, издатель газеты „Ат-Таиф“. Вследствие этого страна начала кипеть, как в котле.

Поэтому французский консул высказывался пессимистически на-счет результатов.

Английский консул писал, что двойственный контроль стал теперь лишь формой, лишенной какого бы то ни было содержания и что разрешение проблемы с этих пор только лишь политическими путями становится невозможным.

Все великие державы после всего этого стали выжидать дальнейшего развития событий, потому что было бы неразумно думать, что положение останется или будет развиваться и дальше в таком же духе, в особенности после того, как офицеры и ватанистская партия стали жаловаться и роптать на Махмуда Сами аль-Баруди, которого они избрали председателем министерства. Это из-за того, что он не смел одним ударом уничтожить господство европейцев. Свои надежды они связывали с Араби и стали открыто требовать отставки Махмуда Сами и замены его Араби.

Перед лицом такого положения Англия и Франция заняли выжидательную позицию, и каждая из них писала своим консулам, что они опасаются вмешательства и наступательных действий и поэтому становятся на путь предосторожности и благосклонного отношения ко всякому правительству, уважающему международные обязательства и обеспечивающему общественную безопасность.

В то время как публика и в Египте и в Европе исходила из этого, вдруг случилось неожиданное происшествие, которое привлекло всеобщее внимание и послужило фактором, отвлекающим от политики, от министерского кризиса, фактором, направившим внимание и устремления публики в новое русло.

А это событие заключалось в том, что 10 марта 1882 г. во всех египетских кругах разнесся слух о том, что преступная рука подбросила яд в стакан полковника Абдаль-'Аля Абу Хашиши и что он спасся только благодаря бдительности своего слуги. Националисты подняли шум и крики и даже обвиняли хедива и его приближенных в том, что те строят злые козни против носителей идеи возрождения и ватанистского движения. Людям как большим, так и малым не оставалось никаких других тем для разговоров, как о заговорах.

Многие историки, писавшие о восстании Араби, думали, что это преступление — отравление Абд аль-'Аля было выдумано националистами, чтобы оказать давление на хедива Тевфика и вызвать возбуждение в армии. Но это дело не было выдумано, а действительно имело место. Это преступление совершил юноша, которому Абд аль-'Аль приходился опекуном, управлявшим крупным

наследством его отца. Имя этого юноши Мохаммед Хасби. Он был судим 14 ноября 1882 г. за свое преступление, а Абд аль-'Аль был в это время у него в военной тюрьме. Суд постановил выслать М. Хасби на Белый Нил и назначил ему другого опекуна вместо Абд аль-'Аля, а последний передал новому опекуну сумму в 3000 ф. ст., т. е. сумму, которая оставалась за ним. Офицеры использовали это событие, чтобы вырвать у хедива высокие чины для них и своих друзей. Это, вопреки высочайшему указу, изданному 22 сентября 1881 г., в соответствии с которым и на основании постановления комиссии военного министерства, требовалось, чтобы каждый чин выше чина юзбаши давался только после испытания. Это ограничение в военных чинах было моментом, дававшим себя чувствовать в демонстрации 9 сентября 1881 г., демонстрации, о которой мы уже говорили раньше и которая была организована вожаками офицерства из-за того, что правительство производило в высшие чины офицеров-черкесов, а не их, хотя черкесы того вовсе не заслуживали.

Большинство из тех, что должны были по условиям подвергаться экзаменам для получения чина, на экзамены не явилось. Когда после происшествия с Абд аль-'Алем офицеры потребовали для себя и своих друзей чинов, то хедив и военный министр им ответили, что это невозможно, так как это было бы нарушением закона.

Араби сказал, что подобные люди вполне заслуживают и достойны повышения, а испытания будут для них лишними.

Это не убедило Тевфик-пашу, но, опасаясь шумного финала дела с отравлением полковника Абд аль-'Аля, опасаясь нового военного путча, он издал указ о возведении в соответствующие ранги офицеров, о которых ставил вопрос Араби.

15 марта официоз опубликовал о производстве Араби, Абд аль-'Аля, 'Али Фахми, Талябы Исмета, Махмуда Фахми и Якуба Сами в чин бригадного генерала, и они стали пашами, а также о производстве 6 офицеров в полковники и 15 офицеров в чин подполковника (бимбаши).

Все эти офицеры были генеральным штабом восставшего офицерства, но и мелкое офицерство не было обойдено, так что повышение коснулось 520 офицеров и потребовало расширения бюджета на 1882 г. на сумму в 100 000 ф. ст.

Когда стало известно об этом офицерском производстве, то слушатели военного училища, происходящие из черкес (а мы уже отметили, что черкесом именовался каждый иностранец, происходивший из турок, черкесов и албанцев), написали письмо, говоря в нем, что они готовы соревноваться со всеми ими и держать экзамены на ряду даже с генералитетом. Александрийская газета опубликовала их письмо, а мсье де-Блиньер заверил корреспондента „Дейли Ньюс", что некоторые из них (вновь произведенных) не умеют ни читать ни писать и что цель этой сделки — заполучение их в качестве активных последователей вождей революции и что им недостаточно военных постов, что они продвигают своих друзей даже на административные посты (двое из их среды были назначены губернаторами Асны и Аль-Фаюма и вице-губернаторами в Гарбию, Мануфию, Дакахлию, Асму и один генерал-губернатором Александрии).

Что же касается солдат, то повышения их не коснулись, и довольствие их не увеличилось, но им было дано почувствовать себя господами положения, и им давали все, что они хотели и что их удовлетворяло.

Все это усилило неприязнь между черкесскими и египетскими офицерами, так что между ними произошло то, о чем будет упомянуто в свое время.

После принятия основного закона и опубликования его, в чем с точки зрения националистов и заключалось важнейшее значение палаты депутатов, после этого сохранение ее расценивалось лишь как гарантия против возможного давления на министерство со стороны Европы и как сохранение видимости парламентаризма.

Свидетельство тому тот факт, что проекты, которые готовили для внесения в палату, клались Махмудом Сами под сукно. Общественное мнение отвлекли запретом, наложенным на балы и маскарады под тем предлогом, что некоторые мусульманки переодеваются в западные костюмы и посещают эти места. Араби даже лично в сопровождении нескольких солдат отправился в жилище одной из принцесс и поставил солдата у дверей ее дома, под тем предлогом, что он узнал о том, что она переодевается в костюм домино. Побудила их к этому потребность в том, чтобы возбудить народ и побудить его стать на их сторону. Этого нельзя было добиться никаким иным путем, как только путем уничтожения европейского господства.

Проекты, которые решено было представить на рассмотрение палаты (проект избирательного закона и проект конституции), были отложены на следующий год.

Палата занималась двумя вопросами: первое, — работой землемерного ведомства, и второе — деятельностью санитарного управления, карантинов и работой таможенного управления, потому что им заведывал англичанин. На санитарное управление — карантин жаловались потому, что паломников стесняли осмотры, дезинфекции и контроль. Что же касается жалоб на землемерное бюро, которое было учреждено для того, чтобы, измерив сначала земельный участок, затем установить налоги на справедливой основе, то эти жалобы сводились к тому, что землемерное бюро несправедливо устанавливает оценки земель знати.

Дело закончилось образованием комиссии для расследования действий землемерного ведомства. Председателем этой комиссии был назначен французский инженер Лязум-паша. Затем палата обрушилась на таможенное управление. Во главе его стоял англичанин мистер Кайяр. В комиссию, образованную для обследования таможни, английским консулом Малетом был введен один из его соотечественников для контроля. Но все купечество встало на поддержку мистера Кайяра, и обследование не дало никаких результатов.

Затем было постановлено упразднить статистическое бюро потому, что им управлял Амиши-бек, итальянец. Палата также хотела аннулировать управление домэнами, заложенными Ротшильдом, потому что выявился дефицит в бюджете этого ведомства, который достиг суммы в 5 млн. фр. Но министры поправили дело, потому что игра с финансистами могла быть чревата еще большей опасностью, нежели игра с политиками, в особенности, если иметь дела с такими финансистами как Ротшильды и их друзья.

Правительство выдавало субсидию плантациям, размер которой достиг 250 000 фр. Комиссия парламента изъяла эту расходную статью из бюджета. Заслуживает еще упоминания вследствии его странности тот факт, что количество депутатов, согласно закону, было установлено в 75 чел., между тем как депутатское вознаграждение выплачивалось 80 чел., но правительство не видело

необходимости в расследовании этого дела или обсуждении его, так как обстоятельства не благоприятствовали этому.

Случаи нападений и насилий в провинциях очень участились, и глава министерства вместе с министром внутренних дел дали указания губернаторам арестовывать и высылать без суда и следствия каждого злоумышленника, в зловредности которого они убеждены.

Итак, бразды правления начали ускользать из рук правительства, так что когда министерство хотело выставить некоторых на посты губернаторов, то те отказывались, так как авторитет правителя уже значительно упал, утратив свою значимость.

Беспокойство правительства особенно возросло из-за бедуинских племен, которые отказывались подчиняться закону о наборе рекрутов, положению о трудовой повинности (corvée) и закону о налогах — все это под предлогом того, что они, как бедуины, находятся на особом положении. Бедуины хотели стать на сторону хедива против правительства, в чем им было отказано. Это осложненное положение еще усугубилось событиями в Судане, но не только лишь из-за восстания Махди, но и из-за посягательств абиссинцев на египетские земли и из-за занятия Италией места компании Рубатино на Асабском заливе и претензий Италии на владение большими земельными пространствами за этим заливом под тем предлогом, что она (эта земля) принадлежит ей.

Необходимо подчеркнуть, что министерство мало уделяло внимания Судану и побережью Красного моря.

ОЧЕРК 14[1]

(„Аль-Ахрам" от 9 XII 1931 г.)

11 апреля по всей стране разнеслись слухи о том, что Араби и его товарищи чудеснейшим образом спаслись от кинжалов убийц. Говорили, что убийцы — это черкесские офицеры, которые устроили засаду героям-националистам для того, чтобы их уничтожить, но один из них, почувствовав угрызения совести, довел до сведения Араби о строящихся против них кознях. Араби укрылся под защиту солдат Абдинских казарм. 15 апреля газета „Аль-Махруса" писала, что военные патрули, отправившиеся на розыски заговорщиков, нашли их сидевшими в засаде в тех местах, которые им были указаны человеком, разгласившим их тайну. К этой версии склонялся и мистер Блэнт при рассказе об этом событии.

Некоторые консулы отправились к Араби поздравить его, такие поздравления поступали со всех сторон.

Но французский и английский консулы не поверили в эту версию. Каждый из них в донесении своему правительству описывал этот заговор, как вымышленный и надуманный в виду того, что между офицерами-ватанистами и офицерами-черкесами существует вражда и неприязнь и что эта вражда давнего происхождения.

---

[1] Очерк 14 переведен лишь в той части, в которой дано описание черкесского заговора, освещение которого любопытно для характеристики позиций самого Баракатсае. *Х. К.*

При Ибрагиме командование армией было в руках офицеров-черкесов, т. е. турок, курдов и алабанцев; когда же к власти пришел Саид-паша (1854—1863), то он обратил внимание на то, что эти последние стали монополизировать государственные посты, бюджет и вакуфы. Тогда Саид-паша приказал считать официальным языком правительственных учреждений арабский язык, а не турецкий и назначать туземцев на высшие административные должности и в командный состав армии. С этого времени туземцы стали занимать места черкесов, так что даже демонстрация ватанистских офицеров 11 февраля 1881 г. послала делегацию к Риад-паше с жалобой на отстранение полковника Абдаль-Гаффара, командира кавалерии и замену его офицером-черкесом и требовала отставки военного министра. Когда 15 марта большое число ватанистских офицеров было повышено в чинах, то это повышение не коснулось ни одного офицера-черкеса; это вызвало ропот среди черкесов, и их недовольство еще больше усилилось из-за посылки большой группы из них в восставший Судан.

Когда в мае был издан указ о посылке группы офицеров-черкесов на Белый Нил, то они собрались с тем, чтобы написать петицию с требованием изменить место их переброски. В то время как они обсуждали текст этой петиции, один из них положил руку на рукоятку своего револьвера и сказал: „лишь этим одним надо разговаривать с Араби". Офицер, в доме которого происходило это собрание, передал это высказывание Араби и то, что он сам и его товарищи чувствовали. Начались аресты офицеров-черкесов без счета и разбора. Был учрежден военный трибунал для суда над ними. Членами этого суда были Абд аль-'Аль, 'Али Фахми, Таляба, 'Али ар-Руби, — а это те, которым заговорщики прежде всего желали зла.

Обвиняемые подозревались в том, что они замышляли убийство Араби и некоторых его товарищей, членов этого военного трибунала, учрежденного для суда над ними.

Обвинение, подобное этому, было снято возражениями судей, но судьи это не опротестовали и устроили секретное судебное разбирательство, на котором однако присутствовал Араби.

На 17 апреля, как это сообщалось в то время в „Аль-Ахраме", был назначен суд, и некоторые из обвиняемых стали признаваться. Полиция стала производить новые аресты, и тогда среди вновь арестованных оказался Осман Рифки-паша, бывший в дни Риад-паши военным министром, предавшим Араби и его товарищей военному суду в Нильском дворце. Осман Рифки-паша был вместе с другими крупными офицерами посажен в тюрьму по подозрению в заговоре, направленном к возвращению в Египет Исмаила-паши. Подозревалось, что подстрекателем тому был сирдар Ратиб-паша, который оставаясь на службе у Исмаила-паши, провел некоторое время в Египте, а затем возвратился в Неаполь — местопребывание своего господина. Заключенные подвергались в тюрьме пыткам, и европейская печать по этому поводу повела большую компанию против правительства и офицеров.

Газеты получили предупреждение суда и были затем после предостережения закрыты.

Турция попыталась вмешаться и послала хедиву телеграмму с требованием ускорить суд над подсудимыми, потому что чин Осману Рифки был пожалован султаном.

30 апреля военный суд вынес свой приговор, а бюро печати на следующий день опубликовало сообщение под заголовком: „Приговор над офицерами-черкесами, участвовавшими в заговоре против Араби-паши".

По этому приговору 40 офицеров, и Осман Рифки-паша в том числе, были приговорены к лишению военных чинов и к пожизненной ссылке в Судан.

К тому же самому наказанию были приговорены заочно сирдар Ратиб-паша и двое штатских, а пять штатских было предано гражданскому суду. Приговор далее гласил: „Просить хедива и его правительство изучить вопрос о выплате содержания бывшему хедиву Исмаилу, учитывая его подстрекательскую роль в заговоре".

Со стороны европейцев к опубликованному приговору проявились сильнейшее негодование и порицание, так что Мустафа Фахми, министр иностранных дел, был даже вынужден поскорей встретиться с французским и английским консулами, чтобы извиниться в допущенной ошибке опубликования приговора до утверждения его хедивом. Мустафа Фахми заявил, что текст приговора, опубликованный бюро печати, расходится с подлинником приговора, что в последнем не упоминается, что заговор был направлен против Араби и что в нем не имеется никакого указания на отмену в близком или далеком будущем установленного содержания хедива Исмаила.

Но консулы, слушавшие извинения, знали правду, заключавшуюся в том, что теми же, кто писал постановление — 'Али ар-Руби — сверх того, что было опубликовано бюро печати, еще был отдан приказ коменданту Каира взять под надзор больше чем 300 подозреваемых офицеров-черкесов. Это следует из того, что консулы писали об этом своим правительствам. Когда 2 мая Тевфик-паша попросил совета у французского и английского консулов насчет того, как поступить с приговором, то советы их оказались противоречивыми.

Английский консул советовал отменить приговор, потому что судебный разбор носил секретный характер и потому что ни один представитель защиты не присутствовал на суде.

Что же касается французского консула, то он советовал воспользоваться своим правом помилования после того, как политические причины отпали.

Что же касается других консулов, то они воздерживались от высказывания своего мнения, потому что не получили инструкций от своих правительств. В виду своей уверенности в невиновности подсудимых хедив колебался между голосом своей совести, которая не позволяла ему оставить приговор в силе, и своею слабостью, которая мешала ему противопоставить себя повстанцам и оказать им сопротивление.

5 мая хедив поставил в известность председателя совета министров о получении им телеграммы от Порты о передаче дела на разрешение в Константинополь, потому что среди подсудимых имеется бригадный генерал, право судить которого принадлежит лишь Порте. Тевфик-паша ответил телеграммой, в которой указал, что он передаст это дело Порте после предварительного просмотра его с своей стороны. Этот ответ Тевфик-паши рассердил министров, потому что тем самым Тевфик-паша вмешивал Турцию в египетские дела.

После того как министры посовещались между собой по этому делу, Махмуд Сами и Араби вернулись к хедиву и потребовали от него, что бы он приговор о высылке заменил приговором об исключении имен подсудимых из вой-

сковых списков. Вслед за тем прибыла другая телеграмма от Порты, настаивавшая на пересылке ей дел по обвинению офицеров-черкесов.

Тогда хедив собрал всех консулов, чтобы посоветоваться с ними.

Консулы Германии, Австрии, Италии и России не дали никакого совета, а английский консул советовал амнистировать осужденных, французский же консул советовал ограничиться простым исключением офицеров-черкесов из состава армии, что хедив и сделал. Но это также вызвало гнев министерства, потому что хедив действовал в соответствии с мнениями иностранцев, хотя это в то же время было и мнением министерства.

ОЧЕРК 15

(„Аль-Ахрам" от 10 XII 1931 г.)

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

Усиление борьбы между ватанистами и хедивом! Призыв совета палаты депутатов собраться без согласия на то хедива. Хедив отвергает созыв сессии. Аль-Баруди объявляет, что он не признает власти хедива. Араби предлагает объявить хедивом Аббаса Хильми. Комендант крепости отказывается подчиниться приказу Араби и направить орудия на Каир. Раскол в армии. Отставка Махмуда Сами. Вмешательство Порты.

Хедив издал приказ об отстранении от службы в армии офицеров-черкесов, обвиняя их в покушении на Араби и его сторонников, приказ о простом только отстранении, соответственно с советом, данным ему французским консулом, как мы уже сказали об этом вчера. С изданием этого указа негодование националистов усилилось, потому, что тем самым хедив допустил вмешательство иностранцев во внутренние дела управления страной и потому, что он подписал указ, помимо решения по этому поводу совета министров, хотя он, и действовал в соответствии с мнением палаты депутатов в отношении изменения порядка управления. Консул Франции в телеграммах, посылаемых своему правительству, приписывал гнев ватанистов недовольству их тем, что влияние иностранцев продолжало все сказываться.

Сэр Малет приписывал гнев ватанистов их чрезвычайному недовольству своими противниками (черкесами), стремящимися вытеснить их (ватанистов) из армии. А ватанисты уже имели запятнанную репутацию и честь.

Ватанисты использовали факт подписания высочайшего указа до санкционирования текста его министрами, чтобы открыто выразить свой гнев. Вечером в день издания высочайшего указа Махмуд Сами отправился во дворец и, войдя к хедиву, демонстративно бросил на стул перед ним копию указа и потребовал от хедива изменения его, соответственно с мнениями, высказанными советом министров. Хедив отказался принять это требование. Это рассердило М. Сами, и он стал угрожать, выразив свои опасения, как бы иностранцы не стали жертвами этой политики. Хедив попросил его удалиться и пригласил тотчас же консулов держав, изложив им случившееся. Это событие встревожило консулов, и все они потребовали от французского и английского консулов посредничества перед премьер-министром для того, чтобы восстановить прежнее положение.

Оба консула начали разыскивать премьера и нашли его на банкете, устроенном повстанцами. Но беседа не была удовлетворительной, потому что Махмуд Сами квалифицировал хедива как лжеца и отрицал то, о чем рассказал хедив консулам. Когда консулы спросили Сами, угрожает ли опасность жизни хедива и трону его, то ответ его содержал указание на загадочность будущего. Будучи же выведен из себя поставленными ему вопросами, он заявил им, что власть хедива будет в безопасности до тех пор, пока остается на посту нынешнее министерство. Консулы поняли, что он угрожает. После ухода консулов министры собрались на заседание, которое было очень бурным. Араби произнес речь, с горячностью нападая чрезвычайно сильно на правящую династию от начала ее воцарения до настоящего дня. Содержание его речи передано в свидетельстве Ахмед-Бека Руфа'ата, бывшего секретарем совета министров, в свидетельстве его перед трибуналом, судившем сторонников Араби. Этот свидетель сказал, что эта речь Араби трижды подвергалась изменению, после произнесения ее, для того чтобы ослабить резкость ее, но так и не смогли довести ее до сведения хедива, несмотря на многочисленные исправления.

В заключение своей речи Араби предложил созвать палату депутатов немедленно, так как она наиболее способна отстоять силу общественного мнения при слабости и нерешительности хедива.

Но так как по конституции право созыва палаты депутатов оставалось за хедивом, то умеренные из министров проявили некоторое противодействие тому, чтобы поступать незаконным путем, но крайние продиктовали свою волю и другие им подчинились. Махмуд Фахми произнес пламенную речь, требуя в ней срочной рассылки телеграмм по провинциям для созыва в Каире палаты депутатов. Но, чтобы успокоить державы, министерство разослало и другие телеграммы по провинциям, возлагающие на губернаторов и генерал-губернаторов ответственность за поддержание общественной безопасности и порядка.

15 мая состоялась встреча Махмуда Сами-паши с консулами, во время которой он прочитал им следующую декларацию: „Совет министров, увидев, что соглашение с хедивом становится невозможным, а отставка министерства в настоящее время немыслима, постановил созвать в ближайшее время палату депутатов, на обязанности которой будет наметить и провести мероприятия, гарантирующие целостность и благополучие нации. Министерство внесет на рассмотрение палаты все виды жалоб на образ действий хедива, жалоб со стороны знати, в особенности насчет того большого деяния, которое хедив совершил без совещания с советом министров и смысл которого — подчинение и уступка Порте.

Однако палата депутатов гарантирует категорическим образом общественную безопасность, даже в случае вмешательства Турции". Прочитав, Махмуд Сами вслед за этим передал эту декларацию консулам, сказав: „С этого дня я не буду встречаться с хедивом Тевфик-пашой". Консулов охватило состояние большой растерянности, и французский консул послал своему правительству телеграмму, говоря в ней: „Мы теперь имеем перед собой революционное правительство, и низложение хедива является делом несомненным". И в действительности правительственные агенты повсюду распространяли, что палата депутатов соберется 13 мая не иначе как для того, чтобы низложить хедива. Даже сами министры высказывались в таком же духе намеками или открыто. Из того, что можно почерпнуть из свидетельств Ахмед Бека Руфа'ата, Махмуда

эфенди Та'афи, мсье Галюа, из их свидетельства перед военным трибуналом, судившим вождей восстания, следует, что Махмуд Фахми перед каждым слушателем повторял, что хедиву не остается ничего другого, как взять свои вещи и отправиться на жительство в гостиницу Шеферда, подобно всякому иному иностранцу.

В разговорах престол трактовался как вакантное место, так что даже одна группа выставила кандидатом на престол эмира Абд эль-Халима — сына Мохаммеда-'Али, который на ряду с эмиром Фадыль-пашей, сыном Ибрагим-паши, и братом хедива Исмаил-паши в свое время были лишены права престолонаследования в результате изменения Исмаилом закона об этом, изменения, определенного фирманом султана и предусматривающего переход права наследования от старших по возрасту эмиров из династии Мохаммед-'Али к старшему из сыновей хедива.

Сестра хедива — Зейнаб при посредничестве агента эмира Абд эль-Халима Осман-паши Февзи и одного из друзей повстанцев Саида Хасан Муса аль Аккад начала агитировать за эмира Абд эль-Халима. В Каире стали собираться подписи в правительственных учреждениях к составленной петиции, адресованной Порте, в которой требовалось назначение Халима-паши. Факт составления петиции удовлетворял Махмуда Сами, как это можно заключить со слов Махмуда Сами, Махмуда Садика, Махмуда Фахми, Араби, Рагиба, Сулеймана Сами и мсье Нине, со слов их перед военным трибуналом. Но мсье Сенкевич, французский консул, в своих телеграммах, посланных им в то время министерству иностранных дел, говорит, что Араби не интересовался этим, а занимался собиранием улик против Тевфик-паши, чтобы предать его суду, и призывал своих друзей к тому, чтобы Тевфика заместил сын его Аббас, бывший тогда совсем еще ребенком. Таким образом достигалась бы широкая возможность для Араби быть фактическим регентом и опекуном хедивата. Депутаты прибыли в Каир. Араби и Махмуд Сами начали обрабатывать мнения депутатов в желательном для них (Араби и Сами) направлении, но выяснилось, что депутаты не в их руках, как это им раньше казалось. В особенности председатель палаты Султан-паша, который имел большое влияние на своих коллег-депутатов. Когда депутаты собрались у Махмуда Сами для обсуждения создавшегося положения вещей, то между ними (ватанистами) и Султан-пашой возник очень горячий спор, который закончился затем соглашением на том, что палата депутатов будет требовать от хедива санкционирования созыва парламента и что после парламент установит твердый регламент, определяющий границы власти хедива и пределы компетенции совета министров. Араби добился добавления в это соглашение, предусматривающее, что, в случае упорной опозиции Тевфик-паши и настойчивости его в этом (оппозиции), за парламентом сохраняется право низложения хедива.

Утром 13 мая депутаты собрались в доме своего председателя (Султан-паши), где Махмуд Сами обратился к ним с перечислением жалоб на хедива. С горячей и сильной речью выступил Араби. Ссылаясь на выдержки из речи Фрейсинэ, главы французского министерства, произнесенной им перед палатой депутатов, Араби говорил, что можно будет опереться на Францию, и заключил свое слово предложением назначить эмира Аббаса хедивом, с опекунским советом над ним парламента,

После этого была избрана делегация для того, чтобы отправиться к хедиву с требованием санкционировать акт созыва палаты депутатов.

А в четвертом часу был созван совет министров в министерстве внутренних дел для заслушания результата миссии посланной к хедиву делегации, санкционировать созыв парламента. Делегация возвратилась, сообщив категорический отказ хедива санкционировать созыв парламента. Подобной решительности со стороны хедива не ожидали. У министров, не знающих, что предпринять, руки опустились. Они продолжали совещаться по этому поводу с палатой депутатов, а Султан-паша объявил, что миссия палаты депутатов закончена, а они не знали, что делать.

Но первое, что пришло в голову некоторым из них, — это обратиться с просьбой о прощении; малодушные делали предложения, подсказанные отчаянием и безнадежностью. Образ действий армии сдерживал их в осуществлении их намерений, и, кроме того, они не были единодушны. Араби приказал коменданту крепости направить жерла орудий на город, но комендант отказался подчиниться его приказу.

В этот же самый день Порта довела до сведения Тевфик-паши и министров о том, что она теперь занята проведением реформ в Анатолии, и поэтому хедив и министры обязаны сами притти к соглашению.

Все это заставило Махмуда Сами опустить руки, и он поручил Султан-паше передать хедиву его просьбу об отставке.

ОЧЕРК 16

(„Аль-Ахрам“ от 11 XII 1931 г.)

Хедив прощает министров. Поездка офицеров-черкесов. Посылка французского и английского флотов в Египет. Политические треволнения в международных политических сферах. Гнев Порты и властей. Готовность египетской армии.

Когда кризис усилился и усилились разногласия между хедивом и министрами его правительства, Махмуд Сами аль-Баруди потребовал от Султан-паши, председателя парламента, чтобы тот передал хедиву его заявление об отставке. Когда Султан-паша передал эту просьбу, то стали раздумывать, кто бы мог заменить Махмуда Сами, и мнения всех сошлись на Мустафе Фахми-паше, который стоял во главе министерства иностранных дел.

А Мустафа Фахми, родом алжирец, был известен мягкостью нрава и нерешительностью. Мустафа Фамхи уклонился от того, чтобы взять на себя эту задачу, и в рядах националистов появились признаки разложения из-за подачи в отставку Махмуда Сами и вакаций палаты депутатов. Когда вести об этом достигли Европы, чрезвычайно напуганный ими мистер Блэнт послал своим друзьям-ватанистам следующую телеграмму: „Довольна ли теперь партия поведением Араби. Английское правительство утверждает как-раз обратное. Если вы отделитесь от армии, то Европа приберет вас к своим рукам“.

Звезда хедива на этом отрезке времени была восходящей, а звезда его противников клонилась к закату, показателем чего было выражение преданности хедиву, которое шло со всех концов страны, так что даже шейхи племен

явились к нему, предлагая свои услуги для спасения его от врагов его. День 15 мая еще не истек, как агенство Гавас принесло телеграфное сообщение о посылке французского и английского флотов в Александрию. Это сообщение произвело сильное впечатление. Вожди ватанистского движения собрались в комнате Али-Фахми в Абдинских казармах под председательством Махмуда Сами и постановили сопротивляться до конца. На стол был положен один из экземпляров Корана и рядом с ним меч. Шейх Мохаммед 'Абдо читал формулу клятвы, и каждый из присутствующих клал свою руку на Коран и саблю, вторя ему. Об этом событии не упоминал ни один из журналистов и никто другой. Консулы держав не сообщили об этом своим правительствам. Ватанисты рассказали об этом военному трибуналу, который судил вождей восстания. Об этом рассказал в таком духе Якуб Сами, Махмуд Сами, шейх Мохаммед Абдо, Абд аль-Гаффар, Мохаммед Риза, Таляба, Омар Фахми, 'Али ар-Руби, Мохаммед Замар, Халиль Камиль и Ахмед Араби.

Историки сошлись на том, что если бы не вмешательство французского и английского консулов, то смута утихла бы, но советы консулов хедиву и их поступки в отношении повстанцев погубили то выигрышное положение, в котором находился хедив. В утро получения известия об отбытии французского и английского флотов в Египет, французский и английский консулы посетили Араби и довели до его сведения, что державы считают его (Араби) ответственным за общественное спокойствие и порядок. Араби ответил, что он гарантирует общественную безопасность до тех пор, пока он будет министром. Из этого ответа консулы поняли, что неизбежно оставление Араби в составе министерства. С приближением срока прибытия флота, консулы нашли целесообразным посоветовать Тевфик-паше сохранить министерство с тем, чтобы они имели возможность сноситься с ним (министерством) по прибытии флота.

Это было политической ошибкой французского консула, равно как посылка флота была ошибкой французского премьер-министра Фрейсинэ.

В этот же самый день (15 мая) во дворец к хедиву пришла делегация совета палаты депутатов, обратившаяся к нему с просьбой извинить министров. Эта делегация была встречена хедивом холодно и невнимательно. В обычае у хедива было прибегать за советом к консулам Англии и Франции, т. е. к двойственному контролю, и он обратился к ним на этот раз.

Вечером 16 мая Махмуд Сами вместе с своими коллегами-министрами отправился во дворец к хедиву, добиваясь от него прощения. Они сказали даже, что Араби целует руку хедива. Ватанисты не видели в факте прощения хедивом ничего иного, как проявление слабости и бессилия, следование совету двух консулов, а не милости. Этот кризис, причиной которого были офицеры-черкесы, как мы знаем, настолько обострился, что заставил страну забыть этих офицеров, так что о них никто не вспомнил за это время, и никто не проследил за их судьбой. 19 мая офицеры-черкесы сели на русский пароход, направлявшийся в Константинополь, а 20-го, т. е. через день прибыли французский и английский флоты. Какова же причина его прибытия? Официальные английские и французские архивные документы показывают, что посылка флота состоялась на основании предложения мсье Фрейсинэ, тогдашнего премьер-министра Франции. Он внес это предложение по получении в Европе сведений о черкесском инциденте. Правительства Парижа и Лондона увидели

в этом угрозу для них, угрозу, требующую немедленного и быстрого применения необходимых мер.

Лорд Гренвиль был убежден, что, если бы правительства Англии и Франции смогли объявить перед своими парламентами, что они (правительства) в согласии с державами Европы, сговорились о том, как им поступить в случае возникновения кризиса в Египте, то такая декларация произвела бы наиболее действенное впечатление. Если же положение в Каире обострилось бы, то можно было бы потребовать от Турции посылки кого-нибудь из командного состава, задача которого заключалась бы в восстановлении порядка в армии. Турецкого эмиссара сопровождали бы французский и английский офицеры. Тогда было бы ясно, что державы Европы не препятствуют движению, во избежание вооруженного вмешательства.

Фрейсинэ отнесся критически к этому мнению, потому что это означало бы посылку турецкой военной экспедиции.

Фрейсинэ потребовал от Англии, чтобы она присоединилась к Франции для воспрепятствования какого бы то ни было, даже морального вмешательства султана, которое затем повело бы к вооруженному вмешательству с его стороны (со стороны султана).

Лорд Гренвиль ответил, что, относясь отрицательно к вооруженному вмешательству, он вместе с тем сохраняет за собой и правительством Франции и помимо военного вмешательства свободу действий, в случае, если создастся положение, к этому вынуждающее. Из этого и бесед лорда Лайонса, английского посла в Париже, было совершенно понятно, что Англия, было, склонялась к турецкому вмешательству. И с точки зрения мсье Фрейсинэ была неизбежной поспешность, хотя бы и путем применения иных средств. Он использовал возможность ответа на внесенный запрос в заседании палаты депутатов 11 мая и объяснил, что единственное его намерение — это сохранить для Франции ее привилегированное положение и влияние в Египте и соблюсти независимость этой страны, независимость, предусмотренную соответствующими фирманами. Он заявил: „Чтобы достигнуть этой цели, мы прежде всего опираемся на сотрудничество с Англией и соглашения держав, и с этой стороны нам нечего опасаться, потому что державы единодушны в том, что Франции и Англии принадлежит преимущественное положение. Что же касается средств, которые будут применяться в случае возникновения особых условий, то можно было бы считать плохим показателем работы и даже преступлением, если бы министр иностранных дел стал говорить о них (средствах) во всеуслышание.

Эти декларации отозвались потом на всех с большим ущербом: на политике Франции, на интересах хедива и его министров, на политическом курсе Порты, на образе действий держав и даже Англии, потому что атмосфера, которая, было, уже начала проясняться, стала теперь опять сгущаться, и страсти, которые, было, уже улеглись, вновь разгорелись.

Что же касается методов, о которых говорилось, что их надо скрывать, то они не преминули всплыть в предложении Фрейсинэ, сделанном Англии и которое заключались в том, чтобы послать флот в Александрию. Лорд Гренвиль понял это предложение, когда оно было сделано ему, как предложение, преследующее цель защиты их подданных. А когда он (лорд Гренвиль) узнал действительное положение вещей, то он ответил, что эта демонстрация

окажется недостаточной, если не будет поддержана смешанной экспедицией французов, англичан и турок.

Когда 14 мая состоялось заседание французского совета министров, то было постановлено отвергнуть предложение Гренвиля и послать шесть судов в Александрию и седьмое судно в Суэц. Но для того чтобы дать доказательство солидарности, было решено, что эти корабли прибудут в одно и то же время, и было решено потребовать от Порты отказа от каких бы то ни было действий теперь, а также довести это решение до сведения держав, требуя от них поддержки Франции перед Портой, требуя, чтобы державы дали Порте тот же совет. Было постановлено, что если прибытие флота в Александрию окажется недостаточно эффективным и обстоятельства вызовут необходимость десанта, то на сушу не высаживать французских и английских войск, а высадить лишь турецкие войска, которые должны будут действовать под наблюдением Англии и Франции.

Правительство Гладстона выразило свое сожаление правительству Франции по поводу того, что другие державы не решили принять участие в морской демонстрации, а поддерживают лишь предложение Франции из-за лойяльности и стремления к соглашению с нею. 15 мая Франция поставила в известность великие державы о посылке флота, заверив при этом, что посылки флота преследуют лишь цель охраны существующего положения, признанного Европой.

Что же касается сообщений, посланных в Каир, то они были написаны иным, более суровым тоном и содержали указания на более сильнодействующие меры, которые будут предприняты для сохранения общественной безопасности и авторитета власти хедива. А что касается сообщений, посланных в Константинополь, то они указывали на возможность выполнения ранее сделанных предложений, т. е. о возможности посылки турецких войск.

И до получения Портой указанных сообщений до нее дошли известия о том, что в Египет уже направлены французский и английский флоты. Тогда Турция через своих посланников довела до сведения держав, что она с изумлением и сожалением встретила известие о решении Франции и Англии послать флот в египетские воды, так как это есть лишь право султана в случае необходимости посылать свои суда в египетские воды. Что же касается нынешнего положения вещей, то оно не вызывает подобной нужды и непозволительно другим державам, кроме Турции, предпринимать что-либо подобное. Возмущение Порты после этого (посылки флота) было очень сильно, и султан заявил, что он не считается с решением Франции и Англии и не желает выслушивать объяснений послов Англии и Франции по этому поводу. Когда султан получил официальные сообщения Франции и Англии об этом, он вторично послал 17 мая декларацию державам, повторяя в ней первоначальное заявление и критикуя сообщения Франции и Англии, видя в них (сообщениях) усиление оскорбления. Султан заявил, что невозможно согласовать заверения о том, что державы стоят на страже прав султана, с запретом, исключающим какое бы то ни было вмешательство и посредничество султана. Если невозможно согласование этих двух противоречивых действий, то это нельзя не рассматривать иначе как посягательство на честь султана и его авторитет. Порта издала указ о подготовке кораблей и судов к посылке их в египетские воды, и носились слухи о том, что Порта пошлет экспедицию в Египет под командованием Дервиш-паши. Это очень занимало умы держав и политических деятелей

особенно когда турецкие корабли стали на якорь у Золотого Рога в ожидании приказа об отплытии.

В это время Араби мобилизовал запас, собирал оружие, заготовлял припасы и входил в соглашение с заводом Круппа насчет приобретения пушек. Поражались осуществлению всех этих работ без каких бы то ни было средств. Население добровольно предоставляло все то, в чем армия нуждалась. Министр вакуфов Хасан-аш-Шариа открыл казну своего министерства для нужд военного министра с тем, чтобы расходовать эту казну на подготовку войска и мобилизацию запаса.

ОЧЕРК 17

(„Аль-Ахрам" от 12 XII 1931 г.)

Начало восстания. Политическая борьба держав. Гнев Порты. Франция исправляет свои ошибки. Султан выдвигает кандидатуру Халим-паши для управления Египтом. Италия и Греция посылают свои военные суда. Английский адмирал получает приказ высадить войска. Франция требует, чтобы Араби оставил Египет. Араби это отвергает. Предостерегающая нота Англии и Франции. Министры отвергают, а хедив принимает эту ноту. Отставка министерства. Араби объявляет, что он „Глава отечества" и приказывает офицерам не подчиняться никому, кроме него.

Франция и Англия послали свой флот в египетские воды. Глава французского министерства хотел опереться на державы в своем совете султану Абд уль-Хамиду, в котором он предлагал ему (уже после заявленного султаном протеста и после отдачи им приказания турецким военным судам стать на якорь у Золотого Рога у Константинополя и быть наготове для отплытия в Египет) изменить свое намерение и отказаться от посылки военной экспедиции в Египет под началом Дервиш-паши.

Но державы продолжали относиться к этому холодно под тем предлогом, что они совещаются, а министерству Италии в это время пришло в голову послать свой флот в Египет. Италия сконцентрировала свой флот в Мессинском заливе, а министр иностранных дел Австрии Кальноки, заявил, что „это средство чревато опасностями". Разрешение вопроса теперь целиком зависело от Бисмарка, автора доктрины, гласившей: „Мы за русских в Болгарии, французов в Тунисе, и англичан в Египте".

Посол Франции в Берлине упомянул министру иностранных дел Германии о том, что Франция и Англия приступили к посылке своих флотов в Египет, следуя совету Бисмарка в том, что обе эти державы должны действовать в полном согласии. Но правительство Германии хранило глубокое молчаниие.

Министры иностранных дел Австрии и России высказали сильное недовольство по поводу того, что Франция и Англия не совещались с ними, прежде чем предпринимать сделанные ими шаги.

Таким образом Бисмарку удалось сказать, что он не дает совета Порте быть умеренной, так как союзницы ее (Порты) выражают молчаливый отказ от какого бы то ни было дела.

При таком положении английский посол в Париже запросил мсье Фрейсинэ, не настало ли теперь время для того, чтобы запросить у султана Абд уль-Хамида о его намерениях в будущем.

Носились слухи о том, что существует намерение прибегнуть к вмешательству военных сил Турции, но мсье Фрейсинэ не осмелился изложить это перед французским общественным мнением, враждебно настроенным к подобной мысли. Поэтому он настаивал на посылке Порте сообщения о том, что „в случае, если вопрос разрастется и события затронут безопасность и интересы наших подданных, то станет необходимым тогда просить помощи султана".

Турция после этого успокоилась, и великий визирь Саид-паша поставил в известность английского посла лорда Дафферина, что султан решил полностью придерживаться в отношении Англии и Франции дружественного курса и готов заняться изучением их предложений при условии, что Франция и Англия отзовут свои суда из египетских вод. На это ему было отвечено, что флот пробудет в водах Египта лишь короткий срок. Султан удовлетворился этим ответом.

Для того, чтобы убедить Францию и Англию в лучших намерениях султана, Саид-паша попросил посла довести до сведения его правительства, что султан предлагает заменить Тевфик-пашу любой иной кандидатурой, которую державы сочтут нужным выставить. Лорд Дафферин отверг это предложение, направленное к тому, чтобы хедивом был избран эмир Халим-паша, но не потому, что султан любил Халима, а мы уже знаем из письма шейха Зафира к Араби, что Порта не доверяла ни Халиму, ни Исмаилу и ни Тевфику, а все это для того, чтобы толкнуть Араби на дальнейшее развертывание революции против династии хедива.

Даже более того, султан хотел добиться аннулирования добытых в свое время Исмаилом фирманов, обеспечивающих независимость Египта.

Султан хотел подорвать эту административную независимость путем отмены фирмана о престолонаследовании.

Сверх того, что мы уже привели, в „Известиях" Порты было опубликовано, что султан отказывается теперь „от посылки военных судов в Египет".

Что касается Италии, то она удовлетворилась посылкой броненосца в Порт-Саид, а Греция послала два своих судна в Александрию.

Но пассивность других держав к действиям Англии и Франции беспокоила последних, и Фрейсинэ предложил послать от имени Англии и Франции державам ноту, говоря в ней, что недостаток времени помешал посоветоваться с ними до посылки флота и что намерения Англии и Франции преследуют отнюдь не задачу присвоения Египта, но защиту интересов всех держав на началах равенства и охрану власти хедива и что никому из них (Франции и Англии) и в голову не приходит высадить войска на сушу или оккупировать Египет. Они обещают отозвать флот, как только будет восстановлено спокойствие. А если случится необходимость в том, чтобы кое-что предпринять, то они (Англия и Франция) посоветуются с державами и Портой и будут действовать в согласии с ними.

Это сообщение было достаточным для того, чтобы удовлетворить державы, но султан, желая изгладить впечатление, какое осталось у людей от прибытия флота в страну, считающуюся одной из стран халифа, тут же послал хедиву Тевфику-паше телеграмму, говоря в ней, что прибытие французских и англий-

ских судов в египетские воды в это время не переходит границ обычных ежегодных маневренных походов и в этом нет ничего, что заставляло бы тревожиться, и что этот поход окончится в ближайшее же время.

С двадцатых чисел мая флот стал на якорь в водах Александрии. Французский флот состоял из броненосца и двух миноносцев, а английский из броненосца с артиллерией.

Оба адмирала имели одну и ту же инструкцию поступать в соответствии с указаниями консулов (французского и английского) и оказать моральную поддержку хедиву и защиту европейцам. Но английский флот еще, сверх того, получил указание, что в случае, если создастся положение, угрожающее опасностью европейцам, высадить войска на сушу в пределах пушечного выстрела с кораблей. Французскому флоту эта инструкция не была передана. После этого стало обнаруживаться то, что замышляла Англия, а именно осуществление захвата Египта как гарантии господства ее над Суэцким каналом, который должен был стать после этого ключом ее дальнейших завоеваний.

Это то, что относится к правительствам этих обеих держав и противоречивости их интересов. И точно также обстояло дело у французского и английского консулов, точки зрения которых были противоречивы.

Сэр Малет, английский консул, был убежден в том, что невозможно достигнуть необходимого результата, если не будет покончено с военной организацией и теми, кто подстрекает и сеет возбуждение.

А французский консул считал целесообразным соглашение с военными кругами и, для того, чтобы снять с себя те подозрения, которые падали на его предшественника барона де-Рениг в благосклонности его к ватанистам и содействии его им (ватанистам), французский консул советовал закрыть газеты „Ат-Таиф“ и „Аль-Муфид“ за оскорбление хедива. Он рассматривал это как средство к умиротворению и соглашению. Французский консул как-будто хотел соревноваться с итальянцами, декларировавшими свои симпатии к повстанцам.

Затем де-Лессепс, друг Араби, и мистер Вольф, американский консул, бесконечно восхваляли Араби.

Французский консул даже опирался на переговоры для того, чтобы добиться отставки министерства и оставления ватанистскими вождями страны хотя бы на время.

Мсье Монж поручил одному влиятельному французу предложить Араби взять на себя какую-либо миссию во Франции, где осенью он мог бы присутствовать на военных маневрах, и где он был бы принят торжественно и с почетом и был бы награжден высшими орденами. Но Араби на это приглашение или, вернее, на эту завуалированную ссылку ответил, что он требует лишь увода флота, конституции для страны и ничего больше.

Говорили в то время, что Ротшильд предложил Араби сто тысяч франков за то, чтобы тот покинул Египет, но Араби опроверг эти слухи самым категорическим образом.

Предложение, сделанное французским консулом, придало еще больше смелости повстанцам.

Сэр Малет придерживался того мнения, что необходимо официально заявить, что, в случае нужды, они прибегнут к вмешательству турецкой вооруженной силы.

Султан делал вид, что поддерживает хедива Тевфика, но приближенные его поддерживали переписку с повстанцами, убеждая их в том, что халиф покровительствует им и поощряет их в их действиях против христианских держав.

Повстанцев тревожил вопрос посылки турецкой военной экспедиции в Египет.

Лорд Гренвиль, зная о взаимной благосклонности египтян и французов, постоянно предлагал в качестве предпосылки для осуществления своей политики соглашения с державами требовать от Порты подготовки экспедиции, которая действовала бы в узко ограниченных рамках,—это в соответствии с его (лорда Гренвиля) высказыванием: „Известия, прибывающие из Египта чрезвычайно беспокойны, и время уже упущено, поэтому английское правительство не видит иного выхода из создавшихся затруднений".

Значение этого его высказывания для занятой им политической линии заключалось в том, что он считал неизбежным использование военной силы, если не турецкой, то уже безусловно английской. Хедив Исмаил советовал своему сыну Тевфик-паше, чтобы он всячески избегал захвата Египта англичанами, так как турецкая оккупация в противоположность английской несомненно будет недолговечной.

27 мая мсье Фрейсинэ послал ответ на предложение лорда Гренвиля, в котором указал, что кабинет министров Франции в целом не видит в нынешнем положении вещей ничего такого, что вызывало бы необходимость в помощи турецких войск, ибо элементы, ведущие борьбу в Египте, начинают разлагаться, и решительно вся обстановка призывает к выжиданию *(? Х. К.)*.

24 мая французский и английский консулы получили инструкцию приложить все усилия к тому, чтобы на время удалить Араби и его товарищей из Каира и добиться назначения Шериф-паши главой министерства.

А Султан-паша, председатель палаты депутатов, уже за два дня до этого стремился добиться того же в целях умиротворения, но не имел в этом успеха из-за упорства военных кругов. Консулы заколебались в выполнении этой инструкции, чтобы избегнуть возможного отказа и потому, что оба они не представляли себе, что последует в случае отказа.

Но слухи о получении консулами предостерегающих указаний для представления их министерству Махмуда Сами уже распространились, и офицеры начали пользоваться этими слухами в качестве средства для возбуждения умов армии и народа. Консулы считали необходимым для борьбы с их влиянием довести до сведения правительства то, что было получено ими, и 25 мая они передали министерству ноту, опираясь в ней на стремление Султан-паши удалить Араби на время, в соответствии с его чином и окладом содержания, а также удалить ʿАли Фахми и ʿАли ар-Руби внутрь страны с использованием ими прав, соответствующих их постам, и на стремление Султан-паши заставить министерство подать в отставку. Консулы заявили, что они уполномочены передать эти требования, и выражают уверенность в том, что они [требования] будут приняты, исходя из того, что они самого лучшего мнения о главе министерства, но если положение вынудит их к тому, то они потребуют осуществления этого требования именем их правительств, которые не преследуют ни мести ни зла, а посредничают только лишь в интересах хедива, в интересах

того, чтобы он даровал всеобщую амнистию, а консулы будут наблюдать за осуществлением этой амнистии. Но, будучи осведомленными о том, что между Англией и Францией нет согласованности насчет совместных действий и что Европа не склонна что-либо предпринимать, повстанцы, опираясь на благосклонное отношение султана Абд-уль-Хамида, решили отвергнуть советы Франции и Англии, хотя они и были даны в виде ультиматума. Министерство ответило меморандумом, в котором заявлялось, что, не зная стремлений, которые приписываются Султан-паше, министерство, исходя из факта признания державами Египта свободным в делах внутреннего управления, сожалеет что невозможно принять представленные консулами требования обеих держав, а если державы думают из-за общеполитических соображений вмешаться, то им не остается ничего другого, как передать дело Турции, которой принадлежит суверенитет над Египтом.

26 мая Махмуд Сами и Мустафа Фахми понесли этот ответ хедиву, который им сказал, что он отвергает этот меморандум и принимает ультиматум держав. Министры не знали, что делать: Махмуд Сами и Мустафа Фахми хотели убедить хедива передать вопрос на разрешение султана, но хедив напомнил им об их оппозиции хедиву по вопросу о заговоре офицеров-черкесов, который он (хедив) в свое время хотел передать султану. Затем он заставил их покинуть его.

Созвали совет министров, где верх взяла умеренная партия, которая была против объявления революции, как того требовали экстремисты (крайняя партия), и дело закончилось постановлением об отставке министерства, которое в своем заявлении об отставке указало, что „вмешательство держав в этот вопрос есть узурпация прав султана".

Когда Араби покинул Нильский дворец (местопребывание военного министерства), то он заявил окружающим его, что он не перестает быть „главой отечества"; это — тот титул, которым его титуловали.

Араби написал офицерам, чтобы они не придавали значения отставке министерства и чтобы они не предпринимали ни одного шага до получения ими от него (Араби) указаний, как это следует из писем Араби к Махмуду Бек Эмину и Мохаммеду Бек Аз-Зумр, писем, предствленных военному суду.

Араби особо написал офицерам Александрийского гарнизона, давая им понять, какое бремя падет на них.

ОЧЕРК 18

(„Аль-Ахрам" от 14 XII 1931 г.)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОССТАНИЯ

Ультиматум александрийского офицерства. Тревога европейцев и приготовления англичан. Предостережение офицеров Каира. Собрание знати. Угрозы Араби и офицеров. Посредничество знати перед хедивом.

Нам уже известно, что Араби после отставки министерства Махмуда Сами, разослал офицерам армии указание, предостерегая их от предпринятия ими какого бы то ни было шага без получения приказаний и инструкций от него (Араби), потому что он является „главой отечества".

Нам уже также известно, что Араби направил специальное послание офицерам Александрийского гарнизона, разъясняя им, что на их плечи падет ответственнейшая задача.

Политической линией, которой следовали, было „устрашение иностранцев". Вожди ватанистов во всех затруднительных случаях заявляли консулам, что они гарантируют безопасность иностранцев только в том случае, если бразды правления будут в их руках.

И если историки и исследователи не располагают сведениями об инструкциях, посланных Араби офицерам александрийского гарнизона, то все же в их распоряжении имеется письмо Мустафы Абд ар-Рахима, полковника 5-го полка, письмо его, адресованное Араби и подписанное некоторыми офицерами. Это письмо свидетельствует о данных Араби инструкциях офицерам и о том, что ватанисты и до того приложили большие старания при выборах крупных чиновников г. Александрии с тем, чтобы обеспечить избрание большинства из них (чиновников) из преданных им людей. Они стремились к этому в виду большого количества в Александрии иностранцев, подобного которому не было ни в одном из других городов Египта и потому, что влияние на иностранцев имело существенное значение для политики, которая могла бы удовлетворить их.

Как мы уже об этом сказали, они назначили Сулеймана Сами 'ибн Давуда, горячо преданного друга Араби, командиром 6-го полка, а начальником полиции был назначен Саид Кандиль, в распоряжение которого были отданы полиция, сторожевая рота и т. д. Город был в руках ватанистов и, за исключением мухафиза (генерал-губернатора) Омара Лутфи-паши, в городе не было никого из сторонников партии хедива. 27 мая Омар Лутфи-паша находился в Каире, а Сулейман Сами и Саид Кандиль использовали это как возможность для поддержки Араби. Они собрали офицеров в казармах Каср-ат-Тин и решили занять площадь Мохаммеда 'Али, арестовать консулов, захватить европейский квартал с той целью, чтобы добиться удовлетворения за смещение ватанистских офицеров из министерства. Они это прокламировали по всему городу. Александрийское офицерство послало хедиву и Султан-паше телеграмму, говоря в ней, что они не допускают ухода Араби из министерства, что они готовы к действенному протесту и что ждут ответ на их требования в течение 12 часов. В случае, если по истечении этого срока требования не будут приняты, они снимут с себя ответственность за то, что может произойти.

Эту телеграмму подписали командования трех полков, начальник полиции и сторожевой роты, а принудил их к этому Мохаммед Камиль-паша, товарищ военного министра, местопребывание которого было в Александрии. Он побудил их послать телеграмму от имени своих подчиненных, поддерживая таким образом отставленное министерство. Это было установлено трибуналом, судившим повстанцев, свидетельствами Хасан Бек Садыка, вице-губернатора Александрии, Саида Кандиля, коменданта Александрии и свидетельством товарища военного министра и других офицеров.

Когда сведения об этой телеграмме дошли до консулов, то они очень встревожились, испугались и поторопились в полицейское управление. Там они застали вице-губернатора. Но вместо того, чтобы успокоить их (консулов), Саид Кандиль дал им понять, что сохранение общественной безопасности невозможно, если не будет получен положительный ответ на телеграмму офицеров.

Французкий и английский консулы пытались добиться беседы с полковниками, но это оказалось невозможным. Паника европейцев была очень велика, они начали прятаться в своих домах и магазинах и проводили день и ночь, не смыкая век и не ведая, при каких обстоятельствах они встретят утро. Что же касается Каира, то утром 27-го (мая) там было спокойно, но люди были в тревоге.

А хедив уже разослал по губернаторствам и провинциям сообщение об отставке министерства и приказал губернаторам и генерал-губернаторам быть бдительными в соблюдении порядка и общественного спокойствия и отказаться от военных приготовлений, которые уже предпринимались в соответствии с приказом Араби.

После отставки министерства Махмуд Сами, хедив поручил Шериф-паше составить новое министерство. Шериф-паша обещал ему подумать и дать свой ответ после этого размышления.

Французский и английский консулы оказывали на Шериф-пашу давление, настаивая на том, чтобы он принял предложение хедива. Шериф дал им тот же самый ответ. Когда в 4 часа пополудни прибыла телеграмма, посланная офицерами из Александрии, Тевфик-паша созвал к себе в Исмаильский дворец знать, улемов, крупных купцов и высший начальствующий состав армии. Когда они собрались, хедив обратился к ним с речью, говоря в ней, что министерство подало в отставку, что он эту отставку уже принял и что с этого дня он сам берет на себя командование армией. Как только он произнес эту речь, с резким ответом ему выступил Таляба Исмет, говоря, что они на это несогласны. Голоса его коллег-офицеров вторили ему в этом. Некоторые представители знати пытались заставить офицеров замолчать, но безуспешно. Офицеры демонстративно вышли от хедива и присоединились к Араби и Махмуду Сами и направились в Абдинские казармы. Это то, что имело место со стороны офицеров, что же касается других, то они стали обсуждать положение вещей, и часть из них требовала объявления священной войны против чужестранного флота, но большинство выразило порицание легкомысленным словам из-за их крайности, могущей повести к обострению. Они пытались добиться примирения хедива с офицерами. Сулейман паша-Абаза, заместитель председателя палаты депутатов, во главе делегации отправился в Нильский дворец (Каср ан-Ниль), но не нашел там никого. Другая делегация, состоящая больше всего из улемов, отправилась к Абдинским казармам и после больших усилий добилась свидания с Араби и его товарищами. Они потребовали, чтобы офицеры, находящиеся во дворце Исмаилия, направились в дом Султан-паши, чтобы достичь договоренности со знатью, которая собралась там.

Таляба Исмет ответил, что они не сделают и шага без своего министра. После пререканий, Араби разрешил созвать собрание офицеров в доме Султан-паши.

Когда было созвано собрание, Султан-паша стал призывать к единству, согласию и подчинению высочайшей воле государя, а офицеры в это время кричали, провозглашая здравицу Араби и необходимость возвращения его к правлению, и требовали немедленного появления его на этом собрании. Они послали за ним, настаивая на его участии в этом собрании. Араби пришел с видом полководца, одержавшего победу, окруженный начальником полиции и больше чем 500-ми солдат и молодежи, но не было зала или

жилища, которое могло бы вместить такую огромную массу. Они разместились в саду. Султан-паша выступил с речью, но его прервал Араби, обратившийся к присутствующим с речью в высокопарном тоне, насыщенной поэтическими выражениями, а затем подобным же языком стал перечислять грехи и пороки династии хедива, начиная от Мохаммеда 'Али и кончая Тевфиком, и завершил свою речь вопросом: „Разве забыли вы преступления этого хедива Тевфика? Он призывает чужестранные суда и предает ислам. Остается ли в отношении его какое-либо основание поступить с ним иначе, как только низложить его?" Затем он обратился к присутствующим и сказал: „Те, что с нами и разделяют наше мнение пусть встанут за то, чтобы объявить низложение хедива". Поднялись военные и вместе с ними некоторые из штатских, но большинство продолжало сидеть. Тогда офицер Мохаммед Обейд извлек саблю из ножен и поклялся, что снесет этой саблей голову каждому, кто будет противоречить. Но знать и улемы не обратили внимания на эту угрозу, оставаясь спокойно сидеть в полном молчании.

Араби тогда отдал одному из полковников распоряжение отправиться с своим полком для осады дворца Исмаилии, где жил тогда хедив. Он отдал это распоряжение так, чтобы его услышали знать, улемы и высокопоставленные. А в то время стоял сильный шум потому, что офицеры начали разрушать все, что было в саду, разбивать окна, оскорблять Султан-пашу, проклиная его. Во время этого Араби делал вид, что пишет петицию султану, требуя в ней низложения хедива.

Но большинство присутствующих пребывало в спокойствии и молчании, не обращая внимания на этот шум и ругательства, поэтому победа оказалась на их стороне (знати и улемов). Смутьяны увидели спокойствие высокопоставленных, знати и улемов и то, что их слова, шум и галдеж не подействовали и что знать не поддается их влиянию. Тогда сторонники Араби изменили свой тон, и Таляба и Якуб Сами обратились к депутатам и знати с тем, чтобы те просили хедива возвратить Араби в военное министерство.

На этом собрание разошлось, а Султан-паша отправился к хедиву посредничать по делу Араби, но хедив отверг его просьбу, и черная ночь нависла над столицей.

Что же касается Александрии, то она ожидала со страхом и тревогой наступления срока, назначенного офицерством. Поэтому мистер Куксон, английский консул, посетил 28 мая с раннего утра адмирала и офицеров для обсуждения способа защиты иностранцев. Но у адмирала Бушена не было достаточного количества солдат, чтобы высадить их на берег, он распорядился провести подготовку к посадке на корабли женщин, детей и стариков — английских подданных. До истечения назначенного офицерами срока прибыла телеграмма, извещавшая, что хедив созывает вечером собрание знати для принятия решения. Тогда офицеры продлили срок выполнения ультиматума, и жители Александрии провели эту ночь спокойно.

ОЧЕРК 19

(„Аль-Ахрам“ от 15 XII 1931 г.)

Нарастание восстания. Шериф-паша отказывается образовать министерство. Вопрос передается на разрешение султану. Требование о присылке представителя султана. Войска окружают дворец хедива и запрещают ему выходить. Знать и улемы подписывают требование о низложении хедива. Хедив возвращает Араби в военное министерство. Восемь улемов пишут фетву о низложении хедива.

Каир, Александрия, вернее, вся страна с 26 мая 1882 г., т. е. со дня отставки министерства Махмуда Сами до 30 мая жили очень тревожной жизнью, Жизнь, полная беспокойства, опасений, страха, вернее, это была такая жизнь когда ночью не знаешь, что ждет тебя днем.

Нам уже известно, как у хедива обстояли дела с офицерами националистами после отставки министерства, как сложились отношения между офицерами и знатью и точно также мы уже знаем о переговорах, которые вел английский консул в Александрии Куксон с адмиралом Сеймуром насчет иностранцев и английских подданных и ответ сэра Б шэна, указавшего, что число войск во флоте не позволяет высадить солдат на сушу для защиты английских подданных и иностранцев. Они договорились на том, что возьмут на борт кораблей женщин, детей и стариков. Нам уже также известно, что имело место на собрании знати и офицеров в доме Султан-паши от 26 и 27 мая. Когда занялась заря 28 мая, то положение не было лучшим по сравнению с тем, что было 27 мая.

Полицейские, солдаты и эмиссары военной лиги направлялись в жилища умеренно настроенных людей и бросали им в лицо едкие упреки и порицания за то, что те не поддерживают „главу отечества“, т. е. Араби.

Что же касается хедива, то он оказался в чрезвычайно затруднительном положении потому что Шериф-паша, которому хедив 26 мая поручил составить новое министерство, потребовав времени на размышление, 27-го вечером сообщил хедиву, что он не может составить министерства. После этого ответа Шериф-паши, когда хедив почувствовал, что почва уходит из-под его ног, он позвал к себе английского и французского консулов, чтобы посоветоваться с ними.

Он желал, чтобы они ему посоветовали стать снисходительным и миролюбивым по отношению к повстанцам, но консулы не были склонны к этому.

Наоборот, Малет предложил хедиву объявить, что вопрос передается на разрешение султану и что крайне необходимо ждать ответа от него.

Сэр Малет надеялся на поддержку со стороны султана, имея в виду ту телеграмму, которую Тевфик-паша 27 мая получил от Порты и в которой его поздравляли с уходом в отставку министерства Махмуда Сами. Точно также имела место уверенность, что Порта всячески старается предотвратить осложнение восстания, опасаясь европейского вмешательства.

Тевфик-паша поступил в соответствии с советом Малета и передал дело султану. Великий визирь ответил, что если есть нужда в авторитетном представителе султана, то хедиву надлежит официально просить об этом.

28 мая хедив попросил совета по этому поводу у консулов Франции и Англии, но между ними оказалось противоречие. Когда консулы прибыли во дворец хедива, они застали там Султан-пашу, окруженного улемами, которые им (консулам) сказали, что жизнь хедива в опасности.

Тогда сэр Малет сказал, что если положение принимает опасный оборот, то он не может советовать отказаться от единственного средства, способного предупредить опасность, а именно приезда представителя султана. Что же касается французского консула, то он не был согласен на это и заявил, что он не получил соответствующих инструкций от своего правительства.

Другие же консулы советовали Араби не проводить военной демонстрации, которую он, было, намеревался организовать, и заявили ему, что они считают его единственным лицом, ответственным за сохранение общественной безопасности. Араби пытался побудить консулов посредничать в том направлении, чтобы побудить хедива вернуть его (Араби) в военное министерство. Но они дали Араби понять, что этот вопрос их не касается. Перед их уходом Араби заверил их, что армия будет защищать безопасность иностранцев и их спокойствие.

28-го после полудня офицеры собрали знать и улемов в доме Султан-паши, но он не вышел к ним, так как был болен. Тогда офицеры, проинструктировав знать и улемов насчет своих требований, направили их во дворец к хедиву.

Не пробило и 3 часов пополудни, как дворец хедива наполнился улемами, среди них были и коптский патриарх и главный раввин, шейхи и крупные купцы, и все они просили хедива возвратить Араби в военное министерство. Все они ожидали смерти от рук офицеров, в случае неудовлетворения их требований.

Этого было достаточно для того, чтобы побудить Тевфик-пашу вернуть Араби на пост военного министра.

Он приказал заготовить текст высочайшего указа по этому поводу, чтобы подписать его. Между тем, в то время как канцелярия составляла высочайший указ, вошел комендант охраны и сообщил, что войска осаждают дворец и что солдаты получили указание воспрепятствовать выходу хедива из дворца и применить силу в случае нужды. Они (солдаты) требовали распрячь лошадей, приготовленных для хедива, направлявшегося на обычную ежедневную прогулку.

А теперь в изложении событий обратимся к показаниям свидетелей перед военным трибуналом, судившим Араби и его товарищей; из этих показаний я выделяю показания Султан-паши, Саид Абд аль-Баки аль-Бекри, Саид Абд аль-Халика, Селима Омри, Мухаммеда ас-Суюфи, кади (судья) Египта, Мустафы Бек аль-Хаджина, Саид Бек аш-Шамахи, точно также вернемся к докладу начальника каирской полиции Ибрахима Февзи; все они сходятся на том, что, когда хедив подписал высочайший указ о восстановлении Араби на посту военного министра, то знать понесла копию его Араби и там застала у него большое сборище, состоявшее из студентов и народа, собравшихся отовсюду, кричащих, шумящих. Возбуждение их все усиливалось до тех пор, пока с речью к ним не обратился Араби, требовавший подписания петиции о низложении Тевфик-паши.

Араби угрожал своей саблей каждому, кто откажется подписать эту петицию.

В этот момент прибыл начальник каирской полиции, который вел с собой представителей купеческой гильдии, и многие из присутствующих воспользовались этой возможностью, чтобы незаметно покинуть собрание и пробраться в свои жилища, не подписав петиции, но избежать последнего им не удалось, потому что их заставили это сделать на следующий день.

Лишь немногочисленное меньшинство, проявившее смелость и независимость своих взглядов или благодаря своей хитрости, сумело не подписать этой петиции.

Так или иначе, Каир и Александрия спали в эту ночь спокойно.

Военный министр вернулся к управлению министерством, но вакансии других (министерств) оставались свободными.

Товарищи министров продолжали управлять делами соответствующих министерств. Следовательно, министерство не было сформировано, а повстанцы не достигли своих целей.

Что же касается подстрекателей, то они были убеждены в том, что им не миновать виселицы до тех пор, пока хедив остается у власти.

Сверх того, Махмуд Сами и его коллеги не допускали, что уход их от власти на время означает отстранение их навсегда, и поэтому они всячески поддерживали пламя восстания и дошли до того, что стали в провинциях собирать подписи к петиции, настаивавшей на низложении Тевфик-паши.

Два текста таких петиций были представлены военному трибуналу во время суда над Араби — одна петиция от населения Шаркии, а другая от населения Александрии.

Из того, что может быть почерпнуто из свидетельских показаний, следует, что простому народу они говорили, что цель этой петиции — снижение налогов.

Сторонники Халим-паши, претендента на престол хедива, взялись за проведение этого дела в городах.

Они использовали для этого и религию и просили восемь улемов составить фетву о необходимости низложения хедива и замены его другим.

По свидетельству шейха Бекри, Шейх уль-Ислам отказался подписать ее в противоположность Муфти, подписавшему фетву.

Повстанцы нашли необходимым поднять энтузиазм колеблющихся из знати и улемов. Они стали созывать собрания, на которых произносились горячие речи.

Араби был блестящим оратором. Он говорил о том, что соответствовало умственному уровню масс, обещал снизить налоги, восстановить в силе закон о мукабале, аннулированный в свое время ликвидационной комиссией и т. д. и т. п.

Араби приписывал себе честь объединения народа. Когда европейская пресса выяснила, что знать не разделяет взглядов офицерства, как это имело место на собрании 28 мая, то Араби послал товарищу министра внутренних дел письмо с опровержением этого. Агентству Рейтер поручили опубликовать это письмо.

А газета „Аль Вакаи аль-Мисрия" в номере от 1 июля напечатала протест некоторой части знати против версии, распространявшейся европейской печатью.

Что же касается иностранцев, то паника среди них усилилась, и они стали покидать страну, так что суда не в состоянии были вместить поток пассажиров. Банки перевели свои сейфы и архивы в безопасные места.

30 мая собрались английские купцы Александрии и попросили своего консула передать петицию лорду Гренвилю, в которой говорили, что город Александрия оставался в течение 24 часов объектом грабежей. И если флот, который насчитывает для десанта на сушу не более 300 солдат, рискнет приступить к бомбардировке фортов, то христиане окажутся еще в большей опасности. С каждым днем усиливается развал дисциплины в армии, и поэтому неизбежно необходимо поторопиться с принятием средств защиты. Консулы обратили серьезное внимание на положение, а греческий консул предложил организовать самооборону под руководством английских офицеров.

Что же касается Каира, то положение там все осложнялось. Повстанцы назначили на 1 июня большую демонстрацию и предупредили армию быть наготове в этот день к 3 часам пополудни. Хедив забеспокоился, собрал консулов и объявил им, что цель этой демонстрации это низложение его (хедива) и назначение вместо него эмира Халима. Он просил консулов передать об этом своим правительствам для того, чтобы те побудили Порту послать в Египет своего представителя.

Этот день закончился спокойно, а повстанцы отложили демонстрацию на 3 июня.

Затем Тевфик-паша получил телеграмму от Порты о том, что представитель ее к нему скоро прибудет.

Это сообщение успокоило всех, так как каждая группа полагала, что султан Абд уль-Хамид на ее стороне.

А Англия и Франция договорились на том, чтобы Турция послала свой броненосец в египетские воды. В это время германский посол довел до сведения султана Абд уль-Хамида о том, что Франция и Англия намереваются внести предложение о созыве конгресса для обсуждения египетского вопроса.

ОЧЕРК 20

(„Аль Ахрам“ от 17 XII 1931)

Накануне резни в Александрии. Неудача французского ультиматума. Прибегают к султану. Посылка Дервиш-паши. Встреча его в Александрии и в Каире. Претензии англичан по поводу укрепления фортов и жалобы египтян на работы англичан по измерению морской глубины. Усиление французского и английского флотов. Предпосылки александрийской резни.

Когда потерпел неудачу англо-французский ультиматум, переданный хедиву Египта, или даже, вернее, правительству его, то взоры Англии и Франции обратились к Порте. Обе державы поручили своим консулам в Константинополе требовать от Порты отзыва из Египта Махмуда Сами, Араби, Абд аль-'Аля и 'Али Фахми. Англия и Франция требовали от четырех великих держав поддержки их в этом перед Портой.

Но Порта была рада неудаче Франции и Англии и вовсе не была склонна вывести их из этого затруднения.

Порта не придерживалась никакой определенной линии, за исключением лишь сильного стремления к отмене фирманов, данных Исмаилу без того

чтобы, однако, это отразилось на отношении мусульман к султану — их халифу.

Сверх того, надо учесть, что египетское восстание превращалось в священную войну против европейских государств. Поэтому султану было неудобно посылать вооруженную силу для борьбы с человеком, которого многие из мусульман во всех уголках мира считали „знаменем ислама". Вести о революции Араби в то время распространились по всему миру. Портреты Араби украшали кофейни Стамбула и других крупных городов. Биография его была напечатана и красиво издана.

Султан, кроме того, не знал, как националисты отнесутся к его приказам, если он поступит в соответствии с требованиями иностранцев. Араби и его товарищи частенько заявляли, что они будут бороться с каким бы то ни было насильным вмешательством Турции, если оно будет в интересах хедива.

Султан приказалл, заняться некоторыми военными приготовлениями, не придавая большого значения соглашению Англии и Франции насчет посылки Портой одного крейсера в Александрию, после того как обе эти державы усилили свой флот в египетских водах. Каждая из обеих держав имела теперь по три броненосца и по три крейсера.

31 мая консулы четырех держав, за исключением Франции и Англии, потребовали от министерства иностранных дел Стамбула принятия предложения Франции и Англии, независимо от окончательного согласия этих держав с этим предложением и без какого бы то ни было упоминания хоть единым словом о посылке предсгавителя султана.

Полагали, что Порта не предпримет ничего, но вопреки этому 1 июня ею был издан приказ о посылке ответственного лица, задачей которого будет восстановление порядка в Египте.

Говорили, что германский посол имел у султана длительную полуторачасовую аудиенцию и побуждал его послать делегацию в Египет, потому что Англия и Франция намереваются склонить державы к созыву конгресса.

День 29 мая завершили внешне спокойно, но с большой внутренней тревогой.

Мнения английского и французкого консулов расходились. Французский консул причину роста волнений и беспокойства в стране усматривал в факте отсутствия министерства, и внимание его было направлено в сторону образования министерства. Он настаивал на издании хедивом указа Рагиб-паше составить министерство, так как последний был любим армией. Но Рагиб в беседе по этому поводу высказал мнение, квалифицировавшееся как глупость и показал, что он настроен против хедива. Консулы отказались разговаривать о нем.

Что же касается англичан, то их внимание в это время было направлено в другую сторону, на проводившееся повстанцами усиление фортов Александрии и укрепленных пунктов.

29 мая они начали выражать порицание этому делу, хотя флот их (флот англичан и французский флот) получил подкрепление, и каждый из них теперь уже насчитывал по три броненосца, по три истребителя и артиллерию.

3 июля адмирал Сеймур послал своему правительству телеграмму, говоря в ней, что положение стало опасным и что невозможно опереться на хедива для приостановки ведущихся военных приготовлений.

Когда английский консул направил предостережение генерал-губернатору Александрии по поводу сооружения баррикад у Рас ат-Тин, то Омар Лутфи-паша удовлетворился лишь повторением в ответ тому, что было сказано до того военным министром и полковниками, а именно, что производимые в фортах работы сводятся лишь к очищению их и приведению их в порядок.

Однако египетские офицеры в свою очередь были в претензии на действия английских моряков, занимавшихся измерением морской глубины и утверждавших, что этого требует морской устав от флота, куда бы он ни стал на якорь.

Во избежание столкновения египтян с английскими моряками лорд Гренвиль сделал замечание по этому поводу турецкому послу в Лондоне Мавзурус-паше.

Затем он поручил лорду Дафферину, английскомт послу в Константинополе, объяснить Саид-паше, турецкому мининделу, о плохих последствиях трений, возникших между сторонами. Министерство иностранных дел Турции умножило свои старания в осуществление намеченных им мер, так как английское правительство угрожало своим вмешательством.

5 июня Порта, получив напоминание Англии, решила действовать и в тот же день послала телеграмму хедиву, запрашивая в ней объяснения истинной причины предпринятого египтянами восстановления фортов и укреплений и приказывала тут же приостановить эти работы.

Во дворце султана царило очень сильное беспокойство, и вскоре вслед за первой была послана вторая телеграмма, в которой настойчиво требовался ответ.

Хедив передал телеграмму Порты Араби и отдал ему приказ сразу же приостановить работы по восстановлению фортов. Так как ватанисты не хотели, чтобы связи их с Портой ухудшились, в виду предстоящего прибытия в Египет турецкой делегации, то Араби повторил сказанное им недавно, а именно, что предпринятые им приготовления являются не чем иным, как обычным ремонтом укреплений, и что это, кроме того, необходимо для успокоения умов населения, взбудораженного появлением иностранного флота и непрерывно ведущимися последним измерениями морской глубины. Тем не менее, Араби сказал: „однако, исходя из приказов вашего высочества, основанных на высочайшей воле хедива, войскам отданы распоряжения приостановить производящиеся работы в надежде, что флот покинет александрийские воды, избегая того, что может произойти в результате возбуждения умов".

6 июня этот ответ был опубликован в газете „Аль-Вакаи аль-Мисрия".

После этого военные Александрии 5 и 6 июня сделали вид, что приостановили работу по укреплению фортов, но адмирал Сеймур, возглавлявший английский флот, и мистер Куксон, английский консул в Александрии, 8 июня послали лорду Гренвилю телеграму о том, что египетские военные возобновили работу, и что в этот день они начали устанавливать на баррикадах артиллерию.

Но политики в то время мало придавали значения этим военным приготовлениям, так как они возлагали надежды на турецкую делегацию, приезд которой ожидался, и были убеждены, что эта делегация положит предел военному произволу.

Такова была политическая обстановка; что же касается экономического положения, то оно очень ухудшилось, потому что иностранцы стали покидать страну. Оставление районов, уход купцов и финансистов из внутренних районов страны очень затруднили приток государственных доходов, а производство торговых операций стало невозможным.

Хедив был даже вынужден издать указ о перенесении на половину июня срока уплаты очередного взноса по долгам.

7 июня прибыла яхта султана „Изз ад-Дин" в Александрию, на борту которой находилась турецкая делегация во главе с генералом Дервиш-пашей, одним из крупных государственных людей. Он был вали Батума, затем вали Салоник и прославился своей хитростью. Кроме того, он прославился своей приверженностью к взяткам и любовью к деньгам.

Но он был очень умным, и прибытие его заставило обеспокоиться обе стороны, как группу хедива, так и ватанистов. Задача его, согласно тому, как это было объявлено Турцией, сводилась к восстановлению порядка в египетской стране, сохранению существующего положения вещей от какого бы то ни было изменения, поддержке власти хедива как путем убеждения, так и путем наставлений.

Дервиш-паша был уполномочен в случае нужды довести до сведения Араби об упразднении палаты депутатов и вызвать турецкие войска в Египет.

Таково было это заявление Порты о своей миссии, но было известно, что делегация имеет другие устные инструкции, которые не совпадают с официальным заявлением Порты. Что же касается коллеги его по этой миссии шейха Ахмеда ас-Саада, имама турецкого махмаля и наместника халифа в Мекке, то этот шейх уже давно был связан с Араби и во время своего путешествия из Константинополя послал Араби телеграмму, говоря в ней, что „Дервиш-паша направляется к вам, но не беспокойтесь".

Приезд этого шейха в Египет имел лишь одно назначение — сближение с ватанистами и заверение их в благосклонности султана, особенно успокоение их насчет посылки турецкой военной экспедиции, чтобы убедить их в том, что в этих разговорах об экспедиции много вымышленного умами интриганов.

Эта делегация, на приезде которой настаивал хедив, до своего прибытия была в контакте с Араби.

Каждая сторона надеялась, что делегация будет на ее стороне. Но мсье Фрейсине в своих документах о египетском вопросе говорит, что „султан посылкой делегации преследовал лишь цель расширения и укрепления своего влияния и использования курса европейской политики как средства для того, чтобы надолго затянуть разрешение вопроса".

Хедив послал для встречи яхты „Изз ад-Дин" обер-церемониймейстера Зу-аль-Фукар-пашу и запретил товарищу военного министра, которого послал Араби, отправиться в Александрию на том специальном поезде, который был предназначен для поездки Зу-аль-Фукар-паши, а также сопровождать Дервиш-пашу в его следовании из Александрии в Каир.

Но Якуб Сами, вопреки запрещению хедива, поехал этим поездом и по прибытии в Александрию вступил в соглашение с своим коллегой, товарищем морского министра, и таким образом прибыл на яхту до приезда туда Зу-аль-Фукар-паши и Омара Лутфи, генерал-губернатора Александрии.

Дервиш-паша с большой торжественностью встретил Якуба Сами, и, когда они спускались, чтобы переправиться на берег, он посадил его в свою лодку.

Дервиш-паше была оказана исключительно торжественная встреча, соответственно его высокому положению и как представителю султана.

Он был доставлен во дворец Рас-ат-Тин, где был встречен офицерами гарнизона.

8 июня он направился на железнодорожную станцию, сопровождаемый приветствиями несметных толп народа, возлашавшего: „Господи, даруй победу исламу и погуби неверных". Говорили что эту демонстрацию организовал Саид-Бек Кандиль, начальник александрийской полиции, креатура Араби.

Дервиш-паша справился о значении этой демонстрации, на что он получил ответ, что массы таким путем выражают свою радость по случаю приезда делегации.

Дервиш-паша посадил вместе с собой в поезд Якуба Сами, вопреки запрету хедива и, остановив поезд в Танте, сошел вместе с сопровождавшими его и посетил гробницу Ахмеда, где произнес речь, переведенную шейхом Ас-Саадом. Резюме этой речи, обращенной к улемам, гласило: „Султан всей душой расположен к египетскому народу и послал меня, чтобы ободрить вас и придать вам энергии в ваших усилиях, направленных к охране отечества и повышению авторитета религии и отражения посягательств иностранцев на веру какими угодно путями и средствами, даже силой". Когда Дервиш-паша прибыл в Каир, то каждая из сторон всячески старалась как можно торжественней принять его. Дервиш-паша, сев в экипаж хедива, рядом с собой посадил Якуба Сами, представителя Араби. Войска были выстроены шпалерами на пути следования Дервиш-паши, военный эскорт сопровождал его экипаж, а массы народа следовали за ним, провозглашая: „Господи, даруй победу исламу и погуби неверных". Об организации этой большой процессии имелась договоренность между полицией и Саид-Хасан Муса аль-Акад, сторонником Халим-паши.

Несомненно, что демонстрация носила политический характер и была направлена против Европы. Европейцы забеспокоились по этому случаю.

Для Дервиш-паши был приготовлен дворец в Гизе, где он и поселился.

ОЧЕРК 21

(„Аль-Ахрам" от 19 XII 1931 г.)

Александрийская резня. Дервиш-паша, хедив и офицеры. Подкупил ли хедив Дервиш-пашу? Беседа Дервиш-паши с Араби и Махмудом Сами. Консулы Александрии и смута. Резня в Александрии. Число убитых.

Дервиш-паша и сопровождавшие его остановились во дворце Джазире, и после полудня в день своего прибытия Дервиш-паша посетил хедива. Беседа его с хедивом была сухой и усилила недовольство хедива, который чувствовал себя оскорбленным и был в обиде на Дервиш-пашу за оказанное им предпочтение офицерам и за хорошее его обхождение с ними. Когда хедив нанес Дервиш-паше ответный визит, то он не скрыл от него своего

негодования и потребовал от него, чтобы тот заявил ясно и вполне определенно, намерен ли он выполнять обещанное султаном или нет.

Дервиш-паша проявил большое недовольство по поводу этого вопроса и заверил, что главной его задачей является упрочение власти хедива, вплоть до того, что если обстоятельства того потребуют, он возьмет на себя командование египетской армией. Таким образом линия поведения Дервиш-паши внезапно изменилась. Его обвинили в том, что он взял взятку. В египетских кругах говорили, что хедив дал ему 50 000 ф. ст. и драгоценностей на сумму 28 000 ф. ст., как об этом сказано в мемуарах шейха Мохаммеда Абдо. Говорили, что англичане купили у Дервиш-паши маленькое имение его в Болгарии за баснословную сумму и осыпали его дорогими подарками. Смысл всех этих разговоров заключается в том, что с этого времени генерал не переставал высказывать своего нерасположения к офицерам. 10 июня состоялась встреча Дервиш-паши с улемами и офицерами. Как это следует из свидетельства шейха Абд ар-Рахмана аль-Бахрави перед военным трибуналом, когда один из улемов поднялся, чтобы произнести речь, восхваляющую армию и офицеров, то Дервиш-паша прервал его, сказав, что он прибыл в Египет для направления его развития в нужном направлении, а не для того, чтобы слушать фантастические речи и гимны, а затем он велел этому шейху покинуть зал. Сделав это, он все еще продолжал угождать Араби и его товарищам из опасений, что они подымут мятеж. Он любезно предложил Араби посетить Стамбул, где ему будет оказана самая теплая встреча. Араби ему ответил, что это давно взлелеянная им мечта, однако народ не разрешит ему покинуть страну, но что он питает большую надежду посетить Стамбул после того, как французский и английский флот покинут Александрию.

Из протокола военного трибунала, судившего повстанцев, и из мемуаров шейха Мохаммеда Абдо следует, что Дервиш-паша сказал Араби и Махмуду Сами: „Мы, люди военные, уважаем друг друга и вы, дети мои, уважайте меня. Я старше вас. Меня уполномочил султан заключить соглашение в его египетской семье, облегчите мне эту задачу. А я ведь знаю ваши жалобы, — они отпадут после ухода флота". Затем он сказал Араби: „Ты ведь единственный хозяин положения, хотя ты только министр военных дел, и это то, что вызвало гнев держав. Твой долг проявить по отношению к державам снисходительность, и, когда все это кончится, мы ликвидируем счеты между собой. Откажись от своих обязанностей, подай в отставку под предлогом моего пребывания здесь, так как я генерал, присланный султаном. Будь моим заместителем, работай под моим началом для того, чтобы облегчить мне переговоры с иностранцами. Тебе вместе с твоими товарищами офицерами можно будет отправиться в Стамбул, где халиф сочтет за благо и целесообразным повидаться с вами и переговорить". На это Араби ответил: „Твой проект очень хорош, и я не стремлюсь к власти, что ты желаешь приписать мне. Эта власть не узурпирована мной, а народ меня облек ею, и я обязан быть с народом и прислушиваться к его жалобам. Я признаю, что твои руки квалифицированней моих и больше подходят для разрешения трудностей, и меч мой я отдаю в твое распоряжение. Я готов к тому, чтобы следовать твоему совету, но при одном условии, что ты дашь именем султана, хедива и за твоей подписью письмо, в котором заявлялось бы о моей и моих товарищей непричастностни к последствиям того, что произошло до настоящего момента. И в виду

того, что я взял на себя обязательство перед консулами сохранить безопасность в Египте и взял на себя это бремя, я прошу меня освободить от этого в официальном порядке, потому что армия не знает иного, чем я руководителя и главы, в противном случае ответственность падет на нас. Французские и английские консулы своими действиями нарушают наш порядок, но мы живем в своей стране, а они чужестранцы. Мы относимся с уважением ко всему, что исходит от них, а они ни с чем не считаются, ничто наше не уважают".

После этих слов Дервиш пообещал ему созвать на 12 июня заседание под председательством хедива с тем, чтобы передать ему свои требования. Они просили Дервиша дать огласку всему тому, что имело место на этом собрании, и дать знать о нем в Александрию по телефону. Но Дервиш категорически отказался сделать какое бы то ни было заявление, впредь до принятия его предложения.

Маберли Бродлей, защитник Араби, передавал, что Дервиш-паша сказал ватанистским министрам, что в случае мятежа он вызовет турецкие войска. Когда ватанистские министры вошли к нему, Дервиш сказал Араби: „Махмуд-паша вошел впереди своих коллег-министров, подавших в отставку".

Махмуд Сами приветствовал его поклоном и стал представлять своих коллег генералу, а тот сидел, отвернувшись к окну, и рассматривал крепость, не пошевельнувшись даже. Он сказал Махмуду Сами, что вид крепости — прекраснейший вид. Затем Дервиш повернулся к Лябибу-эфенди и попросил его закончить рассказ о том, как Мохаммед 'Али расправился с мамлюками, и, когда тот закончил, Дервиш-паша сказал, обращаясь к Араби, что эта собака, которая спаслась, спаслась каким-то чудом. Эта встреча вызвала сильное недоумение у ватанистов, они ушли от Дервиша, стоя перед дилеммой: либо подчиниться хедиву, либо оказаться на положении мятежников, восставших против султана. Оставались только эти две возможности, третьей не было дано, но резня в Александрии, которая произошла 11 июня, т. е. спустя всего лишь один день после этой встречи, эта резня оказалась тем третьим выходом из положения, который никому не мог прийти в голову.

Смута в Александрии произошла не неожиданно и не без предварительной подготовки.

Мы уже говорили об имевшем место 27 и 28 мая ультиматуме офицеров и, возможно, и населения, волнении иностранцев, о подстрекательстве общества александрийской молодежи, о речах Абдаллаха Надима, который требовал изгнания иностранцев, низложения хедива, так что генерал-губернатор даже потребовал высылки его, как это следует из показаний Саида Кандиля начальника полиции.

9 июня Абдаллах Надим произнес речь в районе Анфуши, сильнейшим образом нападая на всех христиан, как об этом свидетельствуют Ильяс Мальхама, Ахмед Саляма, Мохаммед Сами, Омар Лутфи паша и шейх Ибрахим Сулейман-паша. А иностранцы чувствовали, что почва колеблется у них под ногами, чувствовали, что возмущение народа нарастает день за днем. Многие из них получали предостережения от друзей своих из туземного населения и занялись приготовлениями, но эти последние способствовали тому, что опасность возрастала. Их не оставляла мысль о самообороне, и английские офицеры вместе с греками сошлись на том, чтобы попытаться превратить площадь

Мохаммеда 'Али в отгороженное место или крепость, куда собрать всех детей женщин и стариков с тем, чтобы их защищали сильные мужчины с оружием в руках. Иностранцы толпились у оружейных магазинов, запасаясь средствами самообороны. Консулы Швеции и Норвегии передали проект офицеров консулам в Каир для утверждения, но те его не признали, рассматривая его как мотив к столкновению. Консулы отвергли этот проект 11 июня, а в тот же самый день произошли беспорядки в Александрии. Так как же произошли эти беспорядки?

День 11 июня был воскресным, нерабочим днем. Кофейни были переполнены народом.

Один мальтиец заехал в винную лавку своего соотечественника, находящуюся на улице Банат.

Мальтиец был пьян и ехал на извозчике. Последний потребовал от него платы. Мальтиец бросил ему пиастр и вошел в лавку. Извозчик последовал за ним, чтобы получить плату, они стали переругиваться, пока, наконец, мальтиец не нанес извозчику удар ножом, и тот упал, обливаясь кровью. Туземцы захотели преследовать убийцу, который убежал в дом одного из своих соотечественников. Люди преследовали его до тех пор, пока жители дома не встретили их оружейным огнем. Весть об этом тут же разнеслась, и весь город охватило волнение. Иностранцы стали укрепляться повсюду, где бы они ни находились: на улицах, на дорогах, в кофейнях, в своих жилищах, стреляя при этом в население, а последнее истребляло каждого иностранца, где бы его ни находили. Генерал-губернатор Омар-Лутфи поспешил к карaулу при Аль-Либан, чтобы внести успокоение, но никто, за исключением некоторых чиновников, не захотел его слушать, потому что была известна его приверженность хедиву. Даже более того, некоторые полицейские присоединились к населению.

Генерал-губернатор послал к Саид Кандилю, начальнику полиции на дом, но офицеры, которые находились там, ответили, что он болен, что у него парализована рука и он не может выйти и подвергнуть себя опасности.

Консулы держав поспешили на улицу Банат, где толпы встретили их дубинками и палками. Мистера Куксона выбросили из его экипажа, набросились на него с побоями, и он умер поблизости от полицейского участка.

Был убит один из переводчиков французского консула, а самому консулу удалось спастись.

Греческий и итальянский консулы и их помощники были легко ранены.

Были также ранены офицеры английского флота, обходившие город. Были убиты один офицер и два матроса. Генералитет искал убежища в арсенале, где и спасся.

Вооружение населения состояло из дубин и палок, вооружение иностранцев из винтовок и револьверов.

Часть европейцев соорудила баррикады и укрепилась в них.

Один гарибальдийский офицер укрепил площадь Рас ат-Тин, отражая вместе со своими товарищами нападающих оружейным огнем. Они причинили большие потери нападающим, но последние отомстили за себя на площади Мохаммеда-'Али.

Большие группы воспользовались моментом воскресного отдыха, чтобы посетить флот. Когда они возвращались в город, на них напали, раздели, избили, а часть убитых из них была брошена в море.

Из того, что может быть почерпнуто нами из сведетельских показаний полицейских чинов Ибрахима Атиха, Мустафы аль-Курдали, Ибрахима ас-Симсара, Ильяса Мальхама, Ахмеда Саляма, из их свидетельств и доклада помощника прокурора Хусейна Аль-Вассафа и некоторых других следует, что часть жителей пыталась прибегнуть к помощи полиции, но их прогнали, а некоторых уничтожили солдаты запаса. Некоторые чиновники всячески старались спасти их; но безрезультатно.

Генерал-губернатор потребовал от командира 5-го полка, расквартированного в Рас ат-Тин Сулеймана Давуда посылки роты для подавления беспорядков.

Полковник потребовал письменного распоряжения об этом, что было исполнено, но рота вошла в город лишь к заходу солнца.

Весть о случившемся была послана в Каир лишь по истечении четырех часов.

Когда Араби узнал о требовании генерал-губернатора, то приказал Сулейману Давуду принять его к исполнению.

Данные о числе убитых противоречивы, потому что большое количество тел было сброшено в море и в реку.

Люис Сабунджи, которого Блэнт послал из Лондона для того, чтобы он находился при Араби и держал бы Блэнта в курсе, в одном из своих писем говорит, что число убитых достигло 1400 чел. и большинство из них иностранцы а Нини, секретарь Араби, насчитывает лишь 238 чел. убитых, из которых 75 чел. из числа местного населения, а остальные — европейцы. Корреспондент газеты „Тан" говорил о 340 убитых. Правительство не провело официальной статистики убитых, но можно быть уверенным, что число убитых из местного населения было велико.

ОЧЕРК 22

(„Аль-Ахрам" от 20 XII 1931 г.)

ПОСЛЕ РЕЗНИ В АЛЕКСАНДРИИ

Взаимный обмен обвинениями в подготовке резни. Использование этого в политических целях. Приказы Араби офицерам. Посылка комиссии в Александрию. Консулы считают ответственным Дервиш-пашу. Указания Малета флоту о необходимости воздержаться от какой бы то ни было демонстрации. Рост числа беженцев. Консулы прибегают к Араби.

Резня в Александрии произошла 11 июня 1882 г., и длилась она с четверти второго после полудня до половины пятого.

Господствующим мнением было, что эта смута была подготовлена самым тщательным образом заранее с тем, чтобы воспламенить огонь в многочисленных местах одновременно.

Ватанисты обвиняли в подготовке резни хедива и его сторонников, а Араби обвинял англичан и утверждал, что сэр Малет, английский генеральный консул, уполномочил некоторых мальтийцев, которые переоделись туземцами, чтобы возбудить смуту, но другие его товарищи обвиняли в подготовке резни хедива Тевфика и Омара Лутфи, Александрийского генерал-губернатора.

Мистер Блэнт, друг Араби, принял эту версию, утверждая, что хедив послал Омару Лутфи телеграмму 5 июня, которая подтверждает это подозрение, но текст этой телеграммы не был установлен, как не установленным остается и до сих пор место, где впоследствии эта телеграмма была найдена.

Ясно, что Блэнтом это взято со слов защитников Араби перед военным трибуналом. Если мистер Блэнт написал секретную историю о восстании Араби, то он написал ее на основании того, что ему было передано, или, лучше сказать, на основании того, что было ему передано последователями Араби. Сам же он не был свидетелем событий и всех перипетий борьбы.

А хедив обвинял военных и их партию в неспособности обеспечить охрану жизни и безопасности населения.

Что же касается иностранцев, то они во всех отношениях оправдывали хедива в этой смуте и по многим причинам; первая из них—его религиозность, мягкость его характера, слабость его, и вторая это та, что еслибы он и отдал приказ солдатам, то ни один из них не подчинился бы ему.

Следовательно, остаются в качестве причин, вызвавших резню, действия таких подстрекателей как Абдаллах Надим, который был близким другом Араби и офицеров. Он разъезжал по всем железным дорогам, оплачивая проезд наполовину под тем предлогом, что он армейский агитатор. Надим — это тот, который требовал изменить название своей газеты и вместо „Надим" наименовать ее „Ат-Таиф" для того, чтобы название производило более сильное впечатление на читателей, так как „Таиф" есть часть святой земли.

Следствием и свидетельскими показаниями установлено, что смута вспыхнула одновременно в трех частях города, безотносительно и независимо одна от другой.

Большое число бедуинов, кочующих вокруг города, оказалось в местах, где произошли беспорядки.

И тем, кто обвинял ватанистов во всем происшедшем, присовокупляли, что человек, которого убил мальтиец, был арестован за преступление, но Саид Кандиль, начальник полиции, выпустил его на свободу для того, чтобы он сцепился с кем-нибудь из европейцев. Абдаллах Надим, известный подстрекатель, прибыл в Александрию вместе с Саидом Хасаном Муса аль-Аккад утром в день этих событий, и они встретились с Саидом Кандилем, и многие видели Саида Хасана аль-Аккад в части города Любнан, раздававшим населению дубинки.

Всеми свидетельскими показаниями перед комиссией по расследованию событий было установлено, что Саид Хасан Муса аль-Аккад утром того дня прибыл в Александрию, но не были лишь установлены только те действия, которые приписывались ему, а именно, что он был причастен к раздаче дубинок населению, раздаче, которая производилась через окно одного из жилищ поблизости от резиденции губернатора.

Однако вопрос обвинения начальника полиции Саида Кандиля был предметом рассмотрения потому, что Саид Кандиль был агентом Араби в Александрии, и в его бумагах было обнаружено шесть писем к нему от Араби, подтверждающих характер его функции, подтверждающих, что он является доверенным Араби. Между Саид Кандилем и Араби велась и шифрованная переписка — было обнаружено четыре таких письма, о чем свидетельствовал Хасан Бек Хусни, руководитель турецкого бюро военного министерства. Необ-

ходимо еще к этому добавить, что Саид Кандиль за несколько дней до смуты прибыл в Каир, где тайно часто встречался и с Араби и с Махмудом Сами. Когда же они были опрошены о действительной цели этих встреч и о том, какие беседы между ними имели место, то рассказ одного не совпадал с рассказом другого. Саид Кандиль собирал офицеров и начальников полицейских участков у себя в доме. Последнее такое собрание состоялось 10 июня, т. е. за день до смуты. Когда это собрание закончилось, Саид Кандиль вышел, говоря каждому, кого он только встречал, что он решил в воскресенье утром принять микстуру.

Для следователей было невозможно установить, действительно ли он был болен.

Подозрение относительно поведения ватанистов усиливает петиция, посланная офицерами 27 мая хедиву, в которой они (офицеры) настаивали на возврате Араби в состав министерства, затем выжидательная позиция войск на протяжении всего воскресного дня, когда происходили беспорядки, и наконец, старания, приложенные полковниками для того, чтобы преуменьшить статистику числа убитых европейцев.

Приводим письмо Араби от 10 июня, т. е. за день до происшествия; в этом письме он запрашивает о силах французского и английского флотов и называет эту силу морской силой врага; следует отметить также письмо, посланное им уже затем следственной комиссии с тем, чтобы сделать все для оправдания военных.

Защитники ватанистов по поводу этого обвинения возражали, что в интересах Араби и его товарищей было обеспечить сохранение порядка и общественной безопасности, потому что они взяли на себя обязательство в этом направлении. Их противники на это отвечали, что возбуждение беспокойства и волнения заставляют хедива и Дервиш-пашу прибегнуть к Араби и, с другой стороны, приводят к тому, что консулы должны вступить в соглашение с ватанистской партией.

Все эти обвинения, которыми противники забрасывали друг друга, все это мы напоминаем только лишь для истории.

Все указывает на то, что нервы каждой стороны были перенапряжены, и что выход был крайне затруднен, и достаточно было случиться этому злополучному событию, чтобы последовало то, что произошло в районах города и чтобы рамки законности оказались нарушенными со всех сторон.

После резни солдаты вышли из казарм, вступили в город, встали на перекрестках дорог и занялись разоружением.

Приказы, отдававшиеся Араби офицерам и командирам, основывались на требовании Дервиш-паши. Эти приказы отличались строгостью и подлежали быстрому и точному выполнению.

12 июня в Александрию дошла весть об образовании следственной комиссии, составленной из товарища военного министра Якуба Сами, министра юстиции Бутруса Гали, одного из адъютантов хедива и адъютанта Дервиш-паши.

После подавления смуты, в ночь на 12 июня [1] в доме английского консула Куксона состоялось собрание всех консулов для обсуждения способа защиты их граждан. На этом собрании присутствовал генерал-губернатор Александрии,

[1] В тексте ошибочно помечено 7 июня. *Х. К.*

который настаивал на том, чтобы флотом ничего не предпринималось, потому что малейшее движение с его стороны сразу же вызовет беспокойство среди всего населения, и особенно в войсках. Он считал, что лучше будет, если консулы отдадут подданным своих стран распоряжение, запрещающее им выходить из дому.

Но консулы предложили погрузить на английский броненосец „Сюперб" женщин и детей, объятых страхом и беспокойством. Этот броненосец с самого начала смуты был поставлен адмиралом поблизости от новой гавани с тем, чтобы можно было послать лодки, которые подобрали бы беженцев.

Омар Лутфи согласился с этим предложением только лишь по принуждению.

После ухода с собрания, он повторил свое требование, чтобы адмирал увел брененосец из гавани, но английское консульство, которое по телеграфу сносилось с адмиральским судном, уже переслало адмиралу решение консулов, а тот уже спустил лодки в море, и вернуть их, как того требовал Омар Лутфи, было уже невозможно, темнело, и нельзя было дать сигнал о необходимости их возвращения.

Офицеры (египтяне) движение лодок сочли за подготовку к английскому десанту.

Тогда к офицерам отправились генерал-губернатор и русский консул и успокоили их.

Этой ночью ничего не случилось, за исключением драки в квартале проституток, которой был сразу же положен конец вмешательством солдат.

Служащие генерал-губернаторства потратили всю ночь на то, чтобы перенести раненых и убитых в больницы, а полковник Сулейман Давуд и товарищи его хотели сразу же хоронить тела убитых, без того чтобы они были сначала переправлены в больницы.

12 июня прибыла комиссия, посланная из Каира, и созвала первое свое заседание на 7 час. утра. На этом заседании присутствовали консулы держав и крупные гражданские и военные чиновники. Полковники заявили здесь, что они гарантируют общественную безопасность при условии, что флот воздержится от каких бы то ни было приготовлений к военным действиям. Сошлись на том, что, во-первых, будет указано место на пристани, откуда беженцы будут погружаться на лодки, а, во-вторых, будет опубликовано обращение к местному населению и иностранцам с призывом к спокойствию. Консулы обещали, что посольской охраной будет арестовываться всякий, носящий огнестрельное оружие. Затем была назначена врачебная комиссия для посещения больниц.

Эта комиссия обнаружила в больницах 49 трупов, в том числе 42 христиан и 71 чел. раненых, из них 32 европейца. Но эти цифры не указывают на действительное количество убитых и раненых потому, что местное население уже унесло трупы своих и потому, что трупы многих христиан были сброшены в море и в реку, а некоторые тела были зарыты в песок. Поэтому действительное число убитых осталось неизвестным; приблизительно оно достигает 300 чел. и, по самой справедливой оценке, треть из них иностранцы, а две трети из местного населения — это по версии секретаря Араби, швейцарца, мсье Нини.

Однако средства, которыми вооружались, не могли успокоить умы, и беженцы переполнили суда, стоящие на якоре, так что военные английские

который настаивал на том, чтобы флотом ничего не предпринималось, потому что малейшее движение с его стороны сразу же вызовет беспокойство среди всего населения, и особенно в войсках. Он считал, что лучше будет, если консулы отдадут подданным своих стран распоряжение, запрещающее им выходить из дому.

Но консулы предложили погрузить на английский броненосец „Сюперб" женщин и детей, объятых страхом и беспокойством. Этот броненосец с самого начала смуты был поставлен адмиралом поблизости от новой гавани с тем, чтобы можно было послать лодки, которые подобрали бы беженцев.

Омар Лутфи согласился с этим предложением только лишь по принуждению.

После ухода с собрания, он повторил свое требование, чтобы адмирал увел брененосец из гавани, но английское консульство, которое по телеграфу сносилось с адмиральским судном, уже переслало адмиралу решение консулов, а тот уже спустил лодки в море, и вернуть их, как того требовал Омар Лутфи, было уже невозможно, темнело, и нельзя было дать сигнал о необходимости их возвращения.

Офицеры (египтяне) движение лодок сочли за подготовку к английскому десанту.

Тогда к офицерам отправились генерал-губернатор и русский консул и успокоили их.

Этой ночью ничего не случилось, за исключением драки в квартале проституток, которой был сразу же положен конец вмешательством солдат.

Служащие генерал-губернаторства потратили всю ночь на то, чтобы перенести раненых и убитых в больницы, а полковник Сулейман Давуд и товарищи его хотели сразу же хоронить тела убитых, без того чтобы они были сначала переправлены в больницы.

12 июня прибыла комиссия, посланная из Каира, и созвала первое свое заседание на 7 час. утра. На этом заседании присутствовали консулы держав и крупные гражданские и военные чиновники. Полковники заявили здесь, что они гарантируют общественную безопасность при условии, что флот воздержится от каких бы то ни было приготовлений к военным действиям. Сошлись на том, что, во-первых, будет указано место на пристани, откуда беженцы будут погружаться на лодки, а, во-вторых, будет опубликовано обращение к местному населению и иностранцам с призывом к спокойствию. Консулы обещали, что посольской охраной будет арестовываться всякий, носящий огнестрельное оружие. Затем была назначена врачебная комиссия для посещения больниц.

Эта комиссия обнаружила в больницах 49 трупов, в том числе 42 христиан и 71 чел. раненых, из них 32 европейца. Но эти цифры не указывают на действительное количество убитых и раненых потому, что местное население уже унесло трупы своих и потому, что трупы многих христиан были сброшены в море и в реку, а некоторые тела были зарыты в песок. Поэтому действительное число убитых осталось неизвестным; приблизительно оно достигает 300 чел. и, по самой справедливой оценке, треть из них иностранцы, а две трети из местного населения — это по версии секретаря Араби, швейцарца, мсье Нини.

Однако средства, которыми вооружались, не могли успокоить умы, и беженцы переполнили суда, стоящие на якоре, так что военные английские

суда к вечеру оказались не в состоянии двигаться из-за слишком большого числа поссажиров.

Всем стало ясно, что невозможно приостановить поток, иначе, как прибегнув к изданию приказов, исходящих из Каира, для того, чтобы успокоить население.

Консулы и политические деятели собрались у сэра Малета, и мнения их сошлись на том, что необходимо прежде всего успокоить иностранцев. Германский, австрийский и русский консулы считали, что достигнуть этого можно, лишь признав власть Араби, поддержав авторитет его власти.

Французский и английский консулы присоединились к этому мнению и допускали, кроме того, что какое-либо движение, проявленное флотом, может привести к новой резне. Сэр Малет обещал, что пошлет к адмиралу Сеймуру просьбу воздержаться от всего, что может быть истолковано как стремление к столкновению с ватанистами.

После этого собрания, которое состоялось 12 июня, консулы отправились к Дервиш-паше, чтобы довести до его сведения, что они считают его ответственным за сохранение общественной безопасности. Он ответил им, что не получал никаких инструкций и не располагает никакими средствами.

Около полудня консулы были приглашены во дворец, где они застали турецкую делегацию, Араби и даже Шериф-пашу.

После прений по поводу создавшегося положения вещей хедив обещал издать строгие приказы, а Араби обещал от своего имени и имени армии подчиниться этим приказам и взять на себя ответственность за поддержание общественной безопасности.

1 июля „Монитер Ежипсьен" опубликовал приказ хедива и декларацию Араби. Победа Араби была блестящей, — в тяжелый час прибегли к нему. До резни в Александрии помышляли только о том, чтобы удалить Араби из Египта. Но знали ли Араби и те, кто разделяли его точку зрения и его стремления, как они используют эту победу? И вспомнили ли они пословицу, гласящую, что: „не всегда кувшин уцелеет, нет..."

ОЧЕРК 23

(„Аль-Ахрам" от 21 XII 1931 г.)

ПОСЛЕ РЕЗНИ В АЛЕКСАНДРИИ

Дервиш-паша и его неудача! Обещание о присылке турецких войск. Усиление численности войск Александрии. Переезд хедива в Александрию. Рост числа беженцев. Комиссия по расследованию. Ибрахим Февзи — начальник каирской полиции и его славные дела. Посредничество держав Центральной Европы. Образование министерства Рагиб-паши. Программа министерства.

Генерал Дервиш-паша потерпел неудачу в своей миссии. Его задачей было успокоить умы, восстановить мир и спокойствие. Но Дервиш-паша не хотел примириться с своей неудачей и считал примирение хедива с Араби своей большой победой.

Председателем этой комиссии был назначен Омар Лутфи, генерал-губернатор, но фактически председательство принадлежало Якубу-Сами, товарищу военного министра, который получал распоряжения непосредственно от Араби.

В письме, датированном 14 июня, Араби писал Якубу Сами: „Предупреди тех своих коллег по комиссии, которые мало озабочены сохранением чести армии и достоинства народа. Сделай все, что можешь для защиты правительства и народа и для того, чтобы сорвать покров с тех, кто совершил это позорное дело. Наведи розыски среди иностранцев. Носятся слухи о том, что мальтиец, оказавшийся причиной всего того, что произошло, был связан с английским и французским консульствами в Александрии".

Якуб Сами ответил: „Занятая мной и моими коллегами линия поведения целиком соответствует вашему мнению, а поспешность влечет за собой раскаяние, — в медлительности же заложено благополучие. Умен тот, который заставляет своего врага действовать мечом, а сам остается улыбающимся зрителем при этом".

Умы политических деятелей были обеспокоены потоком эмиграции, наступившим застоем в делах, отсутствием сбыта продукции, безработицей рабочих.

Они хотели приостановить этот поток, но напрасно, потому что возбуждение умов, враждебно настроенных по отношению к иностранцам, было чрезвычайно сильно. Абдаллах Надим и большая группа уличных агитаторов сеяли ненависть и гнев в сердцах масс и считали все случившееся большой победой ватанистов над иностранцами.

Круги Аль-Азхара обходили Каир распространяя прокламацию за прокламацией, в которых они призывали к священной войне. Многие, находившиеся в долгу у иностранцев, требовали аннулирования их задолженности. Но Каир оставался в полном благополучии благодаря человеку большой энергии и активности, благодаря покойному Ибрахиму Февзи, начальнику полиции, который умер три года тому назад в Махаль аль-Кубра.

Этот выдающийся офицер 14 июня изложил заместителю английского консула те мероприятия, при помощи которых он думал обеспечить сохранение общественной безопасности в столице, где не произошло ни малейшего инцидента. Он сказал, что будет: 1) производить аресты всех беглых, которым здесь в столице нечего делать, и в особенности тех, которые прибыли из Александрии после резни; 2) предупредит ораторов, предложив им отказаться от своей пропаганды; 3) удалит бедуинов-кочевников из столицы; 4) расклеит во всех концах столицы объявления о том, что полиция будет охранять жизнь каждого жителя столицы, независимо от различия вероисповеданий и религии.

Вице-консул Англии переслал это сообщение начальника полиции своему правительству, отзываясь о нем (начальнике полиции) очень похвально.

15 июня Араби объявил о мерах предосторожности, предпринятых Ибрахимом Февзи и им уже осуществляемых. Губернаторства и генерал-губернаторства были об этом поставлены в известность по телеграфу.

Ибрахим Февзи не довольствовался всем тем, что уже было выше изложено, больше того, он лично беспрерывно объезжал столицу верхом на лошади.

17 июня итальянцы торжественно награждали слушателей своего училища.

На этом празднестве Араби говорил о братстве народов, призывал к дружбе, к осуществлению этого братства и к успокоению. Несмотря на спокойствие и мир, господствовавшие в Каире, жизненные источники перемещались из

столицы на окраины. Управление домэнов переехало в Порт-Саид, компания Суэцкого канала—в Исмаилию, а управление финансового контроля, правление железных дорог и телеграфа переехали в Александрию. Все европейские ведомства покидали столицу одно за другим. Было совершенно невозможно мириться с таким положением вещей.

Германия, Австрия и Россия договорились на том, что лучшим средством для выхода из этого тупика будет примирение хедива с Араби. Дервиш-паша просил консулов Австрии и Германии приложить свои усилия в посредничестве между ними (хедивом и Араби).

Германский посол в Риме попросил министра иностранных дел Италии дать указание де-Мартино, итальянскому консулу, содействовать своим коллегам в этом направлении. И на этом основании консулы держав центральной Европы начали вести переговоры с Якубом Сами и Талябой Исметом, теми двумя виднейшими представителями ватанистов, которые находились в Александрии. Когда оба эти офицера согласились с мнением консулов, последние отправились к хедиву Тевфику, поговорили с ним со всей решительностью и потребовали от него ответа в течение 24 час. Хедив Тевфик, не встретив никакой поддержки со стороны консулов Англии и Франции, желавших выиграть время, принял предложение консулов держав Центральной Европы и призвал к себе Исмаила Рагиба-пашу.

27 июня хедив предложил последнему образовать министерство. Рагиб принял это предложение и тут же отправился в Каир, чтобы повести переговоры с Араби. Это вызывалось тем, что, когда Таляба Исмет справлялся о мнении Араби насчет образовании министерства, то ответ Араби на этот вопрос Исмета был неясен. Полагали даже, что Араби обусловит составление нового министерства низложением хедива.

Но Араби ответил Рагибу-паше, что армия удовлетворена фактом образования нового министерства, и послал письмо об этом хедиву.

21[1] июля хедив поставил в известность консулов об образовании нового министерства под председательством Исмаила Рагиба-паши, сохранившего за собой портфель министра иностранных дел.

Свой указ по этому поводу министерству внутренних дел хедив переслал по телеграфу, и вот что говорилось в нем: „В виду того, что настоящее положение вызывает необходимость в существовании организации, на которую можно было бы опереться при разрешении государственных дел и проведении реформ, в виду этого мы избрали и назначили Исмаила Рагиба-пашу председателем совета министров и приказали ему избрать организацию, чтобы опереться на нее и т. д.“ На это Араби ответил: „И от своего имени и от имени всех армейских офицеров мы выражаем В/величеству свою радость по поводу этого назначения, надеясь, что это поведет к желанной цели“.

Так было составлено министерство Рагиба с Араби в качестве военного министра и Ахмедом-Рашид-пашей в качестве министра внутренних дел, 'Али Ибрахима-паши — министра юстиции, Махмуда аль-Фаляки-паши — министра общественных работ, Сулеймана Абаза-паши—министра просвещения, Хасана Шериф-паши — министра вакуфов, Абд ар-Рахмана Рушди-бека — министра финансов.

---

[1] По ошибке в тексте указано 20 июля. *Х. К.*

Программа этого министерства включала всеобщую амнистию, за исключением лишь участников александрийской резни, и образование смешанной комиссии для расследования обстоятельств этой смуты.

Дервиш-паша послал султану телеграмму о том, что он добился успеха в осуществлении своей задачи, однако консулы держав не были в этом убеждены и не верили в этот успех.

ОЧЕРК 29

(„Аль-Ахрам“ от 30 XII 1931 г.)

СОЖЖЕНИЕ АЛЕКСАНДРИИ И БЕГСТВО ИЗ НЕЕ

Почему была сожжена Александрия. Осада хедива в Рамле. Араби обвиняет англичан в пожаре. После сильных угроз хедив под защитой флота. Ужасные картины бегства из Александрии.

Нам уже известно, что Сулейман Сами ибн-Давуд, командир шестого полка, вывел своих солдат из казарм в Маншию и, выстроив свой полк, обратился к нему со следующей речью: „Враг хочет силой овладеть городом, но мы решили эвакуировать город, очистить его от населения и сжечь его для того, чтобы враг не мог ничем воспользоваться“. Мы уже сказали, что младшие офицеры протестовали против его слов, но Сулейман Сами заставил их замолчать и приказал им ждать распоряжения для исполнения. Нам уже также известно, что в 4 часа с кораблей заметили, как начал клубиться дым над Александрией, и что посланный адмиралом для переговоров вернулся, известив его, что город пуст.

Всадники, которые были посланы во все концы города и на базары, приказывали очистить город и эвакуироваться, ссылаясь при этом на Араби. Они говорили, что город будет разрушен и сожжен и чтобы население спасалось. Население охватила сильнейшая паника, и это бегство людей сопровождалось всеми видами страданий, страхов и ужасов. Давили стариков, женщин, детей, члены семей теряли друг друга.

Заключенные, которые были арестованы после резни от 11 июня, выпущенные теперь на свободу, вместе с бедуинами со всех сторон обрушились на город. И воры из иностранцев приняли деятельное участие в грабеже вместе с бедуинами и чернью.

Шейх Мохаммед Абдо говорит, что сто пятьдесят тысяч беженцев, лишенных всего, двигались без цели, без приюта, полные ужаса. Одни шли по берегам Махмудии и Даманхура вдоль железной дороги, железнодорожного моста из Даманхура в Каир.

Толпа беженцев двигалась черной лентой, то широкой, то узкой и шла по всем направлениям, уподобляясь длинной человеческой цепи, медленно передвигающейся без охраны, без хлеба. Она представляла резкий контраст с прозрачным небом и зеленой цветущей землей. Люди точно были объяты психозом, гоня перед собой гусей, ведя лошадей, несли на плечах животных, мебель и рваную одежду.

Во втором часу поднялся Сулейман Сами с своего стула, стоящего посреди Маншии, и направился к магазину поблизости от казарм охраны и, взяв то-

пор, разбил двери. Когда же начальник полиции и некоторые артиллерийские офицеры, находившиеся при этом, стали порицать эти действия, то Сулейман Сами обрушился на них с потоком ругательств. Вытащив бидоны с керосином, Сулейман Сами стал смачивать в нем тряпки, зажигать их и раздавать солдатам для того, чтобы они поджигали склады, лавки и жилые помещения. Затем он вернулся на свое место в центре Маншии, а солдаты стали выполнять то, что было им приказано. К солдатам, занимавшимся поджогом, присоединились разбегавшиеся солдаты пятого и четвертого полков из Рас ат-Тин, начавшие поджигать улицу Шарифа и другие улицы. [1]

Сулейман-паша не отрицал этих своих действий при расследовании их военным трибуналом. Это же подтверждали свидетели из офицеров и другие, потому что этот план был намечен еще 27 мая, когда офицеры посылали телеграмму хедиву, в которой писали, что если Араби не будет возвращен в военное министерство, то они снимут с себя ответственность за сохранение общественной безопасности и за существование самого города. Кроме того, их программа намечала не только сожжение города, но и арест консулов.

Умнейшие из ватанистов полагали, что Англия слаба на суше, и совершенно необходимо, чтобы в случае войны лишить ее этой добычи, т. е. Александрии и стратегической позиции, на которую она (Англия) могла бы опереться при ведении военных действий. Ватанисты хотели уподобиться России во время нападения на нее Наполеона в 1812 г., когда Растопчин сжег Москву, чтобы лишить Наполеона точки опоры и, как известно, добился успеха в этом.

С этой целью по всей стране были распространены листовки об этом факте, имевшем место в России, для того, чтобы общественное мнение было подготовлено для принесения этой жертвы в отместку англичанам.

Мсье Думер Бэнта, датский консул, во время суда над Араби показал перед военным трибуналом, что Араби, однажды, при обсуждении с ним возможности нападения Англии, сказал Монжу, французскому консулу в Каире, что „если англичане решатся напасть и высадят своих солдат на нашу землю, то они найдут перед собой только развалины и руины". Когда же консул напомнил ему о гуманности и „правах человека", то Араби напомнил ему о поступке русского Растопчина.

Нини, личный секретарь Араби, показал, что „разрушение города было предрешено знатными людьми задолго. Они неоднократно повторяли, что сожгут город и не позволят иностранцам овладеть им и осквернить его".

---

[1] Что же касается Кромера, то он уверен в правильности обвинения Араби в том, что тот сжег Александрию. 14 июля мистер Блэнт писал: „отправился встретить Грегори, он выразил мне свое сожаление по поводу сожжения Александрии и надежду на то, что не Араби отдал приказ об этом. На это я ему ответил, что Араби в праве был сделать то, что он сделал, что такой же была линия поведения русских в Москве и что это согласуется с известной мне линией ватанистов, рассчитанной на сожжение города, прекращение доступа воды, занятие военных позиций для обороны, и все это то, что предпринимает каждый преданный и решительный командир". В своей книге о восстании Блэнт говорит, что сожжением Александрии Араби выиграл время, необходимое для укрепления в Кафр ад-Давар, и если бы он выполнил свой план до конца, т. е. блокировал бы Суэцкий канал, то он сумел бы сопротивляться очень долго и, может быть, добился бы в конце концов и победы.

Бродлей, защитник Араби, признался в том, что ватанисты до бомбардировки Александрии закупили большое количество керосина, и признал, что всадники, которые предлагали населению покинуть город, потому что он будет сожжен, не находились под начальством Сулеймана Сами, а подчинялись помощнику военного министра Талябе.

Офицеры Ахмед Наджиб, Али-Давуд, Саад Абу-Джебель, Исмаил Бек Сабри, Махди Бек и товарищ министра иностранных дел Тигран Бек показали, что Таляба и Махмуд Сами проходили мимо Маншии, где тогда бушевал огонь, и не проронили ни единого слова. А заместитель начальника полиции и некоторые офицеры, помощники его, зная о намерении Сулеймана Сами до осуществления его, отправились к Араби, который находился в Баб-аш-Шарки, и потребовали от него отдачи приказа, запрещающего осуществление этого намерения. Араби этого не сделал, приказа не отдал.

Когда же был опрошен Араби, то он сказал, что пожар возник от бомб англичан, но помощники Араби всю ответственность возлагали на Сулеймана Сами.

Сулейман Сами признался в том, что он сжег Александрию, и, даже больше того, сознался в том, что он намеревался покончить с хедивом Тевфиком во дворце ар-Рамль.

Охрана хедива состояла из кавалерии под командованием офицера в чине бин-баши, но после полудня 12 июля прибыли четыре роты шестого полка, которые расположились лагерем вокруг дворца, а другим кольцом позади них расположилась кавалерия.

Им был отдан приказ никого не пропускать ни из дворца ни во дворец. Позади войска волновалась и шумела толпа. Обитатели дворца, напуганные этим, стали в ужасе кричать и вопить, и беспокойство всех настолько возросло, что хедив потребовал дать ему его винтовку, а генерал Дервиш-паша поклялся ему (хедиву), что он умрет у ног его. Затем был вызван бин-баши, сказавший что полученные им приказы сводятся к тому, чтобы воспрепятствовать какой-либо связи обитателей дворца с внешним миром. Тогда же Султан-паша и Сулейман-паша Абаза и третий из министров отправились к Араби, находившемуся у Баб-аш-Шарки, где он был занят упорядочением отступления армии.

Араби опасался принять их (Султана-пашу и других). Когда же они встретили его, то Араби сказал Султан-паше: „Что же я могу сделать, если народ в гневе на хедива. Народ опасается, что хедив прибегнет к флоту англичан". Но когда они стали настаивать и сообщили ему, что хедив потребовал специальный поезд для возвращения в Каир, то Араби отдал приказ Талябе Исмету, чтобы тот отозвал полк, окруживший дворец хедива. Но когда полк был отозван, то кавалерия начала располагаться лагерем вокруг дворца. Но кавалерия была настроена больше в пользу хедива, чем в пользу Араби и его группы.

Когда же наступила ночь, хедив послал подарки и деньги офицерам и рядовым кавалеристам, а Дервиш-паша наградил всех офицеров орденами,и таким образом нападающие превратились в защитников. Некоторые утверждали, что повстанцы намеревались сжечь дворец вместе с его обитателями, но это утверждение оставалось под сомнением. Но твердо известно, что они хотели овладеть особой хедива. Даже мистер Блэнт, друг Араби, подтвердил это и сказал, что Араби допустил ошибку, отказавшись от своего намерения, потому

что англичане захватили хедива для того, чтобы использовать его (хедива) в качестве своего знамени перед египтянами на случай победы, или в качестве их заложника на случай поражения,

Поступок, совершенный повстанцами в отношении хедива, толкнул его на то, чтобы на следующий день искать убежища под защитой английского флота,—это то, что может быть почерпнуто со слов делегации, отправившейся к Араби для того, чтобы был отозван шестой полк. В состав этой делегации входили Сулейман-паша Абаза и Хасан Хусни-бек, вернувшийся затем во дворец Рас ат-Тин.

Бегство населения и отступление армии все продолжалось на протяжении 12 июля. Махмуд Фахми был избран в качестве начальника генерального штаба для того, что бы им было подыскано место убежища для армии. Он избрал ферму Хуршид, поблизости от Кадир ан-Набатия. Первая часть войска отступила в полном порядке, но следующая за ней часть прибыла перегруженная награбленным, и привести ее в порядок было невозможно. Грабеж, драки и убийства из-за добычи свирепствовали в городе повсеместно. Поезда были переполнены самыми разнообразными людьми. Что же касается солдат Сулеймана Сами, то они занимались выполнением своей задачи до 5 час. дня, когда протрубил сбор, и они собрались с награбленным и направились к Баб-аш-Шарки. Во всем городе остались лишь воры, грабители и некоторые европейцы, оградившиеся в уже упомянутых зданиях.

Араби провел эту ночь в лодке на канале Махмудия, а Сулейман Сами со своими офицерами провел эту ночь во дворце хедива на Махмудии, известном как дворец № 3.

ОЧЕРК 32

(„Аль-Ахрам“ от 5 I 1932 г.)

Хедив и Араби. Араби своими приказами отменяет приказы хедива и предписывает офицерам и чиновникам следовать его указаниям. Образование чрезвычайной палаты. Созыв национального собрания. Острый характер прений в национальном собрании. Шейх Улейш провозглашает свержение хедива. Трое пашей защищают хедива. Предложение коптского патриарха. Тюрьма Тубхане и заключенные в ней. Закрытие доступа вод из Махмудии. Начало военных действий между передовыми отрядами. Две газеты—официозы. Араби и министры. Воззвание Араби к народу.

Нам уже известно, что состояние войны между Египтом и Англией считалось уже существующим с 10 июля, когда советом министров, состоявшимся под председательством хедива Тевфик-паши, было послано письмо в ответ на ультиматум адмирала Сеймура. После этого было объявлено чрезвычайное положение. Мобилизовались мулы и лошади, запас был призван к несению военной службы.

Мы уже также знаем, что хедив после возвращения его в Рас ат-Тин, где он, опасаясь за себя, искал защиты английского флота, уединился надолго

с адмиралом Сеймуром, и осталось неизвестным, о чем они разговаривали между собой.

Но известно, что после этой беседы хедив направил письмо Араби, говоря в нем, что после бомбардировки укреплений разногласия с англичанами исчерпаны.

Араби ответил на это письмо тем, что не последовал указу хедива (смотри нашу статью № 30). Письмо хедива и ответ на него Араби опубликованы в официальной газете от 17 июля.

Якубу Сами-паше, товарищу военного министра, хедив отдал приказ с предписанием вернуть беженцев из Александрии, которые покинули ее 13 июля, как следует из газеты „Вакаи Аль Мисрия" от 15 июля. Араби запротестовал по этому поводу, аргументируя тем, что англичане учинят расправу над этими беженцами. Араби запретил начальникам станций пропускать в поезда беженцев, желающих возвратиться в Александрию.

Это следует из признания Араби перед следственной комиссией. Затем Араби послал Якубу Сами телеграмму, говоря в ней, что обнародованный хедивом указ о мире не действителен. Араби сообщил полицейскому управлению Каира о том, что теперь министры — пленники англичан, потому что они остались с Тевфиком-пашей и что Рагиб-паша издал указ об отмене мобилизации не иначе, как под давлением англичан. Указы Рагиба, адресованные губернаторствам и генерал-губернаторствам, не должны приниматься во внимание. Он говорил, что хедив присоединился к врагам мусульман, что эти враги угрожают существованию жителей страны, убивают их и захватили Александрию. Сверх того, он указывал на введение чрезвычайного положения и на необходимость подчинения военным властям, а тот, кто не подчинится им, будет подлежать строжайшему наказанию военных судов (см. „Вакаи Аль-Мисрия" от 20 июля).

Вот что происходило между хедивом и Араби. Араби хотел придать своим действиям видимость юридической санкции, но он чувствовал, что достичь этого не может, опираясь только на военный совет, возникший в Каире со дня бомбардировки Александрии, или только на чрезвычайную палату, которая была образована уже впоследствии для управления страной и в состав которой входили товарищи министров, руководители ведомств, высшее офицерство и генералитет.

Араби хотел опираться на палату, которой был бы присущ характер народного представительства. Для этого он призвал на заседание чрезвычайной палаты сотни улемов, пашей и знати, устроив 17 июля собрание в министерстве внутренних дел под председательством товарища министра внутренних дел Хасан-паши Дарамы и Махмуда и Якуба Сами в качестве его помощников. Собрание было чрезвычайно бурным. На нем выступали против хедива. Круги Аль-Азхара обвиняли хедива в отступничестве. Среди присутствующих был шейх Улейш, шейх маликатов, который произнес следующее: „Аллах всемогущ, и мы уже низложили хедива. Всемогущий аллах покарал того, кто учинил беззаконие и тиранию". После этого выступления усилились крики и шум, а некоторые шейхи вызвались написать фетву о низложении хедива.

Тогда Мустафа Акуш-паша и Абд аль-Латыф-паша поднялись, чтобы возразить экстремистам, говоря, что это противоречит воле султана. Но экстремисты наговорили им много горьких слов, сильнейшим образом им угрожая,

а публика молчаливо и недвижно им внимала. Вопрос о низложении хедива превратился в вопрос продолжения мобилизации. Когда шум немного стих, коптский патриарх и 'Али-паша Мубарак внесли предложение послать делегацию в Александрию для того, чтобы выяснить положение хедива и министров. С этим предложением согласились, и выбор пал на 'Али-пашу Мубарака, Ру'уф-пашу, Ахмед-Бека ас-Суюфи, шейха Саид-Бека, шейха 'Али Наяли и шейха Ахмед Кабухи. Эта делегация отправилась в Кафр-Давар, где встретилась с Ахмедом Араби, который разрешил 'Али-паше Мубараку отправиться в Александрию.

Когда 'Али-паша Мубарак прибыл к хедиву и передал ему обо всем, то хедив, придя в еще более сильное возмущение, издал указ об отстранении Араби от военного министерства и послал в Стамбул донесение о мятеже Араби и его сообщников, снимая с себя ответственность за последствия их (мятежников) действий.

Когда прибыл в Каир указ хедива о смещении Араби, то Якуб Сами, товарищ военного министра, собрал всех присутствовавших на первом собрании и прочитал им текст указа хедива. Смятение чрезвычайно усилилось, и мнения присутствующих разошлись.

Офицерам стало ясно, что большинство склоняется к отставке Араби. С выкриками против хедива и призывами к войне они извлекли сабли из ножен. Присутствующие испугались и замолчали. Тогда было решено оставить Араби в военном министерстве, поручив ему защиту страны, покуда суда англичан будут перед стенами Александрии. Решено было не обращать никакого внимания на указ хедива. Якуб Сами распространил тут же это решение по всей стране. Когда хедив об этом узнал, он повторно издал указ об отстранении Араби и разослал его во все концы страны, но офицеры препятствовали его распространению.

Ораторы и поэты разъехались по всей стране для поддержки Араби. А в одной из сочиненной ими поэм один из шейхов Аль-Азхара говорит:

„Клянусь тебе, это время —
не время ребячества;
не время наслаждения песней
в кофейнях за чашей пировой.
Это время — не время
беспечности и мальчишества.
И это не есть время для воспевания женщин и любовных серенад.
Но это время — время глубочайшей серьезности;
это время молодецкой удали.
Этому времени соответствует лишь
пребывание в фортах и укреплениях.
Это время, когда подготовка есть
обязанность, подготовка для выполнения приказов Араби.
Провозглашайте: «О, Араби, приказывай
все, что сочтешь нужным.
Твой приказ будет выполнен».
Говорите:
«О, Араби, продолжай руководить партией победы, охраняемой богом»".

Из стихов, написанных другим поэтом:

„Достижение высокого совершенства
в искусстве владеть пиками в отря-
дах и достижение чаяний — все это
плоды трудных усилий.
И кто из людей как Араби тверд и непоколебим".

Так как вопрос об Араби хедив поставил перед султаном, то чрезвычайная палата вынесла об этом решение, приняв его на очень широком собрании, которое рассматривалось как национальное собрание. Это решение было направлено Порте и Руф'ат-бек воспользовался этой возможностью как предлогом для того, чтобы завести переписку с Портой, которая продолжалась вплоть до сражения при Тель-эль-Кебире. Последователи хедива или противники Араби не предпринимали ничего, опасаясь за себя, потому что тюрьма Тубхане в крепости была уже переполнена заключенными, число которых превышало тысячу человек. Было достаточно уже малейшего подозрения, чтобы быть арестованным, подвергнутым пыткам и чтобы конфисковалось имущество. А сильнейшим пыткам в тюрьме Тубхане заключенных подвергали Хасан Дарама, Якуб Сами и Мустафа Рамзи.

В силу всего этого Рагиб-паша удовлетворился тем, что написал 17 июля адмиралу Сеймуру о том, что действия мятежников противоречат воле правительства и директивам его. Но он не осмелился признать, что повстанцы выходят за пределы рамок законности и порядка до тех пор, пока отчаяние хедива не достигло своего предела.

Рагиб-паша встретился с адмиралом Сеймуром и просил адмирала поспешить с военными действиями, как это следует из телеграммы английского вице-консула лорду Гренвилю от 19 июля.

Вплоть до 20 июля ничего не предпринималось, и лишь в этот день англичане занялись укреплением города, чтобы не подвергнуться в нем внезапному нападению.

21-го англичане установили, что уровень вод канала Махмудия очень быстро падает. Их (англичан) охватило беспокойство. Стало ясно, что египетские инженеры построили плотину у станции Кендж Осман.

В виду того, что плотина была воздвигнута на большом расстоянии от устья канала, вода еще продолжала оставаться на дне канала на протяжении нескольких дней, затем вкус воды очень изменился, и вода оказалась непригодной для питья, потому что египетские инженеры прорыли небольшой канал, соединивший солончак с каналом Махмудия, и вода в канале стала соленой.

Командующий английскими силами отрядил воинскую часть, которая направилась к водным сооружениям в Рамле, а 22-го другой отряд перешел устье солончакового озера и после небольшого сражения с ватанистами отступил, разрушив линию железной дороги.

А в это время к генералу Алиссону прибыли подкрепления в количестве 1108 чел. солдат и батарея артиллерии. Тогда генерал решил оккупировать Рамль и занял его без боя. Он возвел баррикады, чтобы помешать продвижению ватанистов на Абукир и Мариут.

В тот же самый день в Александрии было налажено издание официальной французской газеты „Монитер Ежипсьен" под руководством Борлей-бека,

главы финансового бюро. Это в силу того, что „Аль-Вакаи Аль Мисрия" продолжала оставаться в руках повстанцев в Каире, редактировал ее Шейх Мохамед Абдо. „Монитер Ежипсьен" в своем первом номере опубликовала высочайший указ о смещении Араби; в этом указе хедив порицал действия Араби, призвавшего население Александрии покинуть город, эвакуировавшего войска из города в Кафр ад-Давар, перервавшего пути сообщения, препятствующего возвращению населения в город, продолжающего приготовления к военным действиям, непрекращающего продвижение к Рас ат-Тину, вопреки приказам хедива приостановить все это.

В высочайшем указе, обращенном к народу, хедив излагал ошибки Араби, напомнив из них (ошибок) ту, что Сеймур уже, было, обещал вернуть город египетским властям, если для этого окажутся верные и преданные солдаты, которые приняли бы его (город), и что Англия, было, обещала, что она не будет возражать против высадки турецких войск.

Свое послание хедив заканчивал обещанием амнистии всем, за исключением вожаков.

И вместе с этим обращением объявлялся высочайший указ хедива о назначении военным министром Омара Лутфи-паши. („Монитёр Ежипсьен" от 24 июля.)

А теперь вернемся к миссии 'Али-паши Мубарака и его товарищей. Как мы уже сообщили, они прошли Кафр-ад-Давар и направлялись в Александрию, но перерыв в средствах сообщения помешал их прибытию за исключением 'Али-паши Мубарака, который был убежден, что соглашение легко достижимо на основе англо-французского ультиматума от 7 июня и что и он сумеет преодолеть гнев хедива Тевфика-паши, напомнив ему о трудностях, которые возникнут перед военными действиями в условиях наводнения, и ту опасность, которая кроется в отчаянии, охватившем армию, готовой к тому, чтобы взорвать плотины и залить страну.

Хедив направил 'Али-пашу Мубарака к сэру Кельвину, который первым условием поставил открытие канала Махмудия.

В течение этого времени Араби восстановил телеграфную связь с Александрией и разрешил остальному составу делегации отправиться в Александрию.

Делегация была убеждена, что офицеры удовлетворятся демобилизацией армии и тем, что их вышлют из страны, отправят в ссылку с сохранением чинов и содержания.

27 Араби отверг все эти условия, и перед делегацией не осталось ничего другого как написать доклад, указав, что министры свободны и что законное правительство работает регулярно установленным порядком.

'Али-паша Мубарак остался при хедиве, а товарищи его по делегации возвратились в Каир с докладом в чрезвычайную палату.

31 июля совет министров издал указ, объявляющий народу о том, что Араби отстраняется и изгоняется.

Но Араби опередил их и 25 июля опубликовал в газете „Вакаи Аль-Мисрия", воззвание, говоря в нем, что хедив — близок к англичанам, и все, что он говорит, направлено в пользу англичан, хедив жертвует интересами страны и ее населения. Араби писал: „На обязанности каждого египтянина, каждого офицера, солдата и охранника ловить шпионов, распространяющих приказы и прокламации от кого бы то ни было кроме меня, потому что враг

хочет взять нас хитростью. Хедив предал родину и народ англичанам. Каждый, имеющий при себе секретные бумаги, должен быть препровожден военному трибуналу и подлежит строжайшему наказанию.

Что же касается нас, то и мы не оставим народ, пока в нас бьется сердце".

ОЧЕРК 42

(„Аль-Ахрам" от 19 I 1932 г.)

АРАБИ В КАИРЕ

Собрание чрезвычайной палаты и ознакомление ее с положением вещей. Араби и его мнение о продолжении защиты. Палата требует от Араби и его последователей, чтобы они обратились к хедиву с просьбой о помиловании. Ру'уф-паша и Бутрус-паша Гали уполномачиваются для передачи этой петиции. В Кафр-ад-Давар их задерживают для того, чтобы они дождались другой петиции, передаваемой Абдаллахом Надимом. Бегство Абдаллаха Надима. Приказ хедива об аресте 'Али ар-Руби. Прибытие английских войск в Загазик и захват ими 4 поездов. Вступление индусской кавалерии в Каир. Занятие крепости и укреплений. Арест Араби, Талябы и 'Али Хунфуса.

Люди чрезвычайно затруднялись в истолковании бегства Араби, который ни в малейшей степени не взял на себя руководство в Тель-эль-Кебире и не пытался ни сопротивляться, ни собрать остатки своего войска, разброда которого был свидетелем корреспондент газеты „Тан". И спрашивается, как стал возможным тот факт, что это войско совершенно растаяло в течение нескольких минут? Лорд Мильнер говорил, что примера подобной трусости не помнит история армий и войн. Шейх Мохаммед Абдо был уверен в том, что только лишь трусость толкала Араби ко всему тому, что было им сделано. Араби после событий в Нильском дворце требовал представительного собрания, только из-за уверенности, что парламент спасет его (Араби) от пугавшего его воображение грядущего наказания. Но не будем здесь об этом распространяться.

Историки согласны в том, что после пленения Махмуда Фахми армия осталась без руководства, и, более того, в пустыне Тель-эль-Кебир в армии уже не было никакого порядка. Они же (историки) сходятся на том, что регулярные войска, оставленные в Кафр ад-Даваре, Абу-Кире, Розетте и Дамиэтте, были наиболее организованными, сильными частями.

Чрезвычайная палата ежедневно собиралась в Нильском дворце в ожидании вестей, так как было известно, что близок час решающего сражения. 13-го стало известно, что решающий приговор будет вынесен сражением при Тель-эль-Кебире. В Нильском дворце тратили долгие часы в ожидании известий. Товарищ военного министра Якуб Сами, завладев телеграфом, никому не сообщал о полученных сведениях до тех пор, пока Араби не прибыл в Каир. Тогда он поставил об этом палату в известность, и результат стал ясен. Заботы чрезвычайной палаты направились к тому, чтобы воспрепятствовать беглецам и беженцам проникнуть в Каир, особенно бедуинам. Это из-за опасений гра-

бежа, воровства и разрушений. Осуществление этого взял на себя Ибрагим Февзи, начальник полиции.

Вскоре в Нильский дворец прибыл Араби и вместе с ним 'Али ар-Руби. Араби сел, не проронив ни слова. Затем он попросил чашку кофе и, выпив его, стал упрекать армию, которая предала его. Его речь была завершена словами 'Али ар-Руби, заявившим, что войска забрасывали Араби кирпичами при его попытке обратиться к ним с речью.

Затем Араби просил чрезвычайную палату поторопиться с возведением укреплений вокруг Аббасии, затем собрать беглецов солдат и других и поставить их перед лицом англичан. В этом же духе высказался и Абдаллах Надим. 'Али ар-Руби выступил с возражением, высказываясь за капитуляцию. В течение этого времени были оповещены улемы и руководящие политические деятели, и, когда они собрались, Араби передал им о случившемся, сказав: „Что касается меня, то я не перестаю быть за продолжение дела защиты страны и за дальнейший отпор врагу". Произнес он это рыдая. В ответ один из видных офицеров сказал ему: „Достаточно с тебя того, что уже произошло до сих пор. Александрия уже разрушена благодаря твоей нераспорядительности и благодаря тому, что ты не отдаешь себе отчета в последствиях. Хочешь ли также разрушить и Каир? Мы не допустим его гибели. Довольно, довольно уже происшедших разрушений".

Палата после долгих прений постановила отказаться от сопротивления англичанам, потому что сопротивление приносит лишь один результат — разрушения.

Палата постановила, что Ахмед Араби и его сторонники обратятся к хедиву с петицией о помиловании.

Абдаллах Надим начал составлять эту петицию, наполнив ее обвинениями против англичан, руганью их и объяснениями происшедшего. В этой петиции он ни словом не обмолвился об Араби, его последователях, об их ошибках. Когда эта петиция была прочитана им перед палатой, то она не встретила ни сочувствия ни симпатии. Бутрус-паша Гали, товарищ министра юстиции, продиктовал новый текст петиции, прося милости. Ее утвердили. Ру'уф-паше и Бутрус-паше поручили передать ее хедиву. 'Али ар-Руби попросил, чтобы его присоединили к ним. Это было принято. Они отправились специальным поездом, но в Кафр-ад-Даваре они получили телеграмму, в которой предлагалось им подождать Абдаллаха Надима. Они дождались его. Он прибыл к ним с новым текстом петиции, резко расходящейся с той, что была у них на руках, потому что она приукрашала Араби, скрывая его слабость. В этой последней петиции говорилось, что все, о чем сообщают хедиву об Араби, продиктовано подлым злорадством. После того как Абдаллах Надим передал делегации эту новую петицию, он скрылся бесследно.

По прибытии делегации в Александрию, хедив заколебался, принять ли ее или нет. Затем он приказал арестовать 'Али ар-Руби и посадить его в тюрьму. Это вызвало радостное возбуждение в Александрии. Канцелярия хедива стала получать со всех концов страны поздравительные телеграммы. Поздравление хедив получил также от английской королевы.

Что же касается мероприятий по защите, которые были предприняты по совету Махмуда Сами, то они сводились к тому, чтобы прервать железнодорожную связь между Загазиком и Муниет аль-Камх, затопить земли Шаркии и

Кальюбии, но крестьяне не хотели этого, равно как они противодействовали перерыву сообщения по мосту Шибин аль-Канатир еще до сражения при Тель-эль-Кебире.

Говорили, что некоторые из крайних считали целесообразным сжечь Каир, как это было сделано с Александрией, но время уже было упущено для каких бы то ни было действий.

Араби послал из Каира телеграмму Абд аль-'Алю в Дамиэтту, запрашивая его мнения. Тот ответил, что стоит за продолжение борьбы.

Что же касается генерала Волслея, то он, не теряя времени, направил в Загазик индусские войска по железной дороге, которая была переполнена разбегающимися солдатами. Но ни один из них (разбегающихся солдат) не дал ни одного выстрела по английскам войскам.

Прибыв в Загазик, генерал Мак Ферзон застал там четыре эшелона солдат. Англичане захватили три из них, а четвертый успел уйти, но через некоторое время он столкнулся с поездом, следующим из Бенха, и английский генерал захватил оба этих последних поезда.

Генерал Волслей поручил начальнику кавалерии генералу Друи Лоу спасение Каира, и тот в срочном порядке направился для этого с кавалерийским полком и с отрядом пехоты.

Мы уже упоминали, что этот генерал чуть было не догнал Араби и Бельбесе, где он провел ночь.

С наступлением сумерек 14-го генерал Друи вступил с своими войсками в Каир со стороны Шубра.

Население тысячами собралось на улицах и, когда взоры бенгальских улан упали на минареты, а они были бенгальскими мусульманами, то в один голос они воскликнули: „Аллах велик, аллах велик. Нет бога кроме бога, и Мохаммед посланник бога". Собравшиеся на улицах толпы повторяли слова свидетельства веры, пораженные этой странной неожиданностью. Это и было завершением похода, когда было сделано сто пять километров за два часа.

Генерал Друи Лоу находился в затруднительном положении, так как войско его было немногочисленным, а египетские войска в столице были сильны, владели укрепленными возвышенными пунктами, крепостью и казармами Аббасии. Английские войска направились к Аббасии и там расположились лагерем.

Из того, что можно почерпнуть со слов свидетелей сдачи Каира, их показаний по делу Араби перед военным трибуналом, показаний Талябы Исмета, 'Али ар-Руби, Исмаила Мохаммеда-паши, Ахмед-паши Нашата, Ибрахима-паши Халиля, Ибрахима-Бек аль-Халябави и из доклада Ибрахима Февзи, начальника полиции, и из доклада Рида-паши и телеграмм, которыми обменялись Араби с Махмудом Сами и Абд аль-'Алем, — из всех этих показаний следует, что генерал Лоу потребовал именем хедива Тевфика от Ибрахима Февзи, начальника полиции, и от Рида-паши, коменданта египетских войск, разоружения и приведения в негодность артиллерии. Ночью английские войска обошли Каир и поднявшись на Джебель взяли крепость и освободили заключенных в Тубхане знать и мудиров.

Крепость насчитывала около четырех тысяч солдат. После сдачи крепости Джебель солдаты спустились к Нильскому дворцу. Число английских солдат, прибывших в эту ночь в Каир, достигало приблизительно семи тысяч, они падали с ног от усталости.

Генерал Лоу, по прибытии своем в Аббасию, потребовал от Ибрахима Февзи ареста Араби, его соратников и последователей и препровождения их в Аббасию. Ибрахим Февзи отправился к ним и довел до их сведения приказ генерала. Араби вместе с Талябой Исметом отправились в Аббасию. Затем генерал потребовал к себе 'Али Юсуфа, известного под именем Хунфуса, того, который открыл англичанам дорогу в Тель-эль-Кебир, и передал им ключи крепости Джебель.

Когда Араби вместе с находившимися при нем прибыл в лагерь англичан, их тут же окружили солдаты и вместе с ними направились в ставку генерала,— и вот здесь-то расходятся версии о том, как генерал встретил Араби.

По одной версии, генерал, сидя в кресле с ногами, протянутыми на стул, не обратил внимания на Араби и его товарищей, а лишь погодя обратился к нему с вопросами. „Это ты Араби, который восстал против своего государя, вышел из повиновения ему и беспричинно воевал против него?"

Араби ничего не ответил. Тогда генерал приказал им разоружиться. Когда Араби протянул генералу Лоу оружие,—тот воздержался от того, чтобы взять его лично, и велел Араби бросить его, а одному из солдат приказал подобрать его. Затем он приказал заключить под стражу Араби, Талябу и 'Али Юсуфа.

А по другой версии, Араби, передавая свое оружие генералу, сказал при этом: „У нас тридцать пять тысяч солдат в Каире, Кафр ад-Даваре и Дамиэтте, но мы решили сдаться вам, веря в вашу справедливость".

По истечении трех дней, их перевели в казармы охраны Абдинского дворца. Когда настало утро 15 сентября, весь город был уже в руках англичан, и солдаты их заняли абдинские казармы.

14-го вечером повстанцы послали во главе с Якубом Сами делегацию для встречи генерала Волслея, который телеграфировал, что будет ждать их в Бенхе.

Прибыв туда, они застали генерала лишь с одной ротой солдат. Выслушав обращенные к нему мольбы, генерал приказал Якубу Сами отправиться в Кафр ад-Давар для сдачи укреплений, фортов и войск, а сам продолжал свое путешествие в Каир. Он занял Абдинский дворец, который, по приказу хедива, был заранее подготовлен для него.

При Волслее находились Султан-паша и некоторые египетские офицеры, которых хедив прикомандировал сопровождать войска генерала Волслея. Со всех сторон стали прибывать к нему различные делегации. Султан-паша взял на себя снабжение английских войск, содержание которых обходилось в тысячу фунтов стерлингов ежедневно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОЧЕРК 50

(„Аль-Ахрам“ от 29 I 1932 г.).

Разрушение египетской империи. Изменение мировой политики. Утрата равновесия. Возникновение последних войн.

Мы не станем возвращаться к древней истории для того, чтобы вместе с известным археологом Масперо сказать, что египетский народ — это тот единственный народ, который внезапно пробуждается от сна живой и сильный как раз в тот момент, когда о нем говорят, что он уже мертв и похоронен.

Мы не будем возвращаться вместе с ним к истории распространения его господства на окружающие его земли с востока и запада, распространения, подобного морскому приливу, а затем возвращения его в свои берега, подобно отливу воды после разлива, но мы займемся рассмотрением новой истории.

Турецкая империя не чувствовала упроченными основы своего государства до тех пор, пока не были подорваны основы Египетского государства, которое стремилось к установлению мирных отношений с Персией. Когда султан покончил с Туман-беем благодаря предательству его везира, он лишил Египет всей его мощи, знания и искусства. Он (султан) раздробил Египет на отдельные части, с тем, чтобы они были враждебны друг другу. Так было до тех пор, пока не пришел Наполеон, который покончил с могуществом мамлюков, затем появился Мохаммед-'Али, который совсем покончил с ними и восстановил единство Египта, вызвав к жизни дремавшие в нем силы, и Египет распространил сень своего суверенитета от гор Тавра до Индийского океана, Персидского залива, экватора, вплоть до границ Триполи.

Призрак могучей Египетско-Арабской империи пугал Европу.

Англия и державы обрушились на Египет после 1835 г. Англия сочла Египет, одержавший победу, побежденным, а Турцию, потерпевшую поражение, победительницей (слова Биконсфильда). Англия насильно установила границами Египта Сахару и два моря (Средиземное и Красное). Англия превратила Египет в слабый беспомощный оазис на пути в Индию. Суверенитет над Египтом Турции и контроль держав были отменены. Было установлено, что Египту воспрещается располагать военной силой, которая превышала бы 18 000 чел., но заложенные в Египте силы, мощь, устремления толкали его вперед, и Египет овладел Суданом вплоть до второго градуса за экватором и овладел Красным морем вплоть до Индийского океана.

Египет установил свое господство над Занзибаром по договору генерала Селима с султаном Занзибара об учреждении над ним протектората Египта. Этот герой (генерал Селим) прошел со своим войском африканский материк вплоть до аравийского государства, и Уганда, по договору Бельфуна, ее ответственного представителя, была введена под сень этого протектората. Египет потребовал также подчинения от эмирата Харар. Египет предстал в виде второй огромной африканской империи, после того как он уже был африканско-азиатской империей. Господство этой империи в большой мере зиждилось на установлении мирных отношений, больше чем на применении насилия, так что

Саид-паше пришла даже в голову мысль эвакуировать Судан, но против этого высказались сами суданцы. И если первая египетская империя была разрушена Лондонским соглашением 1841 года, то могла ли Европа предоставить Египту возможность жить и возрождаться, раз Египет владеет Африканским материком—источником людского материала для армии, раз он владеет всем Нилом—кладом плодородия, владеет обоими побережьями Красного моря, дорогой в Индию, владеет Востоком и Западом, источником минералов и ископаемых, раз в руках Египта Суэцкий канал—ключ к обеим частям света и их торговли? Исмаилу, возродившему устремления своего деда Мохаммеда-'Али (а ведь стремления всякого народа соответствуют степени его величия), в связи с замечательным празднованием по случаю открытия Суэцкого канала в 1869 г., приписывали намерения объявить себя независимым султаном Египта и Судана.

Если даже эта мысль и не приходила в голову Исмаила, то государство, над которым он распространял свой суверенитет, заслуживало того, чтобы властителю этих владений был присвоен титул султана Египта и Судана, и он был бы султаном всей Африки, если бы был предоставлен самому себе.

В 1878 г. Гладстон раскрыл перед миром цели английской политики сказав: „В ближайшее время мы овладеем арабским Суданом и отсюда протянем руку нашим братьям на юге Африки. Мы образуем Африканско-Британскую империю, и тогда перед нами останется только лишь Абиссиния,— ее мы захватим по пути в дальнейшем".

Если историки согласны в том, что одновременное возникновение египетской и суданской революций произошло случайно, а не преднамеренно, то тем не менее они должны сделать вывод о том, что орудия разрушения, подрывающие основы этой империи, действовали в одно и то же время.

Если все согласны в том, что принципы египетской революции опирались на благороднейший высокий принцип: „Египет для египтян", то вызывает удивление дальнейшее продолжение этой революции, после того как она достигла своих целей, после того, как она даровала стране одну из наиболее совершенных конституций; вызывает удивление продолжение этой революции до тех пор, пока в конце концов не осталось лишь одно требование „революция ради революции". Многочисленные факторы, более того многообразные средства действовали для разрушения этого возвышенного сооружения (египетской империи).

Мы видели державы, и на первом месте среди них Англию, оказывающие давление на Египет из-за долгов. А ведь Египет приостановил платеж процентов по своим обязательствам всего лишь на три месяца и не дошел подобно Турции до банкротства, но, тем не менее, Турции помогли, простили ей ее банкротство, а Египет стеснили. Хедив Египта Исмаил, желая дать державам удовлетворение и добиться их благосклонности, продал Англии свои акции Суэцкого канала, но Англия этим не удовлетворилась. Исмаил принял контролеров, но и это не оказалось достаточным для Англии. Исмаил предоставил единственному в Египте английскому банку право выпуска денежных знаков, но и это не удовлетворило Англию. Исмаил перепоручил некоторым представителям Англии дело управления в Судане, но и это оказалось для нее недостаточным. Точно также, когда Исмаил уже ввел в состав своего правительства в качестве министров европейских контролеров, то и тогда Англия

не замолчала. Исмаил отказался от Даиры, от домэнов, своих дворцов, учредил долговую кассу, парламент, а полномочный представитель Англии продолжал настаивать, говоря: „Для этой страны подходит лишь порядок управления англичан".

Лорд Дафферин толкал Порту в ее устремлениях, двигал ее побуждениями, запугивая ее Египтом и его (Египта) тенденцией к возрождению арабского халифата. Он воздействовал на нее своим обещанием вернуть Порте Египет на положение валайета. Порта повела свои интриги, стремясь расшатать устои династии Мохаммеда-'Али, о чем свидетельствовала переписка, представленная Араби военной следственной комиссии.

Франция увидела, что Германия потребовала от Англии, чтобы та развязала свои руки в отношении Франции, оправившейся уже от поражения 1870 г. Германия захотела покончить с Францией, развязав взамен руки Англии в Египте. Англия отделалась от соучастия Франции в подавлении восстания. Англия направила политику России и Австрии на Балканы, где они соперничали. Говорили даже, что Гладстон преднамеренно для этого спровоцировал тогда болгарскую революцию, чтобы отвлечь внимание России и Австрии от Египта. Египтяне же из-за своего благородства не замечали интриг держав. И даже более того, они поставили во главе своего министерства двух иностранных контролеров и оттеснили с важнейших государственных постов представителей коренного населения, выдвинув вместо них иностранцев. Египтяне обременили себя тяжелыми налогами и займами, усиливая тем самым мощь повстанцев.

Благосклонность халифа к повстанцам возрастала, их квалифицировали как защитников ислама, стоящих на страже его сущности.

Затем такие как Малет, Блэнт и Грегори усиливали мощь повстанцев, которых они защищали в лондонской прессе, гордились их победами над Европой и ее политикой.

Все эти подстрекательства поставили народ в положение повинующегося мановению руки вождей повстанцев, они расчистили для этого атмосферу в стране и тем, что освободили страну от влияния таких умудренных опытом людей как Нубар, который устроился на это время в Константинополе, Риад, который удалился в Швейцарию, Шериф, который пребывал в Порт-Саиде, и прочих, которые сопровождали хедива в его бегстве из Каира в Александрию. 'Али-паша Мубарак, отвечая на упреки в том, что они (умудренные опытом государственные люди) оставили народ в решающий момент, говорил: „Что нам десятку или сотне сделать перед стремительно бурным потоком, сметающим все и вся на своем пути; разве мы можем устоять перед лицом его?"

Шейх Мохаммед Абдо объяснял упорство Араби страхом его за себя после выступления против хедива и его правительства. Араби требовал представительного учреждения только лишь для того, чтобы найти в нем защиту для себя, и все то, что он предполагал делать вслед за этим, было направлено лишь к тому, чтобы найти себе защиту в лице Турции или одной из держав.

Полководцы — адмирал Сеймур и генерал Волслей вели войну, если правильно будет назвать то, что произошло между ними и Араби, войной. Оба эти полководца вернулись из Египта лордами, подобно сэру Берингу и генералу Китченеру после них.

Затем прибыл лорд Дафферин, который в египетском вопросе использовал Турцию как игрушку в своих руках. Турция поступила так, как он того хотел. Прибыл он в Египет 7 ноября 1882 г. и покинул его 6 февраля 1883 г. после того, как он закончил свой доклад, который и был положен в основу управления делами Египта англичанами. Англичане продолжали следовать принципам этого доклада вплоть до конца, а из его доклада заслуживают упоминания следующие слова лорда Дафферина: „счастье каждого народа должно быть гарантировано следующими тремя обстоятельствами: первое это наличие военного и гражданского порядка, но Египет нуждается в военной силе лишь в объеме нескольких рот, верховное командование которыми находилось бы в руках английских офицеров для борьбы с бедуинами и жуликами, которые с сверхъестественной силой подстрекают массы, а для поддержания гражданского порядка достаточно регулярных судов. Что же касается третьего обстоятельства — представительных учреждений, то для Египта достаточно совета старейшин (меджлис-аш-Шура). Конституционный порядок может упрочиться в стране лишь в том случае, если он развивается в ней медленно и пускает свои ростки постепенно, на Востоке же нет корней свободы, потому что деспотизм, если он даже и не убивает семян свободы, то „делает непригодной почву для их произрастания". Этими принципами англичане руководствовались и после этого, а большинство из них и до сих пор — в центре их внимания.

Не успела оккупация упрочить свои основы, как уже начала разрушать огромную империю (Египетскую). Лорд Дафферин, который в своем докладе говорил, что Египет нуждается в военной силе всего лишь в объеме нескольких рот, приученных к военному порядку, тот же лорд Дафферин потребовал от Шериф-паши эвакуации Судана. Шериф отказался и подал в отставку, говоря: „Если мы оставим Судан, то он нас не оставит". После этого он писал: „Если мы сделаем границами Египта Ассуан или Вади Хальфа, как того от нас требуют, то нам необходимо будет назначить для охраны наших границ от пятнадцати до двадцати тысяч солдат, расходы на содержание которых превысят расходы по управлению Суданом. Защита границ Египта требует, чтобы мы были хозяевами положения на Белом Ниле, и было бы безумием оставить Хартум и соседние с ним области, — нам нужно, защищая себя, защитить их". После Шерифа министерство взял на себя Нубар, и англичане послали генерала Хувейта к негусу Абиссинии, чтобы договориться с ним о предоставлении ему как эмирата Харар, так и областей Кассаль, Амадиб, Сунхейта, со всеми находящимися в них сооружениям и припасами.

После этого Англия договорилась с Италией о предоставлении последней Массауа со всеми военными пунктами, расположенными между Массауой и Ассаба.

Французская газета „Босфор" повела большую кампанию против англичан, в связи с чем была закрыта Нубаром-пашей. Французский консул покинул Египет в знак протеста, и Нубар-паше пришлось официально принести свои извинения.

Затем был отменен двойственный контроль над финансами Египта, и был назначен финансовый советник-англичанин, которому было дано право присутствовать на заседаниях совета министров и возражать по поводу всего того, против чего он счел бы это необходимым.

Затем произошло следующее: итальянские войска и итальянский флот осадили Массауа и потребовали от каимакама Амун-бека сдачи города и укреплений, против чего тот заявил протест, потому что в области царило спокойствие и порядок. Амун-беку не дали возможность поставить в известность об этом требовании Каир. Ему предъявили категорический ультиматум, и он был вынужден очистить область и уйти со своими людьми в Суакин.

Затем англичане захватили Бербер, спустив египетский флаг на укреплениях города и подняв вместо него английский. Египетские солдаты вышли из одних ворот, а английские войска вступили через другие ворота. Таким образом были заняты укрепления вдоль побережья Красного моря Рабиа, Акаба и др. Египту оставался лишь Суакин, который тоже был взят и после покорения Судана был присоединен к нему (Судану). Но несмотря на это Египет не переставал и должен будет продолжать платить и впредь вплоть до 1955 г. суммы, установленные фирманами за эти берега, а именно: пятьдесят тысяч гиней в год с Суакина, пятьдесят тысяч с Массауа и десять тысяч с Бербера и ее районов.

Платит эти суммы Египет, а владеют этими областями другие страны.

Так закончилась эта революция и так была разрушена Египетская империя, но народы не умирают, и вся задача в том, чтобы Египет оставался живым, чтобы Египет был мощным, и тогда он силой вернет себе свое право и власть, как это он возвращал себе на протяжении древней и новой истории.

Для народов история не есть повествование и только. Но история для народов есть учитель, ведущий и инструктирующий, и к этому мы и стремились в изложении различных стадий египетской революции по случаю пятидесятилетия со времени ее возникновения.

Нет сомнения в том, что захват Англией Египта и Судана нарушил равновесие сил между державами. После того как Англия отстранилась от Магриба (северная Африка — Марокко) в пользу Франции, Италия и Германия стремились восстановить равновесие в Средиземноморском бассейне, и пребывание англичан в Египте служило причиной имевших место войн.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Обзор источников	7
Экономическое положение Египта накануне восстания	15
Исторический ход восстания	29
Расстановка классовых сил и классовая борьба	77
Приложение. (Очерки, печатавшиеся в египетской газете „Аль-Ахрам“ в 1931—1933 гг.)	103

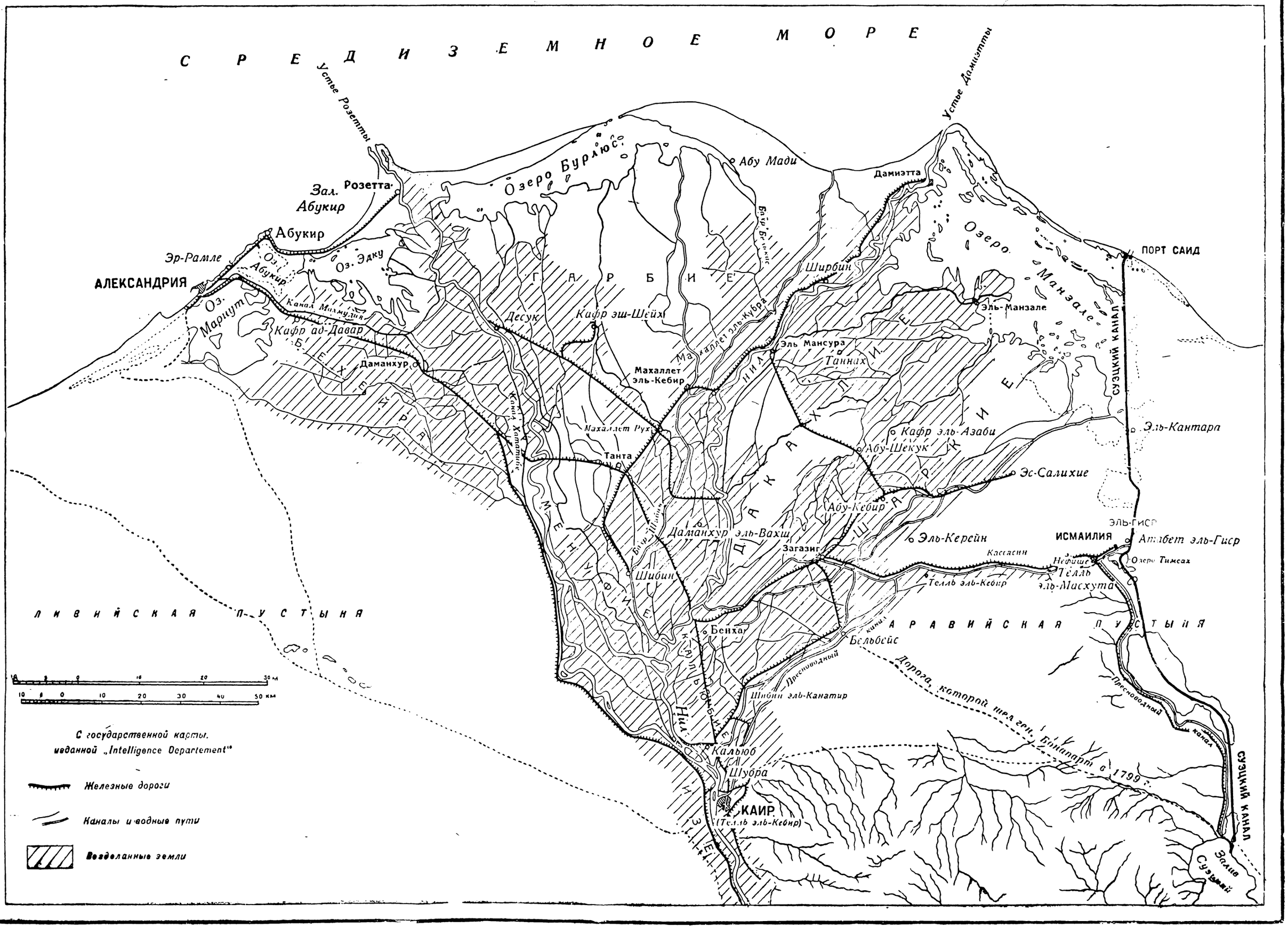
Отв. ред. акад. И. Ю. Крачковский
Технич. редактор Р. И. Сквирская
Ученый корректор А. В. Сорокина
Переплет художника Г. А. Брылова

*

188 стр. + 1 вкл.
Сдано в набор 11 августа 1936 г. Подписано к печати 26 декабря 1936 г. Формат бум. 62 × 94 см. 12 1/8 печ. л. 13.15 уч.-авт. л. 44780 тип. зн. в печ. л. — Тираж 4225.— Ленгорлит № 27619. — АНИ № 1397. — Заказ № 1511

*

Типография Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12



Х. И. Кильберг. Восстание Араби-Паши в Египте